

ИНЕССА ИВАНОВА

**СОСТАВИТЕЛЬНИЦА
ЯДОВ**

НЕ ВЛЮБЛЮ, ТАК ОТРАВЛЮ

Annotation

Моя самостоятельная жизнь началась с большого обмана.

Мне удалось вырваться из приюта и незаконно приобрести лицензию гильдии травников. А также устроиться помощницей к знаменитой составительнице ядов.

Правда, способностей у меня кот наплакал. Но ничего, что-нибудь придумаю.

На худой конец, обращаюсь к тому, кто однажды уже помог мне. К некоему Рыси, Королю мошенников. Мужчине весьма привлекательной наружности, но душа которого, по слухам, чернее ночи.

-
- [Составительница ядов. Не влюблю, так отравлю](#)
-

Составительница ядов. Не влюблю, так отравлю

Инесса Иванова

Часть первая. Глава 1

— Итак, женщина, повтори ещё раз, ради смеха, зачем тебе поддельная лицензия на членство в гильдии травников? Неужели ты даже экзамен не смогла выдержать? Тогда какой резон?

Говоривший мужчина был молод. И красив той красотой, которую принято называть аристократичной. Тонкие черты лица, голубые глаза, волевой подбородок и взгляд. Проницательной до мурашек.

Король мошенников всех мастей славного города Плауполиса. Двое его сторонников, расположившихся по обе руки за столом, дружно засмеялись, но стоило ему посмотреть на одного из них, рябого, как замолчал и второй, чуть косивший правым глазом.

— Не хочу тратить деньги на обучение, — выдохнула я и бесстрашно уставилась в лицо Королю. Все звали его Рысью. За способности укрощать волю зверей.

— А как работать собралась?

— Поступлю в услужение к мастерице Ванде Многорукой, — улыбнулась я, и больше вопросов не последовало.

Трое мужчин посмотрели так, будто я с ума сошла. А что с сумасшедшей спрашивать-то?! Всё одно, лепет неразумный.

— Это будет стоить двести пискалей. Есть у тебя столько?!

Я открыла было рот, чтобы съязвить, что годовое обучение выйдет в два раза дешевле. Но так ничего и не сказала.

Идти учиться некогда, надо деньги зарабатывать, у меня за спиной родителей нет, а сирота может заработать деньги либо воровством, либо в борделе.

Первое приведёт на Городскую площадь к виселице, второе — в Храм Призрения, где лечат падших и забирают их силы путём уничтожения зародышей в материнском чреве.

— Есть, — гордо ответила я, понимая, что на жизнь останутся крохи.

Зато будет работа. Первая. Настоящая.

Деньги. Именно они привели меня на окраину города. Не трущобы, но и не место для благородных столичных господ.

Квартал Вечной Тьмы, где живут существа полусвета. Те самые, без которых в реальной жизни не обойтись, а якшаться с такими противно. Вдруг замараешься?

Я планировала сначала пару дней пожить для себя. Прикупить приличное платье в магазине на Торговой аллее. И шляпку. Обожаю шляпки.

Мадам Попечительница приюта всегда носила такие. Она казалась мне воплощением элегантности и красоты. Да и на уроках этикета нам втолковывали, что девушка должна носить шляпку, иначе эта падшая женщина. А с такими не только не здороваются, на другую сторону улицы переходят, едва завидев.

Эти уроки носили чисто прикладной характер. Девочек из приюта, когда они вступали в шестнадцатую весну, любили выбирать знатные господа. Пока только присматривали себе хорошенькую, чтобы после снять ей меблированные комнаты.

Везло не всем. Даже из тех, кого выбрали. А меня вот никто не возжелал. К счастью для нас обоих.

Я на два года после исполнения восемнадцати осталась нянечкой при самой младшей группе. Хотела скопить денег и уж тогда пойти учиться! Но оказалось, это не так просто.

Платили крохи. Работала от рассвета до заката. Как няня и как полумойка. За два года собрала не больше триста пискалей. Зато поняла, что работы не гнушаюсь, но законным путём никуда не приду. Разве что на кладбище за приютом.

И вот мисса воспитательница, из пожилых приживалок, всю жизнь отдававших силы воспитанию никому не нужных, подсказала, куда следует стремиться. В гильдию. Без работы не останешься, учеников можно набирать. Только умение нужно. И способности.

И я решилась попробовать.

— Мне ученица без надобности, — смирила пустым невидящим взглядом Ванда Многорукая. Старуха-не старуха, а и молодой не назовёшь. — Помощница нужна. Только язык готова держать за зубами? Клятву неразрывную принесёшь?

— Да, мадам, — пролепетала я, опуская глаза.

Что угодно сделаю, раз по-другому никак. О сколько порогов я сбивала обувь, пока не получила надежду! Никто помощников не нанимал, должности передавались по наследству или по родству, да по связям.

А в обучение мне нельзя идти. Не на что жить будет, пока получу знания.

— Слышала, кто я?! — усмехнулась Ванда и впервые посмотрела в глаза. Точно нечистая сила! Взгляд у хозяйки был, как у той, кто в душах читает, кто тайные помыслы ведаёт. — Почему ко мне пришла?

— Платите много. И умение ваше редкое, конкуренции будет мало.

— А знаешь, почему? — засмеялась Ванда. Я раньше думала, что все ведьмы рыжие, а у неё внешность вполне добрососедской кумушки, любящей сдобу. — Потому что сначала они купят у тебя яд, а потом попытаются убить. Или под пытками скажут, кто их надоумил. Себя-то обвинять никто не любит, а тебя, сам бог велел. Тебя и не жалко.

Ванда встала из-за обеденного стола. Кушанья были такие аппетитные, что в очередной раз проглотила слюну. Дама, не обращая на это внимания, принялась самолично убирать их в погреб. Да ещё и мне показала, мол, помогай.

— Почему меня Многорукой называют, ведаешь? Потому что считают, что у меня везде свои люди. А всего и делов-то, знай в свечу, что горит на столе при встрече, добавляй травы, вызывающие забвение. Уйдёт такой от меня с ядом за пазухой, а обратно дороги не найдёт. Наутро и не поймёт, что здесь был.

Я старалась внимательно слушать и не показывать страху, но руки, подающие хозяйки котелки, да крынки дрожали. Говорят, отсюда живым не уйти. Коли не сладишь с хозяйкой.

— Вижу, нужны деньги, — голова, а потом и сама хозяйка снова появились в кухне. Женщина сложила лестницу, ведущую в подпол, и захлопнула дверцу в полу. Я закашлялась от пыли.

— Ответишь, зачем мне помощница, так и быть, возьму. Ну, давай прояви смекалку, она в нашем деле важнее прочего.

Я напряглась. Иногда мне удавалось понять намерения другого человека. Это не чтение мыслей, но всё же. Однако контролировать

этот процесс невозможно. Оно как-то само всплывает, когда нервничаю.

— У вас стало много заказов, — ответила я после небольшого раздумья. — Вы бы и рады отказать некоторым, да не всем можно.

Ванда обернулась и зыркнула так, что у меня коленки подкосились. Не то страшно, что убьёт, а то, что прогонит. Я все деньги потратила на лицензию гильдии травников. Второго шанса не будет.

— Ладно, — раскорячив руки в боки, протянула хозяйка. — Причина хоть и надуманна, да неплоха. На правду похожа. Беру тебя, как там твоё имя? Только смотри, служба у меня не сахар. И побить могу, коли напортачишь.

Я так обрадовалась, что даже к ручке приложиться хотела, но Ванда махнула рукой и сняла косынку. Волосы хозяйки были наполовину седыми, наполовину серыми, мышинными. Видать, не так уж хороша её жизнь да ремесло, как мне пели в округе!

Да ничего, справлюсь!

— Только приступить немедленно! А то передумаю!

Так и накрылась моя мечта — погулять по городу. Да не страшно, шляпка у меня ещё будет! Много шляпок!

— На вон косынку надень! Чистая, не бойся, — продолжила Ванда, доставая из сундука, стоявшего тут же в кухне, чистую, но уже выдавшую виды косынку. Когда-то она была белого цвета. — В нашем деле непокрытой нельзя. А то ядовитый сок брызнет на волоса, плешивой станешь. Меня винить начнёшь!

И хозяйка, видя мою оторопь, сложила руки на груди и громко рассмеялась. Зубы у этой Ванды были на загляденье: ровные и белые.

Такие в её годах только у господ бывают. Кто на отбеливающее зелье не скупиться. А стоит оно столько, сколько в приюте и за десять лет не заработаешь.

— Конечно, мадам, — ответила я, прикинув, что работа хоть и сложная, да, сразу видно, прибыльная.

— Называй меня, хозяйка. А теперь — в лес! Мне корень спаригии позарез нужен! Для тебя, между прочим!

Об этом корне я и слышать не слыхивала, но виду не подала. Скажи спасибо, София, что читать-писать в приюте научили, да немного про окружающий мир растолковали, а дальше сама-сама. Слышала я о школах, где даже сироток обучают боевой или иной благородной магии, только по её окончании, придётся поступить в услужение туда, куда укажут.

Имя поменяют, судьбу. А пропадёшь — искать не станут. О таких школах поговаривали, что по доброй воле туда не попадают. И никогда не знаешь, кем в итоге окажешься. Кормилицей благородной семьи или шлюхой самого дешёвого борделя под прикрытием.

Поэтому я выбрала то, что хотела сама. Вольную, хоть и подчас голодную жизнь.

А сейчас, когда подошла к городским воротам, подумала, что зря поверила в судьбу. Лес, окружающий Плауполис, имел дурную славу. Никто после заката туда не ходил, а кто ходил — тому сам бес не брат.

— Куда ты, красавица? — спросил один из стражников, пухлый и низенький, подняв факел так, чтобы осветить моё лицо. — В такой-то час? На Ратуше часы десять раз пробили!

— Мне по делам, — ответила я с чувством собственного достоинства. — Я работаю помощницей мадам Ванды. Травницы. Слыхали, небось, про такую?

Трое стражников, стоящих в стороне позади товарища и с интересом наблюдающие, чем кончится дело, дружно загоготали.

— У Ванду Многорукой? Да у неё отродясь помощниц не было. А ну, показывай печать гильдии!

Спорить бесполезно. Не торопясь, я закатала рукав платья. Сердце болезненно сжалось, вдруг печать исчезла? Рысь и обмануть мог, Король мошенников всех мастей, что с него возьмёшь?!

— О, глянь, Олаф, вроде настоящая! Не врёт, стало быть! — низенький толстячок подозвал одного из товарищей, высокого, но пузатого. Тот криво усмехнулся, посмотрев сначала на мою грудь.

Я порадовалась, что на днях купила тёплый плащ, спасающий как от холода, так и от нескромных взглядов. Лето-летом, а травнице и осенью придётся под открытым небом работать.

— Настоящее, — процедил сквозь зубы высокий и сплюнул в сторону. — Видно же, вон закорючка и завиток. И зелёная загогулина, такие только в травяной гильдии ставят. Переливается зелёным.

— Смотри не заблудись! — неслось мне вслед, когда процедура осмотра закончилась, и ворота раскрылись, выпуская меня из города.

— Если что, кричи! На выручку прибежим!

Брехня! Никто не придёт. Да и не услышит.

Сразу за воротами начиналось небольшое поле, а потом уж и до леса рукой подать! Шла я бодро, напевая себе под нос весёлую мелодию, которую не распевает в Квартале Вечной Тьмы только ленивый.

В балладе поётся о девушке-сиротке, вдруг нашедшей своего принца. Она привлекла его кротким нравом да магическим приворотом. А потом стала важной дамой. Семья, кстати, тут же нашлась и поспешила явиться к сиротке под царственные очи!

А я бы погнала их поганой метлой! Зачем такие родственники, которых нет, когда они были нужны?

Перед тем как вступить в лес, я остановилась и открыла сумку, перекинутую через плечо. Порылась и на ощупь нашла фонарик с масляными зарядами. Магии в нём не было, не по деньгам мне всякие новомодные штучки, зато светил, как прожектор на городской тюрьме!

Поискала ещё и выудила на свет Луны тонкую брошюрку. Купила я её по случаю на ярмарке в посёлке, близ которого расположен приют. Неподалёку отсюда.

Всегда любила разнотравье, чай пить, отвары делать, вот и купила. Думала пригодиться. А потом вон как оно завертелось!

— Так, — деловито сказала я вслух. Нарочито громко, чтобы страх отогнать. Где страху нет — нет и места несчастьям. Так говорила одна из воспитательниц, я и запомнила.

— Спаригия. Где ты тут прячешься?!

Просмотрела оглавление и открыла нужную страницу. Ох ты, святые коренья, так это же Melissa лекарственная! Нельзя было сразу так и сказать. Я из неё столько настоек от кашля в приюте сделала!

Настроение у меня повысилось, я почувствовала уверенность в своих силах и бесстрашно, освещая фонариком, себе путь, ступила в лес.

В Плауполисе я уже почти полгода, так сказать, полноценный житель столицы, только в лесу ночью за всю жизнь не побывала. Вспомнились легенды о том, что деревья ночью оживают, только байки

это. Разве Магический совет при короле допустил бы несанкционированную магию, да ещё в таких масштабах?!

Ладно, надо сосредоточиться на задании. Потом вернуться в гостиницу и собрать вещи. Я-то думала, что погуляю дня три, а потом в услужение к Ванде отправлюсь, да так оно и лучше. Сэкономлю на плате за ночлег!

Мелисса росла у старого дуба. Значит, здесь уже недалеко.

Увидев искомое, я ринулась к подножию дерева, между корней которого росла трава.

Даже начинающему понятно, что выкапывать растение голыми руками — верх глупости, на этот случай имеется специальная лопаточка. Вот такую я и носила с собой повсюду, верила, что пригодится. И этот день, вернее, ночь, настали.

Однако на деле всё оказалось непросто. Во-первых, купила я лопатку уже сильно бывшую в употреблении, на другую денег не нашлось, во-вторых, дождя не было больше двух десниц, земля утрамбовалась вусмерть.

Но и в последних, не было достаточно практики. Я всё больше руками работать привыкла, да и корни почти не выкапывала. Почти наполовину выкопала мелиссу, когда лопатка погнулась.

— Осторожно, надо выкапывать с комом земли, иначе корни обрежешь, — раздался над моей головой тоненький девичий голос, и я обмерла. Лесавка, что ли?

Слыхала я о таких духах самоубийц! Пристанут — живой не выберешься!

Я так и села на мягкое место и быстро отползла в сторону, забыв и о сумке и о погнутой лопатке.

Передо мной стояла пигалица в платочке, повязанном на деревенский манер под подбородком. Вся такая худенькая, в рабочем засаленном переднике.

— Меня Стефаной зовут. Стефой, — сказала она, ничуть не удивившись моей реакцией. — Я травницы Драфеи дочка, каждый куст здесь знаю.

— Чуть сердце не лопнуло, — пробормотала я, но новая знакомая расслышала.

— Я не хотела тебя напугать, помочь пыталась. Прости.

— Ты просто подкралась ко мне! Так и до смерти напугать можно! — продолжала бурчать я, но на ноги поднялась, отряхнулась и подобрала сумку. — Подожди, это не та ли Дорофея твоя мать, которая лекарственными травами на рынке торгует? У неё самые бросовые цены, а пучки толстые, не три былинки, как у некоторых.

— Она, — кивнула пигалица, обрадовавшись, что я больше не сержусь.

На девушке было надето платье, висевшее балахоном. Когда-то оно могло похвастаться яркой расцветкой, да давно полиняло от частых стирок. Передник и вовсе был так велик, что едва не доставал подолом до земли. В таком и ходить неудобно, но со стороны казалось, что девушке одежда неудобств не доставляет.

Дорофею Лекарку знали многие. Она помогала в лечении недугов тем, кому не на что было пригласить настоящего целителя из гильдии. За это многие её недолюбливали и за глаза звали ведьмой. А народ, пользовавшийся её почти дармовыми услугами, тоже не привечал женщину. Ведь не целитель, а туда же! Но Дорофея не обижалась и лечила усердно, как могла. Я бы давно злым кумушкам с рынка добавила в отвар слабительное или закрепляющее.

— Вот, готово! Возьми! У тебя есть мешочек для растений?

Пока я стояла и раздумывала, Стефа закончила начатое мной, да так ловко, что оставалось только подивиться и по-доброму позавидовать.

— Есть, Спасибо! Я София, помощница Ванды Многорукой.

Не успела я это произнести, как Стефа нахмурилась и отдернула руку.

— Ванды Отравительницы? Зачем же ей мелисса? Она не ядовита.

Я лишь пожала плечами.

— Я только к ней поступила. Она сказала что-то насчёт спаригии.

— А, это настойку делать будете. Для посвящения. Ну тогда тебе и зерновой спирт понадобится, пойдём со мной, у матушки есть!

Я хотела отказаться под предлогом, что и так задержалась, хозяйка недовольна будет, а потом подумала, что дружба с травницей не помешает. Может, научусь чему. Ванда наняла помощницу, а не ученицу, рассчитывать, что она станет платить просто так, не стоит.

Я, конечно, читала книги, имеющиеся в приютской библиотеке, да и местной травнице помогала, только она и сама не больно-то сведуща была.

Так что встреча с дочкой Дорофеей мне на руку. Даже если её мамаша меня выгонит, когда узнает, на кого я работаю. Дорофея помогает людям почти даром, а Ванда наживается на их тёмных делах. И берёт втридорога.

Ну а что я? В святые не записывалась. И за еду всю жизнь горбатиться не хочу. Люди, они всегда люди. Им нужны и такие, как Ванда. Свой шанс приобрести денежную профессию я не упущу!

— Я очень рада, что тебя повстречала, Стефа!

А то, что цели у меня меркантильные, так я ведь никому зла не желаю. Меня в приюте никто не жалел!

Так что пойду я за дочкой травницы хоть на край света. Правда, жили они с матерью гораздо ближе.

Словом. не пожалела я, что согласилась!

Глава 3

— Долго ещё? — спросила я, озираясь по сторонам.

— Нет, почти пришли.

Жила Дорофея Лекарка в квартале для бедняков. И хоть её покосившийся домик примыкал к кварталу Торговцев, людей вполне уважаемых и зажиточных, всё же стоял на самой границе между двумя мирами. Миром тех, кто с уверенностью смотрел в завтрашний день, и тех, кто жил только сегодняшним.

Дом был одноэтажным, с покосившейся входной дверью, но огород производил впечатление места, за которым ухаживали с любовью и рвением. Он был весь поделён на зоны.

Вот на востоке рос бурьян да крапива, на юге были расположены аккуратные грядки с помидорами и прочими культурными овощами, а на севере царствовали однолетние травы. Неказистые с виду, но крайне полезные.

— Не бойся, я сейчас одна дома. Мама с утра на рынке, а вечерами по людям ходит. Ведь купить травы мало, надо их правильно приготовить, — всю дорогу пищала Стефа.

Стражники, увидев нас вместе, только присвистнули, но обыскивать не стали. Так мы и добрались до хором моей новой

знакомой без приключений.

— Никогда не знала, что у Дорофеи есть дочь, — сказала я, входя в дом.

Здесь везде было чисто, но пахло одурманивающе. И как люди в таком запахе живут?! Вот у Ванды в доме пряной сдобой пахнет.

— И я не знала, что у Ванды помощница завелась, — резонно заметила Стефа и принялась ставить чай.

Ловко зажгла плитку-самопалку с помощью магической лучины. Меня же больше интересовал шкаф с высушенными травами, аккуратно разложенными на полках. Те, что уже просушились, были завернуты в плотную жёлтую бумагу и подписаны. После указания названия обязательно ставился год сбора и то место, откуда оно пришло в дом.

Да, Дорофея и её дочь своё дело знали!

— Там вот у нас и трактаты о лекарственных растениях имеются! — с гордостью сказала Стефа, заметив мой неподдельный интерес. — Я их все перечитала. Хочу, как мама стать. Я весной буду экзамен сдавать. Сложно это?

— Что, прости?

Я зачиталась этикетки на кульках и позабыла обо всём на свете. Оказывается, мать с дочерью наведывались в самую чашу леса за стенами! Точно, мне сегодня дважды повезло!

— Экзамен на право получения лицензии в гильдии? Сложно его сдавать?

— А, это, — протянула я. — Да, сложно.

Мне сразу вспомнилось лицо Рыси. Насмешливо-гордое, хитрое и взгляд такой, изучающий. Так смотрят на интересную вещицу и прикидывают, стоит ли она потраченного внимания. Или потом себе дороже выйдет.

Надо бы придумать какие-нибудь подробности этого экзамена, а то так и впросак попасть недолго.

— Покажи лучше книги! — перевела я разговор со скользкой темы, и Стефа радостно согласилась.

В комнате, служившей гостиной стояло два книжных шкафа, доверху набитых книгами. По стёртым названиям на корешках было видно, что их регулярно читают.

Я наугад вытащила одну, не самую толстую. «Лекарственные растения под ногами». Ну, то что нужно! Полистала пожелтевшие страницы, пробежала глазами заметки на полях, сделанные тонким грифелем и с сожалением отложила. Мне бы время найти, чтобы сесть и прочитать! Да в тетрадь, где я всё по работе конспектировала, переписать. Хотя бы основное!

Следующая книга, видно, когда-то стоила немало. Белые страницы, на которых самым подробным образом были изображены растения с подписями на древне-франдийском, языке всех лекарей и травников, добротный кожаный переплёт — такие книги стоили целое состояние!

— Это ещё бабушка маме дарила, — пояснила Стефа, забирая атлас у меня из рук. Наверное, боялась, что я испачкаю семейную реликвию. — Тогда мама хотела поступить в Травницкий отдел при королевской академии, это был последний год, когда туда принимали женщин. На финальном этапе конкурса её зарубили. Помнишь ту историю с травницей, которая проникла в королевскую резиденцию и пыталась отравить наследника?

Я помнила разговоры, об этом трубила вся столица. В газетах напечатали маленькую заметку, зато слухи во всех подробностях рассказывали и о внешности роковой красавицы-травницы и о том, что она использовала любовное зелье собственного приготовления, чтобы оморочить принца. Раскрыли её случайно, только так и не поймали. Словно сквозь землю провалилась!

— Ой, я совсем про зерновой спирт забыла! — вскрикнула моя новая подруга и полезла в подпол, находящийся в сенях.

— А зачем он? — осмелилась спросить я, когда получила стомиллиграммовую склянку, наполненную прозрачной жидкостью, прошибающей нос всем находящимся на расстоянии двух локтей.

— Для базовой спагирической настойки. Я толком её готовить не умею, это высшие дела, матушка такому меня не обучала, только знаю, что для посвящения она делается. А кого и куда, это уж уволь, не ко мне. Ванда скажет, раз взяла тебя. Как это тебе удалось к ней в помощницы прийти? Наверное, родственники богатые... Да я не лезу, не беспокойся!

— Да что лезть-то! Я сирота, в приюте выросла, никакими связями и покровительствами не обзавелась. Прости, мне пора. Ванда

хватится, да и поздно уже. Чай мы позже обязательно выпьем.

Я встала и засобиралась. Вдруг хозяйка, рассерженная моим длительным отсутствием, решит переиграть решение взять меня в помощницы?

— погоди, я тебе скажу так. зернового спирта бери четыре-восемь унций, не больше, а мелиссу растолки в порошок, мелко-мелко, чтобы подействовало. И вот, возьми мою лопатку, твоя долго не прослужит.

— А мне и дать тебе нечего, — улыбнулась я, испытывая неловкость. Видно же, что мать и дочь живут небогато, а незнакомым помогают, лопатку для выкапывания растений дарят. Не каждый на такое пойдёт.

— А я и не в расчёте на ответный дар делаю добро. Матушка говорит, что оно обязательно вернётся, в другом виде, каком надо будет, — улыбнулась Стефа и проводила меня до калитки.

До двухэтажного дома Ванды я добралась пешком. Не тратить же деньги на коляску или самоходный экипаж! Я пока не настолько состоятельна.

Вот выбьюсь в люди, тогда куплю себе наряды, шляпки и перчатки из такой тончайшей кожи, что почти не чувствуешь их, и экипаж самоходный, да буду разъезжать, как госпожа! Вот тогда заживу!

А ведь Ванда, пожалуй, могла бы одеваться не хуже какой-нибудь графини! Только не выставляла богатство напоказ. Интересно, почему?

Подумать об этом я не успела, потому как меня громко окликнули.

Глава 4

— Красавица, что это ты в такой поздний час одна ходишь? Уж не приятелей ли на ночь ищешь?

Это был городской патруль. Полицейские из низших чинов по двое обходили улицы и контролировали, чтобы порядок был.

Сейчас один из них намекал на то, что я проститутка. Как известно, занятия продажей тела разрешены только в специальных домах, имеющих на то лицензию. Но нужда и конкуренция заставляли девушек искать дополнительный приработок на улице.

Я порядком струхнула. Теперь меня утащат в участок и продержат там до утра. Объясняй потом Ванде, как так получилось, что не

пришла вовремя. Она резонно скажет, что нечего шляться, где попало, а с такой удачей в составительницах ядов делать нечего!

— Я помощница Ванды Многорукой, — пролепетала я, и ожидаемо, мой ответ был встречен взрывом хохота.

— Она говорит правду! — раздался позади смутно знакомый мужской голос.

Я обернулась и увидела крепкую высокую фигуру, выступающую из тени, отбрасываемой одним из трёхэтажных домов. На мужчине был плотный плащ с капюшоном, надвинутым низко на глаза.

— Это София Габелл. Её все знают по хриплому, вечно недовольному голосу.

Я вспыхнула и хотела было возразить, но мужчина уже сунул в руки служителей закона по серебряной монетке, и те, приложив руки в козырькам, спешно откланялись, пожелав счастливого пути.

— Нормальный у меня голос, — ответила я, когда мы со спасителем остались одни. Окрестности уже спали крепким сном, добропорядочных граждан в такое время и калачом на улицы не выманишь.

— Был бы нормальный, я бы вас не запомнил, София, — произнёс Рысь, а это был именно он, и скинул капюшон. — Могли бы и спасибо сказать. Я дважды спасаю вашу шкуру.

— Благодарю, — улыбнулась я, робея. Сейчас мы на улице одни, вечер для прогулок поздний, кто знает, что на уме у Короля мошенников?

— Иди, больше тебя никто не окликнет.

Рысь снова надвинул капюшон на глаза и, отсалютовав на прощание, скрылся в подворотне. Я так и не успела спросить, случайно ли он оказался здесь или следил за мной. Да это и неважно, больше мы вряд ли увидимся.

— Где ты была? — строго спросила Ванда, оглядев меня с ног до головы. — На другой конец леса моталась? И грязная такая, будто всё, что росло под ногами, выкопала? Это так?

— Нет, госпожа. То есть, хозяйка. Я тут зернового спирта достала, он ведь для настойки пригодится?

И я выудила из сумки пузырёк, который мне отдала Стефа.

— А спагригию принесла?

Ванда махнула рукой и пошла в дом. Я поспешила следом, аккуратно прикрыв калитку и посмотрев по сторонам. Никого. Рысь и верно не следил за мной, а по своим тёмным делам ходил.

— Да, это ведь мелисса лекарственная.

— Знаешь, для чего она нужна? Знаешь, раз спирт принесла! Ну, мне и лучше, меньше объяснять.

Хозяйка протёрла полотенцем и без того чистый кухонный стол и показала рукой, чтобы я выкладывала свои трофеи.

Да, я-то представляла, что у Ванды Многорукой есть хотя бы малюсенькая лаборатория! Она же и пищу готовит в кухне, и тут же яды делает. После заката.

Надо будет запомнить и не спешить пробовать её выпечку.

— Пусти тебя в лабораторию, так ты и её разнесёшь, — прищурилась Ванда и вздохнула. — Приступим, долго объяснять я не люблю. Схватывай на лету. Да и не записывай, ты должна хранить всё это здесь!

Хозяйка проворно для своей комплекции вырвала у меня из рук блокнот для записи, грифель я от неожиданности выронила сама. А потом Ванда приложила указательный палец к моему лбу. И так больно тыкнула, я думала, у меня череп треснет.

— Мелиссой управляет Юпитер. Такого тебе в школе не рассказывали, верно? Как и четвергом. Поэтому мы начинаем сегодня. Молиться умеешь?

Вопрос застал меня врасплох. Не то чтобы я не верила в Единого Бога, но, живя в приюте, поневоле научишься полагаться на себя больше, чем на Небеса.

— Ну, монашки пытались приучить нас к молитвам на восходе и закате Солнца...

— Значит, закрой глаза и моли Бога, как умеешь, о том, чтобы он позволил тебе проникнуть в тайны. А главное, скажи, «восстанови моё равновесие в мире». Ну, что смотришь, как собака на блоху? Давай!

Ванда села на табурет и сложила руки на животе.

Я некоторое время смотрела на неё, но потом поняла, что теперь ход за мной. И время позднее, чтобы стоять и таращиться на хозяйку. Ей виднее.

Так, закрыла глаза, мысленно произнесла три строчки молитвы и добавила слова, подсказанные Вандой.

И ничего не изменилось. Никакого дуновения ветерка или внутреннего сияния света прозрения!

— Ну что застыла? Теперь мельчи, а я посмотрю, — Ванда подвинула мне каменную ступку с пестиком.

Ага, Стефа говорила, что надо прямо в порошок истолочь. Только растение ведь не засушенное, только тюря получится.

— Вот, моё возьми, а твоё я засушу, — улыбнулась хозяйка, поймав мой растерянный взгляд. — Проверить хотела, как ты справишься. Вижу, что соображаешь немного, чутьё меня не подвело.

Истолочь в ступке сухие листья и корни было нетрудно, я нашей травнице в приюте с малолетства помогала, большего мне и не доверяли.

Тем временем Ванда встала и достала из шкафа пустую банку с широким горлышком.

— Теперь порошок сюда, а сверху лей спирт, — приказала она. — Да смотри, чтобы жидкость покрывала порошок. И не разбрызгивай! Вот так, аккуратно. И на огонь!

Плитка-самопалка была, в точности как у Дорофеи дома. Только выглядела посолиднее.

Я делала всё, что говорила Ванда. Аккуратно помешивала темнеющую жидкость и пыталась почувствовать вибрации вокруг себя. С последним выходило туго.

И спросить было страшно, вдруг хозяйка сразу поймёт, что я не ходила в ученицах?

Пока я мешала настойку, думала о том, как мне повезло. Ванда не выгнала меня, платить неплохо обещала, ещё и ритуалам научусь. Говорят, она знает такие, какие другим и не снились. Ни в одном учебнике их описаний не найдёшь.

А потом я услышала. Сначала думала, что показалось. Но нет, голос Melissa был похож на шёпот травы, колышмой лёгким ветерком.

Она говорила что-то про Серу и Ртуть. Про Силу, которую готова мне отдать! Вот это да!

Я и раньше знала об этой своей способности слышать голоса растений, но никогда ещё не ощущала их так явно, словно они на ухо нашептывают.

— Что значит «сжечь мёртвую голову»? — спросила я, когда Ванда дала отмашку, что можно прекращать.

— Откуда знаешь про голову?

— Услышала только что.

Я решила не врать. Почему-то мне сейчас показалось, что хозяйка совсем не так проста, как хочет казаться. Мол, меркантильная особа, наживающаяся на пороках ближних. На смерти невинных.

— Будем соль делать. Мёртвая голова — это как раз то, что от Melissa осталось.

Мы вышли на улицу. Было тихо и душно. Ванда зажгла фонарь и повела меня на задний двор. Здесь уже было сложено кострище и горка из кирпичей.

— Вот сюда давай, осторожно ложкой доставай голову. Будем выпаривать.

Я выполнила все указания хозяйки так дословно, будто смесь в моей ложке могла взорваться.

В итоге я осталась сидеть на скамейке и смотреть за котелком, в котором выпаривалась Волшебная Соль. Ванда принесла мне тарелку, полную земляники, и, зевая, отправилась спать.

— А что ты думала? Что я всю ночь с тобой просижу? Да и ни к чему это! Настойка твоя, она тебе силы давать будет. Устанешь или захвораешь, глотни отвар или присоли свою пищу, вмиг поправишься. Только не всё вместе!

И ушла в дом. Я же осталась сидеть, покачивая ногой в воздухе и лакомясь спелыми сладкими ягодами. Такими вкусными, что во рту, после того как съешь их, долго оставался приятный привкус.

Я сидела, помешивая смесь в котелке, время от времени гоняла дым, валивший из-под посуды, как на сеновале при пожаре, и думала о том, как хорошо.

Под утро, когда порошок стал кристально-серым, я заглушила огонь крышкой. Вот и всё. Моё первое большое дело завершено.

Сегодня днём, когда высплюсь, зайду в гостиницу и заберу вещи. Ванда предоставила мне наверху чистую небольшую комнату.

И начнётся новая безбедная жизнь. Тогда я не представляла, что самые главные испытания ещё впереди. И совсем скоро придётся столкнуться с первым из них.

Глава 5

Не знаю то ли дело в возбуждении от событий прошлого дня и ночи, то ли спагирическая настойка оказала своё волшебное действие, но спать долго не хотелось. Я заснула на рассвете, а проснулась почти в девять утра, при этом чувствовала себя бодрой и полной сил.

— А есть что-нибудь от комаров? — спросила я, спустившись на первый этаж, у Ванды.

Она сидела в гостиной и курила длинную трубку.

Такие я видела только у мужчин, да и то не у всяких. Курение в Плауполисе не было под запретом, но и не поощрялось. Считалось языческой привычкой, простительной только неграмотным. Что с них взять-то!

— Конечно, — Ванда внимательно посмотрела и выдохнула колечко дыма в мою сторону. — Я думала, ты знаешь, что для этого требуется цитронелла, а она в наших краях не растёт. Купить-то можно, только на базаре дерут втридорога. Но ты сходи приценись.

— С чего вы вязи, что я куда-то собираюсь?

У меня вчера закралась сомнения, что Ванда умеет читать мысли, вот уж не хотела бы я иметь под боком такого человека. Не то чтобы мне есть что скрывать, хотя нет, разумеется, тайн полно у каждого, но всё же не хотела бы я с телепатом дело иметь.

— Да что тут думать?

Ванда отложила трубку в сторону и посмотрела на меня с улыбкой, какой воспитательницы приюта часто смотрят на подопечных. «Как мало вы ещё знаете!» — вот что говорил такой взгляд.

— Ты пришла с одной травницей сумкой. Говоришь, полгода жила в столице, неужели даже сундук не нажила? Значит, есть место, где он стоит, и ты захочешь за ним вернуться. Никакой магии, София!

Ванда впервые назвала меня по имени. Я уж думала, она его и не запомнила!

— Только ты никогда не объясняй клиентам, что да откуда знаешь. Пусть думают, что это магия, тебе же на руку. Боятся, значит, уважать станут. Вот тебе немного мелочи, и впрямь, возьми пучок цитронеллы, комары в начале лета злые, голодные. Тебя сожрут, ещё и на меня накинуться!

И улыбнулась, как кошка, съевшая сметану.

Я поклонилась и поблагодарила хозяйку, ещё раз отметив про себя, что пока мне везёт, словно в рубашке родилась. И лицензия гильдии есть, и работа. А впереди — хороший заработок. Скоплю денег, а там домик прикуплю. На всякий случай.

Возвращаться в приют нянечкой я больше не планировала. Хватит с меня серых стен и скрипучих кроватей!

Оставив плащ в комнате, я отправилась на базар налегке. Сначала требовалось найти место и купить покушать. У Ванды я просить еду не смела. Об этом мы не договаривались.

— Лепёшки. Вкусные лепёшки! — неслоь откуда-то справа.

Мужчина с окладистой смоляной бородой басовито выкрикивал на всю округу, расхваливая самые свежие и питательные лепёшки. Конечно. Я бы была не прочь чинно сесть в таверне и заказать барашка с овощами, но пока это было мне не по карману. Я старалась экономить, чтобы хватило на приличную одежду из Торгового квартала.

То, что у меня в животе, никто не увидит, а приличное платье, о дорогом и речи не было, оценят все. И отношение другое будет, не как к нищенке-побирушке!

Я достала пару медных монет и заплатила за лепёшку.

— У меня самые вкусные. Приходи к Занзибару, скидку сделаю, если каждый день брать будешь, — пробасил мужчина.

Хоть приставать не начал, меня эти сальные взгляды вымораживали ещё со времён пребывания в приюте. Там вообще никто не церемонился: приютская, значит, за кусок горячего хлеба готова ляжки раздвинуть.

Я встала в сторонке и принялась есть лепёшку, одновременно посматривая на окружающих. Базар делился на две части: одна для бедняков, неспособных потратить больше десяти медяков в день, другая — для тех, кто побогаче и может побаловать себя роскошью. Конечно, понятие роскоши у каждого своё.

Вон, кто-то из попечительниц приюта как-то высказалась, мол, не надо учить воспитанниц этикету. Всё впустую. Из низов никому не подняться, это только в песенках поют о бедных, но честных девицах, ухвативших удачу за хвост и женившихся на себе аристократа.

А в книжной лавке, которую я посетила сразу, как только приехала в столицу, о таком уже не пишут. Те, кто имеет свободное время на

подобное развлечение, о бедняках читать не станут.

Лепёшка закончилась слишком быстро. Я очнулась только тогда, когда в руках остались одни крошки. Мысленно обругала себя самыми последними словами, хотела же оставить по запас! Приютская привычка доедать всё до крошки подвела меня снова. В приюте оно оправдано, но не здесь, где больше никто у меня ничего не отнимет на правах силы!

О, как я ошибалась!

До гостиницы я добралась без приключений, она находилась рядом с Торговым кварталом, местом бойким, для приличных господ и леди. Я специально выбрала такую, когда полицейские выкинули меня с прошлого места проживания. Я снимала комнату напололам с девицей, которая, как и я, прибыла в столицу за счастьем.

Я знала, что она занимается проституцией и принимает гостей в нашем общем жилье. Не нравилось мне это, только Лада — девушка хорошая, а то, что пошла по лёгкой дороге, так для «магических пустышек» иного пути и не было. Ну, разве что на кухню в чернорабочие или в прачки.

Так вот, кто-то донёс на мою сожительницу, и нас обеих лишили комнаты. Ладю забрали в участок, отрабатывать возможность не получить «волчий билет» на восток, где находятся плантации по сбору хлопка, выращиванию риса и прочих зерновых, а меня просто предупредили, чтобы не связывалась с такими девушками.

Весть быстро разнеслась по округе, и я поняла: никто мне комнату не сдаст. Надо, чтобы всё улеглось, вот и подалась в гостиницу. А тут и мыслью о работе у Ванды загорелась. И всё выгорело, ведь!

— Мне жаль, барышня, но ваши вещи были перенесены в чулан, — огорошил меня с порога портье.

Сам плюгавенький, зуба, вон, не хватает, а всё туда же, строит из себя благородного!

— А на каком основании, любезнейший? Я за комнату вперёд на два дня оплатила!

Если что, я себя в обиду не дам. Это не всегда прокатывает, но иногда от проблем избавляет.

— Ну как же, барышня, вас из сундука завоняло и дым едкий пошёл, что у горничной, пришедшей убирать номера, обморок

случился. Пришлось целителя ей звать, а это дело такое, недешёвое. И полицмейстера, который бы сундук ваш вскрыл, да опись составил. Вот и получается, в траты вы нас ввели. Задолжали, стало быть.

И портье так выразительно на меня посмотрел: чем расплачиваться будем, дорогуша?

Глава 6

— Мне эти вещи очень нужны, господин! Ну, пожалуйста!

Первая тактика, которую я применяла, назвалась «давить на жалость». Срабатывала она часто, особенно когда я просительным тоном добавляла:

— Я из приюта, это мои единственные вещи.

— И что? Платить будете?

Так, в этот раз не прокатило. Да, эликсир поддержания сил, который я изготовила собственноручно ещё во времена пребывания в приюте в качестве помощницы воспитателя, был очень даже хорош для самоучки, но обладал неприятной побочкой. Его нельзя было долго хранить.

Я-то рассчитывала, что вернусь быстро, а задержалась почти на двое суток.

— Сколько с меня, уважаемый?

Я приосанилась и приняла вид оскорблённой добродетели. Мол, не побирушка и не нищенка, выкупить вещи мне по силам. А потом мне озвучили цену.

— Тридцать пискалей, госпожа.

От негодования у меня даже дар речи пропал, но быстро нашёлся.

— Это же грабёж среди бела дня!

— Как скажете, госпожа, — улыбнулся плюгавый за стойкой гостиницы и чуть ли не руками потёр, предвкушая, как будет рыться в моих вещах, чтобы отобрать себе лучшее. И в бельё, должно быть, крючковатый нос засунет!

Фу, не позволю! Тем более что это действительно мои единственные вещи!

— Ладно, по рукам. Но учтите, что я теперь работаю на Ванду Многорукую. Так что если захотите воспользоваться её услугами, шепну о вашей скупости.

Я сказала наугад, но, как ни странно, это возымело почти магическое действие.

— Не сердчайте, госпожа, я могу квитанции показать, только сами посудите, полицмейстеру надо дать на лапу, чтобы проблем не заработать. Он ведь мог и прикрыть гостиницу до выяснения, — плюгавенький скуксился и принялся притворно вздыхать.

В его словах была доля правды, но этот тип наверняка и себе хотел урвать. Знаю я его породу: глазки бегают, пальцы проворные. Жулик, только при должности.

— Двадцать... пять пискалей и ни пискалем больше.

— По рукам, госпожа. Марта, проводи госпожу Габелл в тот чулан, куда мы перенесли её вещи, — крикнул плюгавый и так выразительно посмотрел на сонную рябую девицу, прибежавшую на его зов, что у меня закрались сомнения. А все ли вещи ещё там?

Девица пожевала полные губы, потербила тонкую косу невнятного серого цвета и махнула мне рукой. Мол, ступай следом.

Я подчинилась, но напоследок смерила недоверчивым взглядом портье. Тот заискивающе улыбнулся и уткнулся в журнал, лежащий на стойке, с таким видом, словно хотел отыскать на его белоснежных страницах смысл своей жизни.

Марта привела меня под лестницу и достала из свежего передника ключ. Вставила его в амбарный замок и распахнула дверь чулана. Тут же в её руках появилась лучина с магическим светом, которого хватило бы осветить всю гостиницу. Не скупятся здесь на магические артефакты, а вот за какой-то грошовый убыток с меня три шкуры дерут!

Свой сундук я увидела сразу, он был здесь самым новым. Я кинулась к нему, открыла крышку и попросила Марту посветить. Девица немного помешкала, на её лице промелькнуло недовольное выражение, но подошла.

Я заглянула внутрь и ахнула. Все мои платья, не говоря уже у туфлях, купленных в Торговом квартале благодаря жёсткой экономии, были свалены в одну кучу. Сверху лежали осыпавшиеся веточки полыни, которые я использую для защиты от моли. Но и это было небольшой потерей.

Часть книг, которые достались мне в дар от приютской библиотеки, исчезли. Из других были варварски выдраны страницы. А у саквояжа, в котором хранятся готовые зелья, был сломан замок, а часть пузырьков, ополовинена.

— Кто всё это сделал? — сжав зубы в бессильном гневе, пробормотала я. Ответа, разумеется, не последовало. Марта только ехидно хмыкнула.

Вот повернуться бы к ней и плеснуть, куда попаду, той зелёной жидкостью в крайнем правом ряду. Это настойка вирины лозогонной, растения редкого, но крайне полезного, если есть желание напакостить обидчику. Выльешь на него, — кожа того и позеленеет. Безвредно, зато очень точно: будет обидчик ходить в зелёных пятнах дней десять, и кто сведущ, сразу увидит, что за человек этот тип. Насолил знающему, сам и виноват.

Да только вой поднимется до небес, тогда и плакали мои вещи. Опять-таки полицию вызовут, снова траты!

Нет, я решила засунуть обиду подальше и поступить благоразумно.

— Найдите мне извозчика, пожалуйста! — сказала я как можно добродушнее и сунула в руку Марты медную монету.

Служанка хмыкнула, но согласилась, предварительно показав на выход. Мол, одну тебя здесь не оставлю, вдруг своруешь чего, а спрос с меня будет.

Пришлось проглотить и это! Я поднялась с колен, отряхнув подол, нарочно делала это медленно, чтобы Марта в душе ругалась, да вслух ничего не произнесла. Не отдавать же ей монетку обратно, пусть и медную!

Ждать долго не пришлось. Вскоре извозчик был найден. За несколько медных монет он погрузил мой сундук на повозку и кивнул, чтобы садилась. Конечно, я хотела бы ехать в настоящем экипаже, как знатная дама, чтобы перья на дорогой шляпке элегантно покачивались в такт лошадиному шагу, а я бы пресыщенным взглядом смотрела в окошко и подносила к носу надушенный платок, чтобы заглушить запах улицы.

И ничего, что пахло в Плауполисе вполне приятно, потому что столичное министерство жилищного хозяйства использовало очищающие артефакты каждый четверг второй и четвёртой недели месяца, главное для богатой дамы, как говорила моя бывшая воспитательница, быть в образе.

Дорога была гладкой, мечты мои иссякли, я вдоволь натешилась ими, как ребёнок любимой игрушкой, поэтому, не теряя времени,

решила провести поверхностную ревизию в сундуке. Вдруг Ванда решит сразу же дать мне новое поручение, а то платье, что сейчас на мне, грязное? Буду хоть знать, какое из сундука достать!

Хоть одним глазком оценю масштаб бедствия в моих вещах, потом уже всё достану и перетряхну как следует. Я приоткрыла крышку и сунула руку в угол, где лежал саквояж с зельями.

Он был таким удобным, застёгивающимся на настоящие кожаные ремешки! Настоящее сокровище, которое мне подарили в день, когда я окончательно покинула приют, чтобы попытать счастье в столице!

Однако рука нащупала нечто такое, чего в моём сундуке просто не могло быть!

Глава 7

— Ох ты ж, святые лукошки! — негромко вскрикнула я от удивления и оттого, что заднее колесо повозки подскочило на кочке.

— Что такое, барышня? — обернулся возница и так посмотрел на меня, что впору было просить остановить здесь.

Как говорится, от греха подальше.

Я оглянулась по сторонам, мы ехали по людным улицам квартала бедняков, здесь многие смотрели на меня, как на лёгкую добычу. Видно же, что девица при барахлишке и защитника нет. Пусть среди бела дня да вдоль главного тракта не нападут, но стоит отойти в глухой переулок, там и сцапают. Оберут до нитки, потом не разыщешь добра!

Поэтому мне надо любой ценой доехать со своим скарбом до дома Ванды!

— Ничего, любезнейший! Я тут уронила кое-что в сундук, а дотянуться не могу.

— Может, вам помочь, барышня?

Возница блеснул тёмными глазами из-под кустистых седых бровей, и меня обдало жаром. Этот человек явно не всю жизнь занимался извозом, почему-то мне показалось, что с таким взглядом вполне можно обирать прохожих, например, в лесу.

— Нет, это не так важно, — мило улыбнулась я, в душе проклиная себя за то, что вообще полезла в сундук раньше времени. Теперь буду беспокоиться о том, как бы не растерять имущество по дороге, «отдав» его «добрым людям». Но больше о том, что же предмет я нащупала!

Холодный, металлический — это ещё полбеда, а вот то, что при соприкосновении с ним в пальцах возникло сильное жжение,

встревожило не на шутку. Значит, предмет магический. Без всякого сомнения, он обладает Силой настолько великой, что её почувствовала даже я, маг со слабыми способностями!

Но что подобный предмет делает в моём сундуке?

— Я тут для Ванды зелья везу, работаю на неё, поэтому, будьте добры, езжайте медленнее, боюсь их растряссти, — для пущей важности и безопасности добавила я, и имя моей хозяйки дважды за сегодня избавило от проблем.

Возница окинул меня суровым взглядом и отвернулся, но поводья слегка натянул, и лошади пошли шагом. Мужчина ещё долго бурчал себе под нос, что таким, как я, надо детей рожать да мужу угождать, а не в ведьмовские дела лезть. Никто теперь меня, бедняжку, и замуж не возьмёт.

Потому что, мол, порченную другим девку ещё можно взять, знай только пори за каждую провинность и напоминай, что взял бракованной, она и будет слезами умываться, но в ножки кланяться, славная баба может выйти, а травницу брать взамуж не следует. Ты ей слово скажи, она тебе сонный порошок подсыплет. Да и хорошо, если сонный!

Я успокоилась. Тот, кто бормочет себе под нос, говорит мысли вслух, не станет задумывать худого. Потому что полностью поглощён своими переживаниями.

Доехала я без приключений. Торопила минуты, раздумывая, чтобы это такое может быть в моём сундуке. Мне оно явно не принадлежит. Магических артефактов я не держу, потом как дорого это и бесперспективно для невладеющих крепкой магией.

Это ещё в школе проходят: каждый рождается с определённым объёмом магии, данной ему при рождении. Или даже раньше. А потом всю жизнь расходует этот объём. Расти уровень магии может, но для этого требуется личный учитель, кто будет делиться своими силами, учить различным секретным техникам по накоплению и удержанию магии. Такого ещё найти надо, а если найдёшь, цена будет такой — только какой-нибудь граф или герцог осилит.

В приюте нам в четыре года определяли объём магии. Я была малышкой, но тот день запомнила хорошо. Первый день, врезавшийся в память настолько сильно, что до сих пор картинка стояла перед глазами, как живая.

Вот я протягиваю руку ладонью вверх, и маг, прибывший к нам из столицы, внимательно изучает её, расположение вен на запястье, наличие тройственной вилки, состоящей из синих жилок на тыле кисти. Они видны, только если намазать кожу волшебной мазью, золотистой, пахнущей мёдом.

Она жжёт и согревает. Мне очень приятно вдыхать её густой сладкий запах.

— Нет, маленький, я бы сказал, чуть ли не крошечный объём магии.

Сухие жестокие слова врезаются в память. Они возвращают меня на землю, где все девочки ходят в неприятно жёстких серых платьях из грубой ткани. Нам запрещено носить знаки отличия. Смеяться, петь, если на то не было позволения свыше. Не запрещено только жить.

Потому что такие, как я, нужны королевству. Мы будем обслуживать других, кому повезло родиться под счастливой звездой. Будь у меня деньги, я бы не восприняла приговор того белобородого мага, похожего на доброго дедушку из сказки, как приговор. Тогда бы моя жизнь и так искрилась не хуже праздничного огня, зажигаемого повсюду с приходом Новой зимы.

И вот сейчас картинка так живо встала перед глазами, что я почувствовала, как замерзают ноги. Захотелось поджать их и обхватить колени руками да так и остаться. А ведь сейчас начало лета — время комаров, жары и полуденного отдыха.

Комаров! Точно! Вот влетит мне от хозяйки, что я citronellu не купила!

— Что это ты снова так долго! — раздражённо прикрикнула она, увидев повозку, остановившуюся около крыльца.

Возница хотел было отказаться от того, чтобы поднять мой сундук на второй этаж, даже деньги не могли заставить его передумать. А взгляд Ванды смог. Она вмиг отбросила манеры добрососедской кумушки и посмотрела на бровастого так, что тот скрестил пальцы, прошептал заговор от нечистой силы и помог за бесплатно. Проклиная, должно быть, в душе и хозяйку, и меня.

— Купила, что я просила? — спросила она, когда повозка отчалила от крыльца. Кнут так и свистел над спинами лошадей, пока кучер не очутился на безопасном расстоянии.

По приютской привычке я хотела было солгать, но нутром почуяла, что с Вандой лучше этого не делать.

— Забыла. Хотела на обратном пути, да в гостинице неприятности были...

— Запомни! — цыкнула на меня Ванда. Она подошла ближе и приложила толстый палец к моим губам. И, несмотря на то что хозяйка на голову меня ниже, захотелось съёжиться и уменьшиться до размеров гнома. — Никогда не оправдывайся. Потому как причина неважна, важно то, что ты забыла. И всё. Понятно?

Я кивнула. Ещё одна привычка, от которой придётся избавиться. В приюте надо было изворачиваться, чтобы не получить сурового наказания, а здесь наоборот. Ванда ничем мне не угрожала, только я верила, что наказать она может так, что на всю жизнь запомню. Если выживу.

— Приготовь всё для тинктуры. На столе выложи, да тихо сиди в комнате. Носу не высовывай! Ко мне клиент придёт, — продолжила давать поручения хозяйка. Она первой пошла в кухню, а я засеменила за ней, чтобы точно всё расслышать. — Из тех, чьё лицо никто не должен видеть.

— Даже вы? — ляпнула я и пожалела, что не прикусила язык.

— Конечно, — усмехнулась хозяйка и, подбоченясь, обернулась. — Он так и будет думать. А теперь — за работу.

С этим поручением я справилась в два счёта. Тинктура — это основа любой настойки. Здесь спирт нужен, уксус и глицерин. Можно добавить порошок из любой смеси трав, в зависимости от того, с какой целью настойку делаешь.

Всё выполнив, как было приказано, я вымыла руки, вознесла молитву по окончании дела, и закрылась в спальне, снова ощутив в пальцах лёгкое покалывание в предвкушении встречи с этим сильным источником магии.

Оглянулась по сторонам, зашторилась, зажгла свечку и открыла крышку сундука. В этот же миг в глаза ударил источник белого света. Такой сильный, что я зажмурилась от боли.

Глава 8

— Запомни, София, — вспомнились мне наставления миссы Витер, худой низенькой дамы, чьё лицо было усеяно мелкими морщинками, но в остальном она держалась как девочка. — Есть

универсальные заклятия, которые не расходуют твой объём магии, но могут оказаться крайне полезными в различных житейских ситуациях.

— Например? — спросила я, жадно вперяясь взглядом в лицо миссы.

Их было много, они менялись, некоторые выходили замуж и увольнялись, но чаще дамы уезжали няньками в богатые дома или поступали в компаньонки к состоятельным вдовам.

Но мисса Винтер всегда была в приюте, сколько я себя помнила. Она не мыслила себя вне этих стен, отдавая нерастраченную нежность приютским детям.

— Например, заклятие деиллюминации. Редко применяется, но знать надо, оно может оказаться полезным.

И вот теперь три слова заклятия моментально всплыли в памяти. Я прошептала их, и резь в глазах отступила.

Свет стал терпимым, он больше не мешал рассматривать его источник. Им был маленький круглый серебряный предмет, похожий на дамскую пудреницу, какие выставляли в витринах Торгового квартала.

Вещица дорогая и бесполезная. Разве можно запудрить наступающую старость? Да и надо ли?

Теперь мне предстояла работа посерьёзнее. Чтобы взять предмет в руки, требуется его обезвредить. Мало ли какая магия заключена внутри?

Вполне возможно, на нём стоит заклятие отражения. Защита от любопытных. Возьмёт предмет тот, кому он не предназначен, и получит удар такой силы, что нескоро оправится. Если вообще оправится.

С моим малым запасом магии рисковать не стоило. Да, со временем он подрос, но всё же оставался столь же небольшим, как содержимое на четверть заполненного бокала.

Итак, я произнесла заклинание очищения и защиты. В центре ладоней вспыхнул свет, похожий на тот, что исходил от лжепудреницы, только слабее. Теперь у меня есть минут семь, чтобы спокойно рассмотреть находку.

Я повернула её, повертела в руках, даже понюхала и попробовала на зуб. Двойковыпуклый предмет молчал и не подавал признаков

магии, но ведь я точно почувствовала её, когда впервые взяла вещь в руки!

— Откройся! Отворись! — шептала я, но это тоже не возымело действия.

В конце концов я поднесла к серебристому предмету, помещающемуся на ладони, свечу и капнула на него воском. А потом поместила в холодную воду. Даже взмокла от усилий. И снова мимо!

Семь минут, отпущенных мне на действие с магическим предметом, неумолимо истекали. Потом любые манипуляции с ним могли стоять дорого. Но и оставлять его в сундуке было нельзя.

Я, конечно, не подозревала хозяйку в том, что она роется в моих вещах, но кто его знает! Приходящая три раза в неделю служанка вполне могла получить такое задание. Или приступить к ревизии моего скарба по собственной инициативе.

Не хотелось бы, чтобы кто-то при этом пострадал, но ещё больше я опасалась того, что лжепудреница, украшенная с двух сторон вязью непонятных узоров, пропадёт.

Не верила я, что тот, кто положил её в мой сундук, не хватится пропажи. А уж когда хватится, примется искать. И выйдет на меня. Как пить дать выйдет!

И меньше всего в этот не самый радостный для меня момент хочется стоять и бляеть, что, дескать, извиняйте, пропала ваша магическая вещичка! А куда, господин хороший, сама не знаю! Сильный маг, а обладатель этой вещи, явно не нужники чистит, от меня мокрого места не оставит!

Ох ты, святые лукошки! Я обернула пудреницу носовым платком и сунул её в карман. Маленькие часики, висевшие у меня на шее в память о настоящих родителях, показали, что истекло шесть минут.

Что ж, я попыталась. Теперь потребуется несколько дней и применение травяных настоек, чтобы восстановиться. А потом попробую снова.

Карманы у всех моих платьев имели петельку. Я накидывала её на пуговицу, пришитую с другой стороны кармана. Тот, кто жил в приюте, не может себе позволить терять вещи. Даже всякую мелочь.

Поэтому за сохранность магического предмета я была спокойна. А ночью буду класть его под матрас. Если из-под подушки можно незаметно вытащить что угодно, то под матрас руку не засунешь.

Довольная собой, я принялась развешивать и просушивать остальные вещи. Книги, где надо, подклеила, а где это было невозможно, отложила в отдельную стопку, чтобы при случае отнести в книжный.

Там за небольшую плату можно будет поменять переплёт и прошить листы заново. Больше, чем платья и шляпки, пожалуй, любила только свои книги по травоведению и зельеварению.

Собранные с таким трудом, они олицетворяли для меня другую жизнь, в которую я мечтала попасть. Быть независимой, иметь в руках крепкое ремесло, благодаря которому я смогу не горбатиться всю жизнь над тазиком со стиральной доской, а заниматься тем, к чему имею небольшую склонность.

И к счастью, это совсем не бытовая магия. Уборку я не любила ещё со времён приюта, хотя ложиться спать лучше на чистую и приятно пахнущую простынь.

Закончив с сундуком, решила проветрить комнату. Ванда поселила меня почти под самым чердаком, но спальня была пусть и небольшой, но довольно уютной, жаловаться было бы грехом, а грешить дополнительно и безо всякой пользы или удовольствия я не собиралась.

Только я открыла окно и вдохнула свежего воздуха, как краем глаза заметила небольшое движение на заднем дворе. Будто бы земля, на которой росли разные травы, посаженные хозяйкой, шевельнулась сама собой. Вдохнула полной грудью, да так тяжко, что в ушах у меня заломило.

Я проморгала и присмотрела вновь. И тут заметила высокого мужчину, закутанного в чёрный плащ. На голове у него было что-то вроде цилиндра. Лето ведь, жара стоит, а он одет, как призрак-убийца из сказок!

Шёл господин быстро, по-военному чётко, аккуратно между грядок по узенькой тропинке. Минута — и скрылся за домом. Наверное, отправился к воротам.

Я присмотрелась к саду мадам Ванды, но более ничего любопытного не заметила.

Даже не могла бы сказать, был ли этот мужчина на самом деле, или мне всё привиделось. Я только что использовала довольно

большой для моего объёма магический выплеск.

Сила моя почти иссякла, теперь дня три буду ходить, как сонная муха. Вот и померещилось всякое!

Я отошла от окна и, держась за изголовье кровати, осторожно присела. Странно, слабости, привычной с детства, когда я затрачу магическую Силу, не чувствовалось. Прислушалась к своему состоянию, но всё было как обычно.

Наверное, это спаригическая настойка хозяйки давала о себе знать. Если так, то это просто здорово!

На всякий случай я решила спуститься в погреб, где она хранилась, и отпить ещё глоток. Клиент, а в саду я видела его, должно быть, уже ушёл. А если услышу чужие голоса, мигом поднимусь обратно!

Выскользнув в коридор, я уже начала было спускаться, как действительно услышала нечто странное. Я бы даже сказала жуткое!

Глава 9

— София, скорее сюда! — различила я сдавленный стон Ванды и мигом ринулась вниз на кухню.

Хозяйка сидела на табурете, прижав раскрытую ладонь к груди, будто с ней приключилась сердечная жаба. Лицо женщины посинело, изо рта вырывались хрипы и свист.

— Что делать? — выкрикнула я, и хозяйка свободной рукой указала на подоконник.

Я поняла. Там, в нише для охлаждения стояли настойки валиуиния — травы для сердечных больных или женщин, склонных к переживаниям.

Схватив ложку и пипетку, я отмерила из пузырька с белой жидкостью, похожей на молоко, десять капель.

— Тридцать давай, — выдохнула Ванда за моей спиной, и я обрадованно подметила, что голос у неё почти такой же, как и прежде, только чуть дрожит.

— А не много будет? — лишь спросила я, но, услышав скептическое хмыканье, выполнила приказ, как было велено.

В конце концов, хозяйке виднее. Не зря она имеет дело с ядами, видимо, знает и дозу того, чего ей можно, и в подобных ситуациях бывала не раз.

Я подала ложку с лекарством Ванде, и та проглотила её содержимое не поморщившись. Запила водой из стакана и громко хмыкнула:

— Нет, ну надо же, какая самоуверенность!

Хозяйка говорила, всё ещё задыхаясь, но на её щеках снова появился румянец, а глаза приобрели прежний блеск.

— Что случилось? Он хотел вас отравить? Но как же? — вопросы сыпались у меня один за одним.

Опасную, оказывается, профессию я избрала!

Ванда выпила кружку холодной воды, потом ещё одну и в конце концов приложила ко лбу стеклянный графин.

— Осторожно, — бездумно добавила я. Для меня стеклянные графины для воды были роскошью, которую я видела только в кабинете директрисы приюта.

Но Ванда истолковала это на свой счёт.

— Не бойся, этот не во вред. У меня всё внутри горит, но уже остывает. Итак, как считаешь, что со мной произошло?

— спросила она, не сводя с меня тёмных, как омуты, глаз.

— Он пытался вас отравить, чтобы никто не узнал о его приходе, — ответила я, чуть удивлённо.

Зачем она спрашивает, если сама знает?

— А как?

— Наверное, дал что-то выпить или съесть, — продолжила я и тут же осеклась. Ну вот не представляю, чтобы мадам Ванда, многоопытная в таких делах и хитрая, взяла бы из рук клиента угощение!

— Правильно, глупость сморозила! — сурово посмотрела на меня хозяйка и, поставив графин на стол, тяжело поднялась, держась за правое колено. — Не трогай, сейчас всё пройдёт. Ты права в одном, он хотел от меня избавиться, но совсем не потому, что узнала его, он даже об этом не догадался, а чтобы я больше никому не приготовила эликсира смерти. Хотел владеть им единолично.

— Эликсир смерти? — заинтересовалась я, но Ванда ничего не ответила, а лишь махнула рукой, чтобы я поднималась за ней.

Шаг у ней стал прежний, спина распрямилась, хозяйка больше не припадала на правую ногу, а двигалась легко и грациозно для своего веса, словно девочка.

— Об этом потом. Рано тебе такое пока знать. Небось, никто раньше и не говорил о нём?

Мы остановились в коридоре второго этажа. Ванда сняла с держателя, вбитого в стену, фонарь, открыла крышку и зажгла его, прошептав заклятие иллюминации. Значит, она обладает большим магическим объёмом, что может позволить себе пользоваться магией в быту! Кто бы сомневался!

— Сейчас пойдём в лабораторию, только смотри, это храм для любого травника, не разбей ничего, вшаей выгоню. И приготовишь противоядие. А я посмотрю, на что ты годна.

У меня аж руки взмокли, и по спине мазнуло холодом, словно на мороз в одной нижней рубашки выгнали. Ну всё, кончилась моя безбедная жизнь!

Пока шли в конец коридора, к запертой, окованной железом двери, я судорожно пыталась вспомнить все средства от ядов, о которых читала.

Память у меня цепкая, да в тех книгах, что я привезла из приюта и купила в книжной лавке, многого не почерпнёшь. Так, общие сведения. Зверобой, календула, укроп, мак. Нет, это всё не то! Вспомнила!

Одну настойку точно. Вот её и сделаю, а там буду действовать по обстоятельствам.

Хозяйка достала из кармана железный ключ, довольно увесистый, и открыла замок.

— Завтра сходишь на рынок, к кузнецу Михайло, он тебе такой же сделает. Да заодно цитронеллу наконец купишь!

Я кивнула и почувствовала, как краснею. Теперь-то ничего не забуду, сразу поутру и отправлюсь.

Дверь распахнулась, хозяйка вошла первой и поставила фонарь на столик у входа. Прошептала пару слов очередного заклинания, и лаборатория осветилась взмывшими под потолок шестью магическими шарами.

Я только рот открыла от удивления. Нет, слышала, конечно, об этих сгустках белого света, похожих на шаровые молнии, но никогда не видела воочию.

А потом взгляд коснулся верстака, расположенного вблизи неугасимого огня — магического артефакта на плоской металлической

тарелке.

Пламя было не оранжевым, а синим, оно не вызывало пожара, горело только тогда, когда кто-то находился в лаборатории, и считалось довольно безопасным.

Колбы и держатели на верстаке тоже содержались в идеальном состоянии, хотя было видно, что пользуются ими часто. Такое оснащение мог позволить себе не каждый придворный маг, и совсем не обычная травница, пусть и весьма востребованная у высшей знати Плауполиса.

— Что стала? Давай приступай! Вон там в шкафу найдёшь сухие травы, горелка работает, спирт и уксус в нижних ящиках.

Повторять два раза мне не требовалось. Я повязала косынку и кинулась к шкафу со стеклянными дверцами, стоило его открыть, как внутри зажигался свет, тоже магический. Казалось, в лаборатории всё настолько пропитано магией, что если воспользоваться здесь обычным фонарём или масляной лампой, то они испортятся.

Итак, читая этикетки и водя по ним пальцем, я быстро нашла льняное семя. Оно применяется при различных отравлениях, ни один отвар или настойка без них не работает. Так же взяла зверобой, ромашку и цветы шиповника. Вроде бы всё.

Я отнесла колбы с сухими травами на верстак и уже хотела было закрыть шкафчик, как услышала шёпот, доносящийся из его глубины.

Сначала речь была неразборчивой, вроде бы язык наш, а смысл слов непонятен. Я и раньше слышала голоса растений, но не так явно. Да и то редко, в минуты сильного волнения или напряжения.

— А я? Как же я? — шёпот стал громче, словно кто-то стоял и говорил в ухо. — Разве мои побеги не гонят яды? Почему не я? И не мой сосед? Возьми нас.

Я оглянулась, подозревая, что это какой-то фокус хозяйки, но Ванда со скучающим видом сидела на табурете у верстака и делала вид, что подрёмывает.

— Возьми нас. Остальные тебе не подмога, — повторилось из недр шкафа, и я вытащила колбы с семенами и побегами укропа, рядом стояла банка тёмного мёда. Подумав секунду, я взяла и её.

Теперь оставалось только приготовить отвар. Ванда проснулась и с интересом наблюдала, как я взвешиваю на миниатюрных весах сухие травы.

Я решила поступить просто. Всё смешать и залить водой, а потом нагреть и дать настояться.

И снова меня ждал сюрприз. Шёпот возобновился. Я даже посмотрела на хозяйку, но та не выказывала ни малейшего беспокойства.

— Убери всех, кроме нас.

— Да, мы не хотим ложиться вместе с укропом, — шептал зверобой.

— А мы сами по себе, — отвечали цветки ромашки. — Нам никто не нужен.

— Правильно, от вас и толку особо нет, — отвечал шиповник.

Поколебавшись пару мгновений, игнорируя насмешливый взгляд Ванды, я убрала на место всё, кроме укропа и мёда. Времени на раздумья почти не осталось, сейчас хозяйке надоест ждать, и меня попросят на выход.

Руки дрожали и вспотели, так было всегда, когда я нервничала. Из-за этого в своё время в приюте переколотила кучу глиняных тарелок. А ведь Ванда ясно сказала: не смей разбить. От этого я нервничала ещё больше.

И тут случилось то, что всегда случалось. Очередная колба при попытке поставить её в шкаф выскользнула из рук.

Глава 10

— Да что ты за корова такая! — крикнула на меня мисса Тайлер и залепила мне такую затрещину, что в глазах потемнело.

Мне было шесть лет, и это самое сильное воспоминание, которое сохранилось в памяти в тот памятный год. Он выдался неурожайным, скотина гибла от какой-то падучей, поэтому тот кувшин со сливками, который я разбила, был крайне ценным для всего приюта.

— Что встала? Давай собирай осколки и вытирай тряпкой пол, — поджав губы, продолжила мисса воспитательница, но было видно, что она уже жалеет о своей несдержанности.

Знала ведь, что я самая неуклюжая среди шестилеток, а всё равно поручила принести кувшин со сливками на кухню именно мне! Должно быть, она просто этого не учла, потому что слыла рассеянной и мечтательной особой, не созданной для практических дел.

Мисса Тайлер была красивой двадцатипятилетней женщиной, происходила из обедневших мещан, в своё время училась с дворянками и всё никак не могла этого забыть. И простить нам, воспитанникам приюта, что оказалась здесь, без надежд на замужество и лучшую жизнь.

Она любила книги и знала много историй, за это я не сердилась на неё, даже несмотря на грубость и вспыльчивость миссы. Она была в чём-то, как я, такая же чужая окружающей обстановке, такая же не от мира сего.

Вроде бы все обязанности выполняет, а голова в облаках витает.

— Натерпишься ты в жизни из-за своей неловкости, — произнесла она уже спокойным тоном и присела рядом, помогая собирать осколки глиняного кувшина.

И вот именно это воспоминание живо встало перед глазами, когда я увидела, что колба с сухой травой выскользнула из рук, и я уже не успею её поймать.

Только подумала и почувствовала, как в правой руке возникло тепло. И увидела свет. Снова магия? Нет, я уже использовала её меньше часу назад. Это невозможно!

— Надо же, поймала! — хмыкнула Ванда за моей спиной, когда я обернулась к ней с целой колбой в руке. — Молодец, реакция у тебя хорошая! И магия крепкая.

Я только изумлённо тарасилась на чудом сохранившуюся колбу и не могла сказать, как это меня угораздило её схватить, последнее, что помнила, как колба была в полуметре от пола.

— Бог наделил тебя магией приманивания предметов, возблагодари его сегодня во время вечерней молитвы, потому что именно она спасла тебя от позорного изгнания из моего дома, — проговорила Ванда, глядя на меня с прищуром, но в её спокойном тоне чудилось, что она совсем не шутила.

Думать о том, почему да как так случилось, пока было некогда. Хозяйка всё ещё ждала, когда я приготовлю универсальное противоядие.

Отмеренную ранее порцию семян укропа я кинула в чашу для приготовления отвара, добавила две столовые ложки тягучего мёда и залила водой до половины объёма. Сверху плеснула три столовые ложки этилового спирта.

Теперь требовалось зажечь горелку и следить, чтобы не пропустить время закипания отвара. После этого ждём несколько минут, чтобы в закупоренном сосуде растворился осадок, и отвар сделался однородно-янтарного цвета.

Мне было несложно, я почти забыла о том, что рядом сидит хозяйка и пристально следит за каждым моим движением.

Шёпота трав больше не было слышно, но подсказки мне уже не требовались. Всё-таки я училась, смотря на приготовления травницы в приюте, да и специальных книг проштудировала изрядное количество.

Вскоре я погасила огонь и взяла длинными щипцами за горлышко колбы, чтобы поставить её на специальную металлическую пластину, шурупами приделанную к столу. Осталось дожидаться, когда отвар остынет, а потом процедить его через двойную марлю.

— Готово, — тихо произнесла я, боясь смотреть в глаза хозяйке. Вдруг я что сделала не так?

И только сейчас поняла, насколько вымотана.

— Ну, сейчас ускорим твой процесс, — ответила та и, снова прошептав три слова заклинания, провела рукой над закрытой колбой, содержимое которой вмиг стало холодным, словно два дня в погребе пробыло.

— Я мигом процежу, — кивнула я и с готовностью кинулась за марлей, хранившейся тут же в шкафу.

Ванда любила порядок, можно сказать, была очень педантична во всём, что касалось ремесла. Марля хранилась в отдельном ящичке, а тот был спрятан в небольшой саквояж со множеством отделений.

Разумеется, каждая колба или коробочка с инвентарём были подписаны и датированы.

Процедив отвар, я перелила его в специальную баночку и поставила перед хозяйкой, с трепетом в душе ожидая её вердикта. В правильности приготовления я не сомневалась.

Травы с детства умели нащёптывать мне свои секреты, с другой, в этот раз всё было настолько ярко, что я не поручилась бы, что сама хозяйка не приложила к этому руку. Может, проверяла меня?

Тем временем она взяла ложку с длинной ручкой, какой пользовалась для того, чтобы снимать пробу. Зачерпнула отвар и сначала понюхала его, а потом сделала маленький глоток.

— Прекрасное, прекрасное общеукрепляющее средство. Ну, и от поноса тоже неплохо пойдёт, — цокая языком, заключила она.

У меня всё внутри дрогнуло и ушло в пятки. Вот абсолютно всё, что было! Ну как так-то?!

— Но отвар насыщенный и полезный, без сомнения, хотя на универсальное противоядие и не тянет. Послезавтра на рассвете отправимся в лес новые травы собирать, я тебе и покажу, что для нашего дела требуется. Это тебе не просто травницей быть, составление ядов требует предельного внимания и осторожности! Надо на затылке глаза иметь, коли хочешь заработать и при этом в живых остаться!

Я облегчённо вздохнула и кивнула, а потом рассказала Ванде о том, чему стала невольным свидетелем, открыв окно своей спальни. Она выслушала, нахмурилась и взяла со стола фонарь.

— Иди за мной! Вместе посмотрим, чего там такого он искал. Или оставил.

— Думаете, мне не привиделось?

— Уверена. Ты описала именно тот облик, который этот господин показывает другим, когда желает остаться неизвестным. Такое выдумать нельзя, да и в его манере это, напакостить напоследок так, чтоб уж наверняка. Сейчас посмотрим, потом сюда вернёшься и всё помоешь, да уберёшь.

Я снова кивнула и поспешила следом за хозяйкой, испытывая при этом волнение и любопытство. Жизнь в приюте не радовала разнообразием, да и после тоже.

А тут меня ждало приключение, из которого и практическую пользу извлечь можно. Хозяйку угожу, новые знания получу, и жалование капает.

Я сунула руку в карман, проверить сохранность магической пудреницы, и чуть не вскрикнула от боли. Она была настолько горячей, почти раскалённой, что не сулило для меня ничего хорошего.

Глава 11

— Что случилось? — не оборачиваясь, спросила Ванда, и я подумала, что у неё, должно быть, глаза на затылке.

— Так, оступилась, — пробормотала я и ускорила шаг.

Мы вышли во двор, обогнули дом и оказались в саду. Хозяйка затушила фонарь.

— Ну, и где ты его заметила?

— Вон там, — я показала на грушевые деревья. — Он появился словно из ниоткуда.

— Это магия укрывательства на какое-то время делает человека не видимым для посторонних. Кстати, хотела сказать, чтобы ты не использовала магию в быту без веского на то повода, не думаю, что твой природный магический объём так уж велик. Иначе я бы почувствовала.

Я кивнула и поблагодарила за заботу. Всё так, до сих пор не понимаю, как это удалось в один день сотворить столько чудес, обычно я после небольшого заклинания пластом лежу и животом мучаюсь. А сейчас чувствовала себя так, будто двойную дозу общеукрепляющего выпила.

С одной стороны, прекрасно, а с другой, я подозревала, что всё дело в той магической штуке, что лежала в моём кармане. И это было скверно, потому что за такой вещью точно придут. И мне не поздоровится.

Надо бы рассказать Ванде о ней, она маг более сильный, чем я, может, и подскажет что. Или заберёт её у меня. Так будет спокойнее, это я сейчас точно поняла.

— Всё в порядке, — хозяйка ходила между деревьями, наклонялась к каждому кусту, шептала над вошедшими в силу травами, но ничего необычного не замечала.

Зато видела я. Вернее, чувствовала, как в одном месте, аккуратно рядом со стволом старой груши, почти не имевшей зелёных ветвей, земля вздыбливалась и опускалась вновь.

На всякий случай я снова опустила руку в тот карман, где хранила пудреницу, и пальцы пронзило острой болью. Я вскрикнула от неожиданности и вытащила руку.

На среднем и указательном пальце вздыбились пузыри, будто я опустила их в кипящее масло.

— Покажи! — требовательно сказала Ванда, подойдя ближе и рассматривая мои обожжённые пальцы, и другой рукой я указала на старую грушу.

— Земля там дышит, — прошептала я, всхлипнув от жгучей боли в руке.

Вот и магический предмет! Правильно пишут в книгах: не всякая магия по зубам обычным смертным.

Но думать об этом снова было некогда. Ванда, жестом велев мне остаться на месте и не двигаться, описывая круги, медленно приближалась к старой груше. Фонарь в её руке снова зажёгся белым светом.

А потом хозяйка остановилась, как вкопанная, прошептала что-то, похожее на витиеватое заклятие, и, присев на корточки, дотронулась до земли. Магический предмет в моём кармане раскалился так, что я уже ощущала его жар через платье и подъюбник.

Только хотела обмотать руку тряпкой, взятой с собой на всякий случай по настоянию хозяйки, и вытащить его, чтобы отбросить прочь, как земля под ногами задрожала.

Ощутимо так, теперь я точно была уверена, что мне не померещилось, хоть, на неискушённый взгляд, всё оставалось, как прежде. И всё же менялось. Дрожь земли утихла, и в тот же момент между рыхлыми комьями приствольного круга старой груши вылезли три чёрных червя.

Склизкие, длиной с ладонь взрослого мужчины, они двигались медленно, но в нашем направлении.

— Что это? — выкрикнула я, и хозяйка молча, не сводя с них взгляда, сделала знак оставаться на месте и замолчать.

Я почувствовала острую потребность достать магический предмет, почему-то появилась уверенность, что он может помочь остановить эту троицу, хоть и не имевшую глаз, но двигавшуюся в нашу сторону.

Хозяйка быстро открыла створку фонарной лампы и направила свет, усиленный заклинанием, на одного из червей.

Вначале ничего не изменилось, я уже думала снова крикнуть Ванде, чтобы та отошла ко мне, как, наконец, чёрный жирный уродец засвистел и вспыхнул огнём. Вскоре магический свет из фонаря поджёг и две другие особи.

— Скорее туда! — Ванда проворно кинулась ко мне и за руку утащила вглубь сада. Мы спрятались за большой бочкой для дождевой воды, как раздался гулкий звук. Потом ещё один и ещё.

— Ну вот, взорвались, — облегчённо улыбнулась хозяйка и обернула ко мне бледное лицо. — Чёрные Тени. Я только читала о

таких. Пойдём в дом, теперь твоей рукой займёмся и тем, что у тебя в кармане. Думаешь, я не заметила, как часто ты туда ныряла?

— А этих... Теней рассматривать не будем? — шёпотом и озираясь по сторонам, спросила я.

— Потом, конечно, часть трав и деревьев погибли, но это лишь малая цена за избавление от этих тварей, — отмахнулась хозяйка, поправляя на голове платок. — Я должна поблагодарить тебя, иначе бы погибли обе, и никто бы не догадался, отчего так вышло.

Ванда подала мне руку и помогла встать. Я почувствовала сильную слабость, словно из меня разом вынули половину жизненной силы.

— А мы их всех... того... убили? — лишь спросила я, проходя мимо того места, где когда-то зеленела старая груша. Теперь её ствол расколело надвое, словно в него молния ударила.

Ванда не ответила, она загасила фонарь и молча шла к крыльцу. Походка хозяйки потеряла былую лёгкость, она снова припадала на правое колено.

Больше я её не спрашивала, ответ был и так понятен. Всё кончено. Чёрные Тени, кем бы они ни были, растаяли без следа. Ну, или взорвались.

Украдкой я снова сунула руку в карман. Боль притупилась, хуже не будет, да и почувствовала я, что магический предмет снова замолчал. Значит, опасности нет.

Мы вошли в дом, Ванда усадила меня в кухне и велела сидеть тихо, ничего не трогая, а сама спустилась в подпол за обезболивающей мазью.

Посидев с пару секунд, я быстро достала лже-пудреницу, развернула платок, которым она была обёрнута, и мельком взглянула. Та будто только этого и ждала.

Крышка отщёлкнулась, внутри оказалось двойное зеркальце. Только вот глаза, которые я увидела в отражении, были совсем не моими.

Глава 12

— Хорошо, хоть мазь осталась, не надо срочно готовить! — сказала вернувшаяся Ванда. В её руках была небольшая жестяная банка, заполненная густым содержимым молочного цвета.

Стоило открыть крышку, как в нос ударил травяной запах, а во рту сделалось горько, будто перцу наелась.

— Ну чихай, коли надобно. Запоминай: зверобой, ромашка, подорожник, всё смешать в равных частях и взбить со льняным маслом, потом поставишь в тёмное место на три дня, и можно пользоваться. Обезболивает хорошо, но разум не затуманивает. В нашей работе одурманенным быть хуже, чем одураченным. Первое исправить ещё можно.

Мазь и вправду хорошо обезболила, волдыри на пальцах хоть и не исчезли, но сдулись, а кожа вокруг немного побледнела. Когда хозяйка закончила с моими пальцами и своим коленом, она попросила заварить липового чая, что я с удовольствием и сделала. Настало время расспросов и разговоров.

— Так что ты там прячешь? — хозяйка первой нарушила молчание, сделав большой глоток из фарфоровой чашки, которую она достала по случаю нашего счастливого избавления. Вторая из сервизной пары досталась мне, и первое время я робела, боясь, что по моей неуклюжести разобью и её.

Я тоже сделала глоток чая для успокоения и прояснения чувств. И рассказала всё как было. Обстоятельно, со всеми подробностями, боясь упустить детали, ибо они, как говорила моя бывшая сотоварищ и квартирисьёмщица общей на двоих комнаты Лада, та самая, которую привлекли за нелегальную продажу своего тела, «детали чаще важнее общего дела».

Ванда выслушала, хмурясь и продолжая попивать чай, ещё к середине рассказа её чашка опустела. Я прервалась и разлила чай по новой, радуясь нечаянной передышке. Пальцы хозяйки принялись теревить край круглой вязаной салфетки, служившей подставкой под корзину со сладкими булочками.

— Хотите, я покажу его? — спросила я, закончив рассказ.

— Нет-нет, что ты! — чёрные брови хозяйки иронично взметнулись вверх, словно я сказала глупость, сама того не ведая. — Магические предметы не терпят много рук, и уже то, что они знали твои, не есть хорошо. Но что поделать! Значит так, за ним скоро придут, потому как его хозяин явно хватился столь ценного артефакта. А то, что ты увидела в отражении его глаза, даже хорошо. Теперь ему тебя при встрече не обмануть.

— А как мне себя вести?

— Просто. Скажи, что попала вещица к тебе случайно, что ты сама была не рада, да вернуть не могла. Не знала кому. А вот теперь с радостью от неё избавишься.

— И не говорить о том, что случилось в саду?

— Не спросит — не говори. А спросит — не скрывай. Я думаю, что хозяин артефакта будет рад, что вернул его, и главное, увидит, что к тебе он попал по случайности. Маг, должно быть, сильный, не может такое не увидеть.

Слова Ванды меня немного успокоили, но всё равно я до жути боялась встречи с владельцем магического зеркальца. Его глаза показались мне смутно знакомыми, но где и при каких обстоятельствах мы встречались теперь уже и не скажешь.

В последние полгода жизни в столице на моём пути возникали разные люди. Взять к примеру то место, где я мыла полы около месяца. Работы было немного, платили справно, но однажды я оступилась и разлила ведро воды на какой-то особо ценный ковёр. Ох, хозяйка и орала!

А хозяин так посмотрел, словно отработать заставить хотел. Пришлось выскочить, в чём была, да забыть о трёхнедельном жаловании. Я тогда ещё долго обходила стороной улицу Роз, она примыкала к Торговому кварталу на севере и жили там господа знатные, но те, кому вход ко двору короля был заказан. По разным причинам. Чаще всего из-за недостаточного богатства.

— Кто такие были эти Чёрные Тени? — решила спросить я, когда уже убрала и помыла в лаборатории. На этот раз, помня о собственной неловкости, я старалась делать всё медленнее, чтобы ничего разбить.

— Это алхимы — порождённые особой магией существа. Вползают в человека, да так, что и не заметишь. И всё, считай, пропал бедняга. Вылечить почти нельзя.

Я застала хозяйку, сидящей на крыльце в кресле-качалке и с трубкой в зубах. Никогда бы не подумала, что она курит, да ещё и на мужской манер. Впрочем, многие из нас совсем не те, кем кажутся!

— Ты садись, вечер больно хорош! В такие дни хочется найти философский камень и прожить дольше отпущенного, — Ванда мечтательно посмотрела вдаль. — О Чёрных Тенях я прочитала не так

давно, в брошюрке про алхимиков, о них там упоминалось вскользь. То, что выделяют слизь, которая, как кислота, разъедает даже металл при длительном с ним соприкосновении. А вот для нашей кожи эта слизь безвредна. Сжечь их надо, это единственный надёжный способ. Можно заморозить, но когда оттаёт, эти гады оживут.

— А зачем этот человек нам их подбросил? — спросила я, затаив дыхание.

Как много в мире того, чего даже вообразить нельзя! Вот жила я и знать не знала ни о каких Чёрных Тенях, а ведь они могли убить меня! Болезни не убили, невзгоды не сломали, а теперь, когда я в трёх шагах от исполнения мечты...

— Подстраховаться. Эти гады, когда попадают в человека, вызывают недомогание и боли. А что почём никто из целителей не скажет. Вот и померли бы мы, а спросить и не с кого. Не каждый целитель о них слышал. Так что сегодня день особенный, можно сказать, бог к нам с небес сошёл, благословение выдал.

С этим я была полностью согласна. Но на решимость освоить ремесло травницы, а по совместительству составительницы ядов, событие сегодняшнего дня не повлияло. Сколько в мире возможности умереть? Да бесчисленное множество! А вот жить так, как хочешь, а не искать себе пропитание каждый день — здесь уже надо постараться.

Вечером я аккуратно извлекла серебряный артефакт из кармана и положила под матрас. Как и задумывала. После разговора с хозяйкой я немного успокоилась: завладеть им она вовсе не желала, но бережёного бог бережёт.

Заснула я быстро, возможно, мне помогла успокоительная настойка, которую мыс хозяйкой в две руки приготовили из валерианы, мяты и хмеля. Однако сны пришли тревожные, вязкие, как топь. Картинки или единого сюжета не складывалось, я то тонула, то куда-то падала. Бежала, всё время оглядываясь.

Самый страшный сон явился под утро. Я очутилась в приюте, но уже не как воспитанница, а как воспитательница. Безо всяческой надежды когда-то выйти отсюда. Как мисса Тайлер.

Проснулась я в холодном поту. Уже начало светать, так что ложиться спать смысла не имело. Тем более мне надо было сходить на

рынок за цитронеллой, да выковать у кузнеца дубликат ключа от лаборатории.

Я умылась приготовленной с вечера водой, прополоскала рот отваром коры дуба, пожевала «очищай-траву» и сразу заглянула под матрас, чтобы переложить артефакт в карман. Я буду везде носить его с собой, чтобы не потерять.

Но к моему ужасу, под матрасом, там, где я с вечера спрятала завёрнутый в платок артефакт, его не оказалось.

Глава 13

— Никогда не теряй вещи, София! — промелькнуло у меня перед глазами лицо директрисы приюта. — Они уже не возвратятся к тебе такими, какими ты их знала!

Я тогда только поступила на роль нянечки. И кто-то увёл из-под носа один комплект постельного белья. Отвернулась — и нет его!

А ведь точно приготовила простынь с наволочками и положила на место, чтобы перестелить!

— Как это? — искреннее недоумевала я.

— Попав в чужие руки, познав их, они уже не будут только твоими. Никогда.

Тогда я не поняла, о чём она говорит. А теперь, когда обнаружила серебряный артефакт, усиливающий мои способности, а иногда и вовсе дарующий абсолютно чуждые мне умения, вспомнила ту почтенную даму с кулей на затылке.

Директриса оказалась права. Вещи привыкают к рукам, а магические штуки и подавно.

Но сейчас речь шла о другом. Я не только нашла чужой артефакт, но и умудрилась его потерять!

У меня аж испарина на лбу выступила, а колени подкосились. Я снова заглянула под матрас, потом сорвала постельное бельё и перевернула его, но всё было тщетно.

Артефакт пропал. Исчез, будто и не было его вовсе. А если нет его, то и меня, судя по всему, скоро не станет.

Это и к прорицательнице не ходи!

На всякий случай я заглянула под кровать, перетряхнула шкаф и сундук проверила. Даже на улицу выглянула, чтобы убедиться, что серебряная вещица не валяется под окном.

Вдруг я лунатик и выбросила её по ошибке? Надежда была слабой, неудивительно, что она не оправдалась.

Плеснув себе в лицо холодной водой, я села и задумалась. Рассуждать здраво мешал страх: вот сейчас или через час придёт ко мне хозяин артефакта, а его нет! Просто испарился!

Оставалась смутная надежда, что он каким-то образом вернулся к нему сам, но нигде я не встречала такой информации, чтобы магические вещи могли сами перемещаться. Это же не почтовый голубь, не собака, способная пробежать тысячи километров!

Значит, его снова украли. Я решила пойти и прямо спросить у хозяйки, зачем она его взяла. Больше было некому.

Окно на ночь я закрыла, потому как духота мучила меньше комаров, следов взлома на двери не было. Больше некому.

Я уже взялась за ручку двери, как вспомнила, что нахожусь в одной ночной рубашке. Конечно, стоит сначала одеться. В приюте меня приучили к опрятности, поэтому даже в такой ситуации, когда руки дрожали, а в голове был сумбур, я сделала всё, чтобы выглядеть аккуратно.

Разгладила на платье все складочки, пару раз посмотрела в небольшое зеркало, стоящее на подоконнике, и убедилась, что хоть и бледна, но выгляжу хорошо. Как человек, способный принять все удары судьбы.

Остался последний штрих: приколоть к лифу небольшую фиолетовую брошь и поправить карманы, чтобы не топорщились.

В одном из них, застёгнутом на пуговку, я и обнаружила пропажу. Серебряное зеркальце было завёрнуто в мой носовой платок, как я его и оставила под матрасом.

Забыв об осторожности, я скорее развернула его и убедилась, что артефакт на месте. Внешне он был точной копией того, первого.

Можно было бы провести пальцем по крышке, вдруг он откроется, но я не решилась. Снова увидеть в отражении глаза мужчины, чей взгляд способен воду в лёд превращать, мне не хотелось.

Нет, нет и нет! Не сейчас. Ни к чему приближать неизбежное.

Я спустилась по лестнице, артефакт лежал в том же кармане, в котором я его нашла.

— Правильно, что уже встала, — кивнула Ванда после приветствия.

Я нашла её на кухне, она была в чистом переднике и месила в кадлушке тесто. Каждый, кто увидел бы её сейчас, решил, что это добрая хозяйюшка занимается своим прямым делом.

Такая почтенная дама в опрятной косынке, с чистыми руками, не имеет отношения к травам. А уж к ядам и подавно.

— На рынок надо ходить засветло, пока лучший товар не раскупили. Помни, что там, где можно содрать с покупателя полушку, торговец и три запросит. Всегда торгуйся, даже если уверена, что цена адекватна.

— Я цитронеллу куплю. Комары снова зверствовали.

— Да, и багульник болотный тоже. Деньги на столе возьми, я приготовила, а то у меня руки чистые.

— Багульник? — переспросила я, чтобы убедиться, что правильно поняла.

— Да, болотный мирт. Замешаем, от комаров самое то. Ну ступай, остальное для работы завтра соберём.

Я всё переминалась с ноги на ногу, не решаясь спросить, Ванда ли положила мне в карман артефакт. Да так и ушла.

В глубине души знала: это не она. Хозяйка не имела никакой выгоды. Зачем ей лезть под матрас, когда можно было просто забрать его на сохранение накануне вечером?! Я ведь ей это предлагала!

Идти до рынка было недолго. По дороге я сумела убедить себя, что сама, по ошибке, должно быть, оставила его в кармане. Наверное, хотела положить под матрас, но заснула раньше, чем воплотила намерение в жизнь. А в усталом мозгу отпечаталось, будто всё сделала, как задумала.

Такая точка зрения меня устраивала. И это главное. Зато не надо ломать голову над тем, как и почему так вышло. Сама оставила вещь в кармане, вот и вся загадка!

На рынке, несмотря на ранний час, уже толпился народ. Я снова купила лепёшку у того самого торговца, он узнал меня и хитро подмигнул:

— Самую горячую достану для юной барышни! Кушайте на здоровье!

— Спасибо, — улыбнулась я хотела было отойти, как меня толкнул какой-то толстяк, тут же принявшийся извиняться с масляною улыбкой на губах.

Мне сделалось холодно, хотя духота с самого утра стояла такая, хоть топор вешай. Но аппетит ничто испортить не могло.

Выросшие в приюте знают, что если не съешь порцию сразу, то потом её не будет, как и сил на то, чтобы выжить. Не откладывай дела на потом, а уж удовольствия тем более!

Отойдя в сторонку, я уплела лепёшку, запив прохладной водой из фляги, взятой из дома. Теперь, когда с трапезой было покончено, я направилась в сторону, где стояли прилавки с травами и всевозможными приправами.

Людей здесь всегда было меньше, чем у лотков со свежими овощами и фруктами. Все понимали, что лечиться надо, но предпочитали утверждать, что излечивает хвори бог, а не травницы. Если бы целители, то ещё куда ни шло, а травницы, ведунки, женщины! Фу, одним словом!

Не благородно это для крепких мужей!

Всю дорогу я шла, прижав корзину для покупок к тому карману, где лежал артефакт. За сохранность его я не переживала, чувствовала тяжесть металла, но с некоторых пор он стал таким осязаемым, что одно это заставляло нервничать.

Время от времени я останавливалась у какого-то прилавка, якобы чтобы прицениться, а сама быстро поглядывала по сторонам. Не замечу ли что подозрительное?

Всё было в порядке, но ощущение чужого взгляда не пропадало. Так было, пока я не добралась до прилавка травницы Дорофеи.

Именно сюда я и направлялась. Во-первых, хотела увидеть Стефу и поблагодарить её за помощь, а ещё напроситься в гости. Очень уж у них книжный шкаф богат, сесть бы на часок, да полистать тот атлас о растениях!

Во-вторых, Дорофея слыла человеком честным, у неё травы сорваны с любовью и знанием, значит, целебные вдвойне.

У её прилавка уже были две покупательницы, так что я встала в сторонке, ожидая, пока травница освободиться. И поглядывала по сторонам. Ощущение чужого взгляда внезапно пропало, и мне сделалось спокойнее. Ненадолго.

На очень короткий отрезок времени.

Глава 14

— Вы ведь София Габелл, верно? — улыбнулась травница Дорофея, когда остальные покупательницы отошли от её прилавка. — Помощница Ванды Многорукой. Мне Стефана о вас рассказывала.

— Правда? — удивилась я. Ладно, возможно, она обо мне и говорила, но чтобы узнать из десятка другого случайных покупателей — это показалось мне подозрительным. Я не верила в случайности.

Конечно, Дорофея не называет моим именем всех подряд!

— Да, у вас корзина из длинноствольного прута, такие только у Ванды бывают.

Лекарка Дорофея улыбнулась, она была чуть усталой и внешне совсем непохожей со своей дочерью. Рослая, с сильными натруженными руками, и мужеподобными плечами, она казалась бы переодетым мужчиной, если бы не развитая грудь. А голос у этой дамы был мягким, убаюкивающим.

Надо было ей в сказительницы идти, точно бы успехом пользовалась!

— Так чем я могу вам помочь, София? У Ванды большой запас трав, думаю, вы пришли за цитронеллой. Не удивляйтесь, сейчас все за ней идут. Комары этим летом просто звери!

Дорофея говорила и одновременно ловко перебирала травы в своём лукошке, обычно стоявшем у её ног под прилавком. Там у неё хранились особенно ценные травы, которых не было необходимости выставлять в духоту на лоток. Их и так спросят, и так купят.

— Да, а ещё мне нужен болотный мирт, — улыбнулась я, позабыв о недавнем нехорошем предчувствии.

Рядом с матерью Стефаны ощущался только покой и материнская забота. Поэтому к ней тянулись люди: даже если не вылечит, то подарит утешение. Иногда это всё, что требуется.

— Конечно. Только в пиво не добавляй, одурманит до смерти, — добавила она. — Ты знала, что раньше багульник использовали, чтобы искать клады? Я тоже только недавно в одной старой книге об этом вычитала.

Дорофея была словоохотлива, мне нравились такие открытые и бесхитростные люди, потому что они обычно не таят камень за

пазухой. Но быть такой же я бы не хотела, слишком много ран наносят те, кто сначала улыбается в лицо и пользуется дармовой услугой.

— Я видела, у вас потрясающая библиотека! В атласе лекарственных растений всё так подробно нарисовано...

— О, спасибо! Приходи как-нибудь вечером, можешь читать, только не уноси книги, пожалуйста. Я потом ни за что не вспомню, какие тебе отдала, — отмахнулась Дорофея и вместо одного пучка травы выделила мне два. — Ну, ступай с богом! И удачи тебе в нашем нелёгком труде! Если что, я либо здесь, либо по домам хожу. Если меня нет, смело обращай к Стефе, он знает чуть ли не больше меня.

Я сердечно поблагодарила лекарку и отошла от прилавка, чтобы позволить и другим покупателям выбрать травы. Дорофея могла бы рассказывать о каждом пучке чуть ли не часами. Где собран, при каких условиях, да как подойти надо к траве, как поклониться, какое слово шепнуть.

Травы, они разные. И по свойствам, и по характеру. Я и сама это с детства знала. Не в каждый день заметишь иных, например, зверобой лучше собирать на рассвете, а мандрагору после дождя.

В иные часы ходишь вокруг да около и не видишь траву, будто нет её под ногами. А стоит шепнуть приветственное слово, как глаз сразу на неё и упадёт. Фигурально выражаясь.

Ох, я так задумалась, неспешно гуляя по рынку, что даже почувствовала тонкий аромат лесного разнотравья. Совсем скоро они войдут в силу, расцветут и заговорят на разные лады. Громко и тихо, сами с собой и друг с другом.

Я обожала быть в лесу на закате, но больше всего на рассвете, когда, влажные от росы, они отряхиваются и тянутся туда, где вскоре их макушек коснутся первые лучи солнца.

— Тихо, не рыпайся! — услышала я шёпот над правым ухом и не успела оглянуться или отпрыгнуть в сторону, как в бок упёрлось что-то твёрдое. И холодное.

Я резко остановилась и лезвие неприятно врезалось в кожу. Даже через плотную ткань платья было чувствительно, но не больно. Значит, нож держат тупой стороной. Так, поранить меня не хотят, просто припугнуть.

Во рту сразу пересохло, а шаг сбился. Я стала спотыкаться и сделалась неуклюжей.

— Куда ты заваливаешься?! Сказано, иди прямо. Мы просто поговорим.

Ага, конечно! А потом я у тебя просто заберу артефакт и просто прирежу. Хорошенькая альтернатива!

Так, София, соберись и попробуй выведать больше! В любой непонятной ситуации надо пытаться заговорить противнику зубы, авось и проговорится да смилуется. Или получится кинуть охранным заклинанием и убежать.

— Что вы хотите? Деньги я всё потратила на травы, но незнающему они бесполезны.

Я притворилась ничего не понимающей. Кто сказал, что этот разбойник пришёл за артефактом? Может, просто увидел рассеянную барышню, вот и решил разживиться её кошельком? Или это привет от вчерашнего клиента Ванды?

— Молчи и топай! Да вперёд смотри!

Лезвие снова скользнуло по моему боку, разрывая платье. Ах, ещё непонятно, можно ли будет заштопать его так, чтобы незаметно было!

Убивать меня не собирались, это я сразу поняла. Иначе бы не церемонились, а заточку в бок воткнули. В суматохе вытащить артефакт из кармана несложно.

Если его хозяин так силен, чтобы найти свою пропажу, то обнаружить, где конкретно она спрятана, для него раз выдохнуть!

— Ты оглохла и одеревенела, что ли? — грубый мужской голос, шептавший на ухо, казался смутно знакомым. Этот тембр я точно где-то уже слышала, причём недавно! — Да не верти башкой, иди к южным воротам. Там нас уже ждут.

Ох, вот это уже хуже. Пока я на рынке, всегда есть шанс сбежать и затеряться в толпе, а если посадят в экипаж, считай, дело дрянь. Как назло, в голову не приходило ни одного приличного заклинания, кроме того, что используется при поиске пропажи. Да и то по мелочи: булавки там или иголки.

До южных ворот никто так меня и не спас. Знакомых в Плауполисе у меня почти не было, я не стремилась навязываться первой, а с приютской деревенщиной якшаться никто не хотел. Ни связей, ни денег, что с неё взять?!

— Иди вон к тому чёрному закрытому экипажу. Прокатимся с ветерком!

Это был мой последний шанс! Не попытаю счастья сейчас, всё одно сгину!

Согнувшись, словно живот прихватило, я резко распрямилась и метнулась в сторону от навязанного попутчика.

— Стой, мерзавка! — услышала я вслед и невольно оглянулась. На меня посмотрела рябая морда разбойника, и я оторопела от неожиданности.

Это было лицо одного из помощников Рыси! Ну всё, теперь мне точно конец!

Глава 15

— Куда собралась? — спросил рябой почти ласково.

Воспользовавшись моим замешательством, он подошёл ближе и перехватил моё запястье.

— Прокатимся, а к кому, сама знаешь. Да не рыпайся, никто тебя не обидит.

Так уговаривают скотину, прежде чем заклеить. Или свинью, которую ведут на убой.

— Не обидит? И поэтому вы меня ножом тыкали? — спросила я тихо, но к экипажу пошла добровольно.

— Чтобы охотнее шла и не возмущалась!

Делать нечего, охранный пункт рынка здесь недалеко, можно было крикнуть и привлечь внимание прохожих, только толку не будет. Либо прирежут, либо силой затолкают, а потом припомнят.

Внутреннее чутьё говорило довериться судьбе и не перечить тому, кому ничего не стоило меня найти и явиться за артефактом самолично.

То, что Рыси понадобилось серебряное зеркальце, лежащее в моём кармане, я догадалась сразу. Почему-то именно ему я бы отдала её без уламывания и насилия. Не только оттого, что он спас меня недавно от патруля, но и из-за слухов, что ходили о Короле мошенников.

Сильный маг, его даже животные слушаются, а люди, которые с ним несогласны, пропадают. Будто и не было их вовсе. Некоторые, правда, утверждают, что Рысь изгоняет несогласных из столицы, да кто же в такое поверит?!

А мне чужой артефакт ни к чему! Спас жизнь, сохранил работу — и будет с меня! Пусть забирает!

Так я рассуждала, сидя в экипаже напротив рябого. Какой дорогой меня везут, посмотреть было нельзя: окна зашторены, попробуй только выгляни!

Рябой внезапно хлопнул в ладоши, и из его рук вырвались маленькие разноцветные огоньки, принявшиеся кружить под потолком, а потом спустившиеся к моему лицу. Похожие на колючие шарики, они были не яркими, но красиво мерцали, собираясь вместе и образуя красивые узоры.

— Это вы меня развлекаете? — спросила я, всё ещё с опаской поглядывая в сторону рябого. Но тот давно спрятал нож и был поглощён тем, что управлял разноцветными колючками.

— А то! Чтобы не скучала и слёзы не лила! Терпеть не могу женские истерики!

Сейчас, когда мужчина не тыкал мне в бок ножом, я бы даже могла счесть его приятным собеседником. Было видно, что рябой не принадлежал к тому типу разбойников, которые грабят и насилуют на большой дороге.

Скорее это был тип авантюриста средних лет, умеющего быть в своей тарелке как в обществе воров, так и среди честных людей. Хотя такие, как он, и не считают честность достоинством.

— Мы скоро приедем, Рысь сказал, чтобы тебя доставили без крику и шума, но вреда не причиняли.

Я хотела было съязвить, что урон рябой мне всё равно нанёс, дыра на платье была такой, что теперь только заплатку ставить, но смолчала. Что тут платье! Главное — отдать артефакт и не пострадать самой!

— Он ведь при тебе? — словно прочитав мои мысли, спросил рябой, и разноцветные колючки, перестав кружить, опустились на его ладонь. Когда они касались кожи, то вспыхивали ярче и гасли, таяли, словно снежинки в тепле.

— При мне.

— Вот и славно, — улыбнулся мужчина и замолчал, откинувшись назад. Закрыв глаза, но я чувствовала: наблюдает.

Скрывать, что артефакт при мне, я считала глупым. И наивным. Маг такого уровня, как рябой, наверняка чувствовал присутствие артефакта.

О Магах я знала не так много. Они способны управлять невидимыми потоками, создавать их из ничего только силой воли, им не нужны дополнительные приспособления, хотя артефакты экономят силы и направляют их в нужное Магу русло, не слишком опустошая внутренний объём. А значит, и восстановиться магу после заклинания третьего, высшего уровня проще и быстрее.

Словом, сильные Маги были похожи на полубогов, если бы не одно но: некоторые брошюры утверждают, что им время от времени необходим человек-донор. Бедняга с более слабыми способностями, служащий своеобразным посохом. Что конкретно это означает, брошюры не поясняли. Но, думаю, ничего хорошего. Для посоха.

— Напомни, как тебя зовут? — внезапно спросил рябой.

— София Габелл.

Ход лошадей стал тише, теперь мы ехали по какой-то просёлочной дороге, но в Плауполисе нет таких! И городские ворота не миновали, я не слышала голосов стражников. Так где мы?

— Так вот, София, дам тебе бесплатный совет. Считай это компенсацией за порванное платье.

А, заметил, гад!

— С Рысью ты уже встречалась. Отвечай прямо и только правду. Вздумаешь лгать или юлить, станешь его домашней зверюшкой. В прямом смысле. Слышала, что он может превращать людей в животных?

В глубине тёмных глаз мужчины вспыхнул огонь.

— Нет. Не слышала, — тихо ответила я. — Но за совет спасибо.

Я не поверила рябому. Ну, нигде в книгах я не встречала, чтобы люди в зверей обращались. Если только в сказках. Но, вняв благоразумию, спорить не стала.

— Приехали, — сказал он минут через десять.

Лошади и вправду пошли шагом, а потом и вовсе остановились. Где-то вдалеке прокричала птица, послышался скрип открывающихся ворот, и экипаж снова поехал, на этот раз по покрытой гравием дороге. По часам, висевшим на цепочке у меня на шее, я засекала время: ехали мы от ворот ровно минуту тридцать секунд.

Дверца экипажа распахнулась, и какой-то худой человек с зеленоватым оттенком кожи, одетый как дворецкий, поклонился моему спутнику, будто господину.

— Пойдёмте, госпожа Габелл. Рысь и так слишком долго ждал возвращения своей вещи, — произнёс рябой и вышел первым, даже не подумав подать даме руку.

Ладно. Подобрал юбки, я аккуратно спустилась сама и посмотрела по сторонам. Мы находились в какой-то усадьбе, довольно богатой, если судить по внешнему виду двухэтажного дома и колоннам у главного входа.

Рябой сделал мне знак следовать за ним, и мы вошли внутрь. Все окна были задраены, но в доме каким-то чудом сохранялась прохлада. Где-то недалеко журчала вода, в воздухе разлился аромат корицы. У меня вмиг заурчало в животе.

Лепёшку я съела давно, неплохо бы и перекусить, аромат напомнил о вкусной выпечке моей хозяйки, вот живот и дал о себе знать. Хотя сложно придумать место и время наиболее неподходящее для трапезы!

По широкой лестнице, устланной голубой ковровой дорожкой, мы поднялись на второй этаж. Дворецкий, проводив меня презрительным взглядом, остался у её подножия.

— Тебе сюда, в эту дверь. Заходи. Да не стучись, он знает, что это ты! — отдал последние наставления рябой и указал на одну из дверей, сделанных из красного дерева.

Владелец дома явно знал толк в роскоши!

Немного помедлив, я вздохнула, покусала губы, чтобы выглядели ярче, и решительно открыла дверь, оказавшись в кабинете.

Глава 16

— Проходите, София! Не робейте! — услышала я знакомый голос, и почувствовала радость оттого, что артефакт оказался вещью именно этого человека.

Он уже раз спасал меня, хотя мог совершенно спокойно пройти мимо. И с лицензией помог, правда, ободрал как липку, но ничего, я при случае ему это припомню.

Всегда считала, что долг платежом красен, вот и верну его, когда представится возможность. Но не сейчас.

— Мы ведь уже почти знакомы, так что не сочтите за неуважение, если я предложу вам выпить!

И Рысь, стоя вполоборота, скрестив руки на груди, окинул меня насмешливым взглядом. Я прошла и села в предложенное кресло,

пусть не думает, что испугалась.

Тем временем Король мошенников подошёл к книжному шкафу и открыл неприметную дверцу, замаскированную под книги. Там оказалась ниша, заполненная бутылками.

Мама дорогая, там их штук десять и самой разнообразной формы! Богато здесь живут, ничего не скажешь!

Я такого изобилия даже у директрисы приюта не видела, а она любила приложиться к рюмке и знала толк в выпивке.

— Хороший у вас дом, — сказала я, чтобы нарушить молчание. И чтобы он не думал, что я совсем одеревенелая провинциалка.

Рысь обернулся и посмотрел на меня так, что захотелось провалиться сквозь землю. Я почувствовала, что краснею.

Последний раз такой конфуз со мной случался, когда я утащила из курятника двух цыплят и посадила их в картонную коробку, которую днём прятала под кроватью. Так хотелось зверюшку иметь!

Глупая затея, но мне лет девять тогда было. Старшая воспитательница нашла их через три дня и велела прилюдно меня выпороть.

Но пороли не сильно, скорее для унижения, а не чтобы причинить реальную боль. Вот тогда-то я и краснела, да слёзы глотала. А сейчас-то что такое приключилось?

— Выпейте это и поговорим! — Рысь протянул мне бокал с янтарной жидкостью и себе взял такой же, только содержимого в нём было в два раза меньше.

—Что это? — спросила я для приличия и чтобы он не думал, что я какая-то выпивоха, которая и рада дармовщине. Алкоголь я не любила, пила всего несколько раз в жизни. И то, пригубив вино.

— Ячменно-кукурузная настойка. Мудрёно называется, но пьётся легко.

Есть такие мгновения в жизни, когда дешевле выпить, чем отказываться. Вот и наступило одно из таких.

Я проглотила горькую залпом и поморщилась. Настойка оказалась крепкой, в голове моментально зашумело, но вскоре успокоилось.

— Лимон возьмите, положите на язык, станет лучше.

Выполнив всё, что говорил мне Рысь, я приготовилась к основному разговору. Ведь он меня сюда не выпить пригласил! А если ещё чего захочет? Того самого?

Я посмотрела на окно, расположенное позади мужчины. Закрыто, да и со второго этажа прыгать больно. Ладно, отведусь стандартными отговорками, а там видно будет. Нет, мужчина он привлекательный и всё такое...

Осмелев, я посмотрела в его глаза. Голубые, холодные, насторожённые, это действительно были глаза получеловека-полузверя. Кажется, я даже начала трезветь и вспомнила, зачем я здесь.

— Это ваше. Возьмите.

Я достала артефакт из кармана, развернула платок, в котором хранила ценность, и положила на стол, за которым сидел Король мошенников. Мужчина молча посмотрел на него, потом на меня и медленно спросил:

— Как оно к тебе попало, София?

Рысь произнёс моё имя с нажимом. Словно хотел добавить: «Вот я для тебя сделал много, а ты что же?! Чем отплатила за доброту?»

— Мне его подбросили, — выдохнула я и, опережая реакцию собеседника, торопливо добавила: — Я в гостиницу, где жила, за вещами вернулась, а портье-пройдоха мой сундук обыскал. Порылся основательно, ещё и доплаты требовал. За мою-то вещь! Ну и всё, в сундуке я его и нашла.

— А дальше? Использовала? Я чувствовал, что он работает.

— Не по своей воле. Он сам как-то активировался. — ответила я и почувствовала, что хочется плакать.

Моя история со стороны, должно быть, бредовой кажется. Кто в такую поверит?!

Рысь продолжал сидеть, положив локти на стол и внимательно за мной наблюдая. Я же смотрела как на него, так и на артефакт.

Мне чудилось, что последний всё слышит. Было бы неплохо, если бы хоть кто-то подтвердил мои слова, но портье будет всё отрицать, а больше и некому заступиться, разъяснить, что я его не украла.

— Ты знаешь, как он у меня пропал? — внезапно спросил Рысь, не меняя позы.

— Нет, — не мигая, как замороженная, не раздумывая и не соображая, что говорю, ответила я.

Со мной творилось что-то странное, вдруг захотелось всё рассказать этому мужчине с таким ледяным взглядом, что мурашки по спине бегали. Он вызывал во мне одновременно животный страх,

сходный с почитанием древних божеств, и желание узнать, как так получилось, что Рысь стал мошенником.

Внешность, манеры, повадки — всё выдавало в нём не только благородное происхождение, но и соответствующее воспитание. А я была любопытна от природы.

— Я расскажу тебе, — он поднялся на ноги и подошёл ближе, сел на край стола и взял меня за руку, положив большой палец мне на запястье. — Не сопротивляйся, всё равно не сможешь. Слушай! Это артефакт, обнаруживающий живое в любом его проявлении. Если оно хоть как-то угрожает благополучию владельца. А ещё он усиливает внутренний магический объём. Ты, наверное, сама это почувствовала, но вот беда: когда он переходит от одного хозяина к другому, то черпает силы в магии прежнего. Я порядком поистощился ради тебя, София. И теперь вынужден просить об ответной услуге.

— Да, — ответила я, мысленно обругав себя.

Что это снова на меня нашло? Я никогда не отвечала согласием на сомнительные предложения, даже если они звучали, как приказы.

Мотнув головой, чтобы вернуть себе ясность мыслей и встряхнуть силу воли, я выдавила:

— А каково ваше настоящее имя, господин? Раз уж вы берёте меня в качестве посоха, я имею право это знать.

Рысь холодно усмехнулся, но мою руку отпустил.

— Либо ты не так слаба, как показалось при первой нашей встрече, либо артефакт усилил твои способности гораздо больше, чем я мог рассчитывать. И то, и другое нам обоим на руку.

— Я просто начитана, господин, — ответила я с улыбкой. Смелость вернулась, а паутина заклинаний, которой меня незаметно окутал Рысь, наконец, распалась. Я снова стала собой. — Если я узнаю ваше настоящее имя, данное при крещении, то вы не сможете навредить мне, не понизив свой магический объём.

— Может, мне проще убить тебя? — прищурившись, произнёс мой собеседник.

— Может. Но тогда бы вы не беседовали со мной. Значит, я пока нужна вам.

— Хорошо, София, по крайней мере ты умна. Это уже немало. Жди, я сейчас вернусь. И не пытайся сбежать. Обещаешь?

Я кивнула, стараясь не думать о побеге. Вдруг Рысь сможет считать моё намерение?

Но стоило ему выйти, оставив дверь открытой, как я, выждав десять секунд и убедившись, что в доме по-прежнему тихо, поднялась на ноги и прошла к боковой двери.

Я заприметила её ещё во время разговора. Сбегать лучше не через парадный вход. На моё счастье, дверь была не заперта.

Но только я повернула ручку, как за моей спиной раздался грозный рык.

Глава 17

— Не дёргайтесь, барышня. Тогда Ле Шатон вас не тронет, — с присвистом выдохнул мужской голос за спиной. — Он у нас смирный, но слушается только хозяина.

— А повернуться можно? — спросила я, отпустив ручку двери.

Рык прекратился, но я слышала гневное фыркание рассерженного зверя. Собака? Никогда не слышала, чтобы они так рычали!

— Аккуратно. Он очень разумен, — мужчина закашлялся, и я, воспользовавшись паузой, обернулась.

И обмерла, увидев рыжее существо чуть больше кошки, с острыми кисточками на ушах и крыльями на спине. Если бы не они, можно было принять существо за львёнка или ещё кого из семейства кошачьих.

Он внимательно смотрел на меня зелёными глазами-пуговками и почти не мигал.

— Он не нападает без причины, — произнёс мужчина у двери, в котором я признала того толстяка, он ещё толкнул меня на рынке.

— А вы? — спросила я. — Вы же за мной следили!

— Так хозяин приказал, — толстые губы мужчины расплылись в той масляной улыбке, которую я подметила ещё в первый раз. — Поверить, при вас ли артефакт. Я и убедился.

— Гастон, ты свободен!

Рысь появился на пороге с какой-то шкатулкой в руках. Толстяк приосанился, вытянулся во весь свой небольшой рост, словно солдат на плацу, и, аккуратно схватив крылатого львёнка под брюхо, попятился к двери. Я проводила их взглядом и только тогда повернулась к Рыси.

— Никогда не видела ничего подобного.

— Ле Шатон. Это алхим. Слышал, ты уже сталкивалась с ними, правда, не такими безобидными. Маги часто создают их себе в помощь. Или на забаву.

Я замолчала, моля Небо, чтобы Рысь не поставил мне в упрёк попытку сбежать. Но, разумеется, надежда не оправдалась.

— Проходи, София, ты ведь туда хотела попасть, — Рысь указал на оставшуюся полуоткрытой дверь. — Я как раз хотел показать свою лабораторию.

Второго приглашения мне не требовалось. Я без страха, но с сильно бьющимся сердцем открыла дверь и ахнула. Рысь не врал, у него здесь была самая настоящая сокровищница алхимика.

Два верстака со стеклянными перегонными аппаратами, плоскодонные колбы всех размеров, закрытые корковыми пробками, штативы, держатели. И приток свежего воздуха имеется.

— Вот уж не думала, что вы интересуетесь травоведением, — сказала я, обернувшись к Рыси.

— Это хозяина особняка, моего друга, но я буду рад, если вы воспользуетесь её при необходимости. Считайте это моей уступкой.

— А что взамен?

Я всегда хотела знать условия заранее и привыкла к тому, что никто не делает уступок просто за красивые глаза.

— Здесь собраны артефакты, вам будет любопытно.

— С чего вы взяли? — улыбнулась я, чувствуя, что вот-вот попаду в капкан, выбраться из которого будет непросто. — У меня в приюте определяли магический объём. Он был крохотным. Да, потом вырос, но если я начну использовать артефакты, они вытянут из меня всю силу.

— Я не предлагаю вам их использовать, София. Их использую я, но вам надо знать, какой за что отвечает. Потому что некоторые, вы правильно заметили, могут быть для вас смертельно опасны.

Рысь прошёл к маленькому столику у окна и сломал сургучный замок.

Внутри шкатулки размером со стандартную книгу была бархатная подложка, на которой лежали три металлические пластинки. Серебряная, медная и золотая. Овальные, напоминающие броши или медали.

— Медная — это артефакт от ядов. Серебряная используется целителями для изменения внешности. Конечно, сильно и надолго не изменишь, но лицо становится пластичным и можно подкорректировать внешность до неузнаваемости. В полутёмном помещении. А золотая, я использую её, когда меня преследуют. В ближнем бою.

— Зачем мне это знать?

— Эти артефакты нужны мне, София, но вот беда, я слишком истощён, чтобы пользоваться ими, а ты и станешь моим посохом. Ненадолго. Обещаю, что после вознагражу тебя.

— Конечно, ненадолго. Надолго меня не хватит, — ответила я, поджав губы.

Впервые попала в такой переплёт, а как выбраться, ума не приложу!

— Я буду аккуратен, — Рысь сделал шаг вперёд и провёл ладонью по моей щеке. — Выбора у тебя всё равно нет. Я могу просто уничтожить тебя, и никто не будет искать. Приютская девочка заигралась и обожглась, сколько вас таких пропадает в столице?!

Я посмотрела в его безжалостно льдистые глаза, они были похожи на замёрзшие северные озёра, а на севере жизнь, говорят, тяжёлая.

Не ты съешь, так тебя сожрут и копчиковой костью не подавятся. Особенно если она узкая, как у меня.

Поэтому я постаралась улыбнуться как можно жалобнее. Мол, согласна, господин, но пощадите. Надо бы вырваться отсюда, а там посоветуюсь с кем-нибудь. Например, с хозяйкой. Она дама многоопытная, зря слово не скажет.

— И не бойтесь, что убегу? Или отомщу при случае?

Надо было промолчать. Но я была бы не я, если бы так поступила. Благоразумие благоразумием, но надо и зубы показывать. Даже если укусить не удастся, противник должен видеть, что они у меня есть.

Рысь наклонился ко мне и прошептал на ухо:

— Я найду тебя и накажу, чтобы другим было не повадно. А сейчас иди, Гастон тебя проводит. Я позову, когда ты мне понадобишься. Скоро.

И он отвернулся, чтобы закрыть шкатулку и убрать её подальше. Давал понять, что не заинтересован во мне более.

— Я не крада у вас этот артефакт. Честно.

— Значит, это судьба, София. Вы поможете мне, а я когда-нибудь отблагодарю вас.

Рысь говорил вкрадчиво, мурчал, как большая кошка, но не оборачивался. Не считал нужным. Мол, разговор окончен, иди вон.

Вероятно, хотел напомнить мне, что если гладить его по шерстке, всё будет хорошо, но при случае он может и коготки показать.

Я только фыркнула и повернулась, чтобы выйти. Если он думает, что я буду стоять и пялиться на его красивую мощную спину, любоваться игрой света в тёмных, перехваченных в хвост, волосах, то пусть не рассчитывает. Вот ещё!

Я даже всего этого не заметила. И мысленно пожала плечами.

— Да, кстати, София, — остановил меня голос Рыси уже на пороге, — Гастон там приготовил для вас небольшую денежную компенсацию за порванное платье. Купите другое. И шляпку с перчатками. Я люблю, когда меня окружают красивые вещи... И люди.

Мне хотелось развернуться и отхлестать его по наглой кошачьей морде пучком цитронеллы. Или болотного мирта, чтобы чихал всю неделю. Но сдержалась.

Деньги мне и вправду не помешают. А месть — это блюдо, которое подают холодным.

Глава 18

— Вот, возьмите, барышня, — заискивающе улыбнулся Гастон и протянул мне мешочек с увесистым содержимым.

Я, конечно, не меняла, на вес деньги не считаю, но легко смогла определить, что здесь достаточно монет, чтобы купить не одно и не два приличных платья в Торговом квартале. Я развязала бечёвку, стягивающую мешочек, и увидела блеск серебра.

— Передайте вашему господину, что я благодарю его за щедрый дар, — улыбнулась я, желая казаться глупее, чем есть.

Глупышкам проще. Их скорее оставят в живых, чем наблюдательных и задающих лишние вопросы барышень.

Не время сейчас возмущаться и скулить насчёт того, как меня сюда доставили. Я ещё не дома.

Сзади послышалось насмешливое покашливание.

— Барышне пора уходить, — чинно произнёс дворецкий и снова посмотрел на меня как на проститутку, получившую слишком щедрую плату.

Мы стояли у подножия парадной лестницы, и я спиной чувствовала неприязнь уважаемого мажордома. Если бы он мог, не задумываясь и не колеблясь, выгнал бы меня вшаей, да ещё пинка дал на крыльце, но правила здесь устанавливали другие.

И дворецкий прекрасно это понимал. А мне хотелось его позлить.

В своё время я достаточно натерпелась от таких вот зазнавал, которые по положению ничуть меня не выше, но спеси и гонора хоть отбавляй. Они считают себя частью имущества своего хозяина, и если тот богат, то ведут себя так, будто и они тоже располагают деньгами и занимают видное положение.

Повод я нашла быстро. У ног Гастона сидел с важным видом тот самый алхим Ле Шатон.

— Можно его погладить? — спросила я, представляя, какая, должно быть, у этого зверя мягкая плюшевая шёрстка.

— Это вы у него спросите. Они умные, — понизив голос, ответил толстяк и перекрестился. Судя по его округлившимся от ужаса глазам, он был бы рад делать что-то другое, а не ходить за алхимом, но приказы хозяина не обсуждаются.

— Можно вас погладить? — со всей серьёзной важностью спросила я, обращаясь к львёнку.

Его длинный хвост, увенчанный на конце крупными перьями песочного цвета, чуть подрагивал, а глаза смотрели добродушно, но одновременно, я это чувствовала, животное было настороже.

— А у тебя сладкая булочка, женщина, есть? — спросил он и фыркнул.

— Нет, к сожалению. Последняя лепёшка ещё с утра закончилась.

Не буду же я при всех говорить, что она же была единственной в моём рационе за сегодня!

— Жаль, но ты можешь меня погладить, — львёнок говорил, чуть растягивая слова. Время от времени он фыркал и умильно морщил нос.

— А змеи у тебя тоже нет?

— Нет, простите, — растерялась я, но продолжала улыбаться. — Я их очень боюсь.

— А я люблю. Ну, гладь, мне нравится, когда чешут за левым ушком.

Не обращая внимание на сноба дворецкого, фыркающего похлеще львёнка, и Гастона который тарачил на меня глаза, дивясь смелости, я

наклонилась и аккуратно погладила Ле Шатона между ушей и по спинке.

Он закрыл глаза и замурчал. Шёрстка у него была, как я и думала, как меховая муфта, выставленная в витринах магазина в Торговом квартале.

Мне удалось прикоснуться к ней лишь однажды, когда я убиралась там после большой выставки. Это было ещё в прошлой жизни, когда я не имела отношения к магии и не слыла травницей.

И с Рысью не зналась.

Одним словом, поганое было время.

— Ты в следующий раз булочку принеси, — посмотрел на меня львёнок. — А лучше побольше булочек.

И я чуть не прослезилась. Ле Шатон выглядел вполне упитанным ребёнком, не думаю, что его здесь плохо кормят, но я разделяла его страсть к вкусняшкам.

Иногда жизнь складывается таким образом, что лишь они могут скрасить долгие дни ожидания лучшей доли.

— Он попрошайка, хозяин его очень любит, но перекармливать не велит, — пояснил Гастон, когда мы вышли на крыльцо.

Дворецкий с таким удовольствием на лице закрыл за нами дверь, словно выгнал меня навсегда. Но я лишь пожалала плечами.

Как не изображай из себя важную птицу, так и останешься прислугой. Пусть вышколенной и уважаемой среди челяди, но слугой господина.

Никогда не стоит об этом забывать!

— Давно он его создал? — поинтересовалась я у толстяка, который явно передо мной робел и чувствовал себя не в своей тарелке.

Ему было велено проводить меня до ворот и посадить в экипаж, который и отвезёт обратно.

Когда-то я хотела выйти из приюта и поехать по королевству, увидеть деревья Исполинского леса на севере, гору Титанов на юге, искупаться в кристально-чистых водах Широкой реки на западе. Она находится на самой границе с государством Великанов.

И если останутся силы, то и прокатится на восток, где живут огромные мудрые звери, ещё не полностью забывшие человеческий язык.

А потом повзрослела и поняла, что у меня нет денег не то чтобы на путешествие, а даже на расширение гардероба. Но страсть к путешествиям никуда не делась, я бы с удовольствием посмотрела в окно, пока экипаж будет вести меня к столице.

Не для того, чтобы запомнить расположение усадьбы Рыси, в этом толку мало, а чтобы посмотреть на мир вокруг.

Природу и растения я любила больше, чем людей. В приюте мизогонией страдают многие. Меня особо не обижали, наоборот, на пути попадались чудные воспитатели, но никто не заменит маленькому человеку семью.

И не научит доверять. Безоговорочно, как это делают счастливые дети.

— И это, — Гастон замялся, уже на подходе к воротам. — Я там вам не всё передал.

На этот раз глаза мне завязывали, но усадьба была стандартной. Особо смотреть не на что: фонтаны с обнажёнными девицами, пышный сад, ухоженная лужайка.

Собеседник интересовал меня гораздо больше архитектурных и декоративных роскошеств вокруг.

— Вы отщипнули от части щедрот, которые мне отсыпал ваш хозяин? — улыбнулась я, искоса наблюдая за ним.

— Нет, что вы! Я бы не посмел, — испуг на лице толстяка был вполне искренним. — Хозяин велел передать вам вот это.

И Гастон протянул мне что-то завернутое в платок.

— Разверните, когда останетесь наедине, — добавил он, делая знак стражникам, чтобы те подали экипаж.

— Спасибо! Я очень рада знакомству, — сказала я толстяку на прощание.

Это было вполне искренне. Приключение, начавшееся в гостинице и не сулившее ничего, кроме убытков и неприятностей, пока обернулось неплохим доходом.

Оставшись одна в том самом экипаже, который и привёз меня сюда, я развернулась тёмный платок. Внутри была подвеска из опала на чёрном шнуре. И записка.

«Этот камень скажет вам о том, когда я захочу вас видеть вновь. Моё имя — Кестер».

Глава 19

— А сколько стоит эта шляпка? — изменившимся голосом спросила я у торговца, увидав в витрине то, от чего у меня забилося сердце.

Это была любовь с первого взгляда. Шляпка светло-зелёного цвета, плотная, значит, на осень пойдёт, именно о таком фасоне в стиле «элегантных беззаботных молодых леди» я и мечтала. Скромно и одновременно броско.

А фасоны мне идут любые. Я буду в ней, как королева.

Все станут оборачиваться мне вослед. Это вещь на долгие года. Пусть она первой займёт место в моём новом гардеробе!

— Это дорого, барышня. Почти сто пискалей, — короткие напояженные усики плюгавого торговца, похожего на банкира, задёрнулись в такт его смеха.

Да, порванное платье, потрёпанный вид не вызывали у владельцев Торгового квартала ничего, кроме смеха.

Мол, бродяжка-побирушка с корзиной, в котором лишь несколько пучков трав, да сумкой травницы через плечо явно издевается над занятыми господами.

— Сходите в ночлежку метрессы Блаун, это в квартале для бедняков. Там раздают одежду, а что получше и купить можно. Отсюда выйдете и свернёте налево, а там прямо пять домов и в правый пролёт. Вмиг дойдёте, ножки у вас, вижу крепкие. Впервые в столице?

Торговец был словоохотлив, он смотрел на меня со смесью пренебрежения и жалости. Сам весь такой чистенький, в белых перчатках и с гвоздикой в петличке, конечно, в его глазах я была абсолютно лишней в этой лавке. Только благородных дам своим видом отпугну!

В какой-то мере я понимала и разделяла беспокойство в его глазах. Но у меня был свой план.

В столице я оказалась в час пополудни, и первым делом отправилась к Ванде. Не хотелось, чтобы она подумала, что я сбежала куда или загуляла.

Работа была мне нужна не только из-за денег, хозяйка знала много секретов, и я просто жаждала быть в них посвящённой.

А тут, бес попутал, решила прогуляться до Торгового квартала и аллеи. Всё равно близко, до дома Ванды отсюда рукой подать!

И только сейчас, зайдя в лавку, поняла, что надо было сначала помыться, приодеться да деньги спрятать так, чтобы не нашли. На всякий случай.

А не так, как я: с полным мешком серебра и в абсолютном одиночестве. Опытный глаз сразу подметит, что девица при деньгах, раз цену спрашивает, а то, что оборванка, даже на руку. Никто искать простушку не станет.

Опять же, если не уйду и настою на примерке или покупке, торговец вызовет полицию, а там доказывай, откуда деньги. Либо отберут и пинка дадут, либо дело заведут, мол, украла, должно быть. Поди докажи, что это не так! И слушать не станут.

Значит, надо изобразить дурочку. Надо сказать, хлопнуть глазками и нести чушь всегда удавалось мне с трудом. Нет-нет, да и проглянет на лице саркастическая ухмылка!

Но когда речь пошла о сохранности моего вновь приобретённого богатства, тут уж я расстаралась:

— Ох, господин! Всё-то вы верно поняли. В городе я впервой, шла, думаю, дай зайду. Порядков-то я здешних не знаю, — запричитала я и достала одну из тряпиц, которыми выстилала дно корзины для трав.

Они все пропахли суховеем и луговыми травами, так что удушающе-горький запах теперь долго не выветрится из лавки. Это был мой подарок торговцу за неучтивость.

— Вот и ступай подобру-поздорову! И покупательниц мне не пугай! Сказано, для тебя в ночлежке у Блаун вещи сыщутся!

Торговец начинал терять терпение, и тут я решила окончательно позлить бедолагу и, округлив глаза, спросила шёпотом:

— А правду говорят, что одежду, которую продают в ночлежках, с мертвяков снимают? Ох, упаси бог, это же грех какой!

— Что за глупости! Никто не разрешит их раздевать до прихода полиции!

Торговец старался сохранить хотя бы остатки терпения и достоинства, поэтому аккуратно, но крепко схватил меня за рукав и стал подталкивать к выходу.

— Это вам не деревня какая-то, чтобы умер человек, и никто его не записал куда надо. Здесь без полиции ничего не обходится!

«Ага, — подумала я, — кроме грабежей и насилия в подворотнях».

Плюгавый раскраснелся, пшеничного цвета усы уже стояли торчком, но ему удалось вытолкнуть меня на улицу.

— Вот спасибо! — громко верещала я как можно более противным тоном. — А то у нас гуторят всякое, теперича знать буду и своим напишу, чтоб напраслину на честных людей не возводили!

И добавила тихим голосом:

— А шляпку оставьте, я за ней завтра вернусь. С деньгами.

Повернулась и пошла в сторону дома Ванды. Я не оборачивалась, но чувствовала, что недавний обидчик, раскрыв рот, смотрит мне вслед.

Однако торжество моё продолжалось недолго. Отойдя всего на три дома, уже на границе Торговой аллеи и квартала Вечной Тьмы я почувствовала, что за мной следят.

— Эй, красотка, иди сюда! Познакомимся поближе, — крикнули сзади, и это только заставило меня прибавить шагу.

Я сделала вид, что ко мне окрик не имеет никакого отношения. Мало ли кому там эти молодчики кричат?!

— Да не спеши, всё равно не уйдёшь! — второй голос был значительно грубее.

Я побежала, сетуя в глубине души, что на мне платье, а не штаны, как в отрочестве, когда я помогала в приютской конюшне мыть лошадей, а за это мне позволяли ходить в мальчиковой одежде и лазать по диким яблоням и грушам.

Там бы меня никто не догнал!

— Да стой же, полоумная! Мы ж не просто так, мы и подзаработать тебе дадим!

Раздался громкий смех. Ох, святые лукошки, да их там не меньше трёх!

В следующий миг кто-то ухватил меня за рукав. Я резко дёрнулась, раздался треск ткани, но на краткий миг я получила вожделенную свободу и припустила ещё быстрее.

На краткие семь-десять секунд.

— Да что ломаешься! Будешь смирно себя вести да стараться, так и сверх положенного монет отсыпем!— рассмеялся третий.

Долговязый и худой, как щепка, он схватил меня за обе руки и заломил их за спину так, что не вырвалась.

Двое других в это время шарили по моим карманам, да мимоходом лапали, пока я не зарядила одному коленом в нос. Тот взвыл и уже занёс кулак для удара, а я приготовилась верещать на всю улицу о пожаре, как другой, старший у них, тот самый, с грубым голосом крикнул:

— Стой! Отпусти её немедленно!

— Да что такое?! — долговязый окинул меня хмурым взглядом, но махнул тому, кто меня удерживал. Медленно и с досадой махнул, а потом плюнул мне под ноги. Гад такой!

Оказавшись на свободе, потирая запястья, я прокашлялась и решила возмутиться. Чутьё говорило мне, что то, что они обнаружили в сумке травницы, не позволит меня тронуть. А раз так, нужно попробовать своё имущество вернуть.

— Отдайте мне всё, что взяли!

— Бери, сразу не могла сказать? — и старший, ростом и телосложением напоминающий полувеликана передал мне сумку. И отдельно протянул опал на шнурке.

Раньше камень был восковато-жёлтым, а теперь превратился в ярко-оранжевый, словно раскалился изнутри.

— Только обязательно скажи, что мы всё вернули, — добавил долговязый. Он даже стал меньше ростом, до того втягивал голову в плечи и испуганно озирался.

Растаяли мои преследователи так же быстро, как и появились. Я осталась в переулке одна, и если бы не разорванный рукав, подумала бы, что события последних минут просто-напросто привиделись мне.

Вот и сумка моя целая, и деньги не тронули. Я перевела взгляд на шнурок и камень, болтающийся на нём. Он снова принял меланхолично-восковатый вид. Потрогала на ощупь, да, всё тот же опал.

Камень редкий, дорогой, наверное, даже магический. Я зажала его в руке, но ничего не почувствовала. Уж не настолько я бездарна, чтобы не увидеть магию там, где она есть. Камень был обычным.

Пожав плечами, я спрятала его в сумку, подобрала корзинку, отряхнула от пыли разбросанные пучки трав и поспешила домой. На сегодня с меня приключений более чем достаточно.

Так думала я, пока не предстала под очи хозяйки.

—Иди переоденься, — сказала она, бегло посмотрев на меня. — А корзинку давай сюда. Иначе мы снова всю ночь будем слышать писк комаров!

Я попыталась оправдаться и наскоро рассказать об утренних впечатлениях, но Ванда лишь отмахнулась и нахмурилась. Я ещё не видела её такой смурной, может, от того клиента, который уморить нас хотел, приходили?

— Потом, потом. Жива, и то славно! Иди переоденься, говорю, а потом спускайся и завари нам чай с мятой. И по настойке выпьем. Разговор предстоит долгий.

Я кивнула. Понятно, она хочет знать, где я была и почему пришла в таком виде, будто меня кошки драли. Ладно, раз даёт шанс оправдаться, значит, готова выслушать.

— Пока тебя не было, являлись тут некоторые. Один по мою душу, другой — по твою. Об этом и поговорим, София. И о многом другом. Например, о том, есть ли у тебя тёплые вещи?

Глава 20

— Ты ещё не разочаровалась в ремесле? — спросила меня Ванда, когда переодевшись и умывшись, я спустилась в кухню.

— Нет, что вы! Напротив, — ответила я, стараясь не смотреть в сторону булочек, которые за время моего отсутствия напекла хозяйка.

Они так и остались на противне, накрытые белоснежным полотенцем, но мой голодный живот сразу учуял запах и нагло требовал угоститься хотя бы одной.

Или тремя. Лучше всего съесть пять, но о таком количестве я и не мечтала.

— Вот и хорошо. Готовила раньше средство для того, чтобы грешить, но не понести? У нас заказ, сегодня приходили из заведения миссис Фик. Сделай им отвар и отнеси. Да не бойся, её амбалы проводят тебя обратно, никто не тронет.

— Меня сегодня чуть не ограбили, — вздохнула я, радуясь возможности пересказать события сегодняшнего утра.

Ванда сидела на своём любимом широком табурете и слушала, прикрыв веки. Но я понимала, она не спит и не дремлет, а, наоборот, старательно запоминает каждую деталь, которую услышала.

Её дородное лицо, когда мышцы были расслаблены, а глаза прикрыты, хранило отпечаток той суровой доброты, которая проявляется только в момент нужды.

И которая сначала устроит выволочку, а потом укажет самый действенный способ выхода из ситуации. Ванда не позволит себе причитаний и лицемерных всхлипываний, после которых, утерев слёзы, спокойно пойдёт по своим делам, не вспоминая об оставленном за плечами.

Но и помогала Ванда только единицам, да и не запросто так.

— Чай заварился, — напомнила она, когда я закончила рассказ. — Чашки вон там, в шкафу, возьми, только аккуратно, чистый фарфор.

Я выполнила просьбу хозяйки, понимая, что она сейчас скажет свой вердикт. Не то чтобы я его боялась, но мне было важно остаться в её глазах достойной ремесла травницы и ядосоставительницы девушкой.

— У нас работа подкатила. На Севере. Да не пугайся, ничего сверхсложного, правильным людям надо помочь, я редко выбираюсь в подобные путешествия, да не всем откажешь. И не всем нужно отказывать. Так что завтра-послезавтра в путь двинемся, на неделю, не больше. Здесь Труди поживёт, пока нас нет, за хозяйством поухаживает, я ей доверяю.

Я пила чай и откусывала от булочки, которой меня угостила хозяйка. Откусывала понемногу, чтобы подольше подержать каждый кусок во рту, насладиться вкусом и лишь затем прогладить.

На моей тарелке лежало три, но я старалась не слопать их в один присест.

— А теперь, София, самое главное. По твою душу человек приходил, говорил, что знал твоих родителей.

Ванда замолчала и склонила голову набок, прищурившись, она следила за моей реакцией, а я чуть булочкой не подавилась.

— Моих настоящих родителей? — переспросила я, чтобы быть уверенной: не послышалось.

— Да. Но ты не спеши радоваться, внешность у него магией подправлена. Сильно так искажена, чтобы не узнали. Слышала, что Маги высокого уровня могут так делать?

Я сразу вспомнила серебряную пластину-артефакт, которую утром показал мне Рысь. И кивнула.

Спешить радоваться и впрямь ни к чему, как он меня здесь нашёл? Я только несколько дней, как у Ванды живу, а до этого погода мыкалась по углам, никто не искал.

Но вдруг это правда? Я смогу хотя бы узнать, почему меня оставили на пороге приюта, как не вовремя родившегося котёнка. Хоть не утопили, и то спасибо!

— Так вот, София, этот господин, он врёт. Я такие вещи за версту чую. Хотя и доказательств у меня нет.

Ванда развела руками и снова сложила их на животе, внимательно за мной наблюдая. Сейчас она напоминала мне строгую тётушку, взявшую на себя заботу о круглой сироте и пытавшую научить её умуразуму.

— Вы хотите сказать, что в такой момент самое лучшее для меня исчезнуть? И эта поездка на Север очень кстати?

— Верно, — кивнула хозяйка и, откинув полотенце, накрывающее булочки, дала мне ещё одну. — За сообразительность.

Ох, ну с булочками я вмиг стану самой проницательной во всём Плауполисе!

— А, может...

Я оробела и не закончила мысль, которая вдруг показалась мне весьма здоровой.

— Это пришли по поручению Рыси? Ну, то есть, он мог подослать этого человека? Чтобы, там, на крючке меня этой сказкой держать?

— Нет, очень сомнительно. Зачем ему это? Для крючка у него достаточно рычагов, — покачала головой хозяйка и усмехнулась. — К тому же на Север мы едем вместе с ним.

— С ним? Зачем?

— Значит, помощь наша нужна. А так скоро, что будет тебе повод спросить его об этом лично.

Я сразу залезла в карман и нащупала опал на чёрном шнурке.

Надо бы носить его на шее вместе с часами на цепочке, но мне всё казалось, что если я так поступлю, то стану думать о нём чаще положенного абсолютно посторонней девушке.

А мне это ни к чему. Ещё в приюте, да и здесь в столице я видела, к чему приводят влюблённости молодых дев, если у них за плечами нет приличного приданого и богатых родственников.

Уступив страсти мужчины, они заканчивали либо борделем, либо скатывались до уровня попрошаек и нищенок, готовых вкалывать на тяжёлой работе за копейки.

А кто их замуж возьмёт? Тот, к кому сердце прикипело, уже к этому времени обычно охладевал, другие только нос морщили, значит, быть им жёнами какого-нибудь старого извозчика или вдовца с малыми детьми.

А жить самой, одиночкой, можно только если имеешь в руках крепкое ремесло.

Нет, никаких романтических бредней! Тем более Рысь мне совсем не понравился, я бы и не вспомнила о нём, если бы он сам не стремился попасться мне на глаза.

Так размышляла я, пока освобождала кухонный стол после чаепития для приготовления настойки. Из-за похищения я так и не сделала дубликат ключа от лаборатории на втором этаже, поэтому Ванда в наказание не разрешила мне туда подняться.

Мол, надо всё уметь предусмотреть. И от всего средство иметь.

Тем более от нападения.

Ладно, без серебряного зеркала Рыси я бы и не рискнула зайти в лабораторию. После всего случившегося у меня до сих пор поджилки тряслись, с моей природной неуклюжестью ещё уроню чего!

Ванда сидела в стороне и с интересом поглядывала на мои приготовления.

Настойка против зачатия — этому меня научила ещё травница в приюте. Она всех желающих учила, потому как несвоевременное дитя только свяжет сиротку по рукам и ногам.

Наверное, эта пожилая женщина, неплохо знавшая жизнь за пределами приюта, предполагала, что удел большинства не приличная работа, а бордель.

Да и к гувернантке, если и повезёт кому из нас, хозяин нередко пристаёт. С одной стороны, мерзко, а с другой, попробуй откажи! Вмиг выгонит без рекомендаций, а хозяйке пожалуешься — так та сгноит на кухне или бить станет за каждую провинность.

Словом, навык нужный почти каждой. Даже если ты удачно вышла замуж.

— Итак, говори, какие травы нужны? Я достану, — усмехнулась Ванда. Она смотрела так, будто была уверена в моей

некомпетентности.

— Плаун и семена пышной гвоздики, — ответила я, ожидая поразить хозяйку своими знаниями.

Но та лишь хитро улыбнулась:

— Так и думала. Ну, давай, готовь.

Ванда проворно прошла к шкафу, несмотря на пышное телосложение, не задев ни края стола, ни табуретки, не натолкнувшись на подоконник. Как она так легко и плавно двигалась, для меня оставалось не меньшей загадкой, чем секреты её ремесла!

Но сейчас надо было сосредоточиться на приготовлении настойки. Я аккуратно и тщательно, используя каменный пестик, растолкла к чашке сухую траву плауна и семена гвоздики.

Когда всё было сделано, отмерила на крошечных кухонных весах, ловко пользуясь гирьками (я, как и положено, брала их пинцетом), двадцать грамм первого и пятнадцать -- второго сырья.

Теперь, когда с развесом было покончено, дело пошло бойчее. Уж накосячить с обмером трёх стаканов воды я не могла!

Поставила на плитку, которая зажигалась от магической лучины. Так гораздо быстрее, чем на открытом огне. Засекла пять минут и выключила.

— Надо час настоять, — сказала я вслух, помешивая отвар деревянной ложкой.

— Хорошо. Потом разольёшь в эти две литровые бутылки и можно относить. Денег они тебе дадут, не беспокойся и ничему не удивляйся.

— А как я найду заведение мадам Фик? — спросила я, чем заставила хозяйку рассмеяться.

— Ступай через Торговую аллею, а там по мосту через реку и на левый берег в Новый Квартал. Салон мадам Фик стоит на площади с большим фонтаном, три этажа в здании и большая вывеска «Салун».

— Разве бордели разрешено ставить на площадях?

— Ну, завсегда и заведения мадам Фик тоже люди непростые. И девочки у неё не какие-то там сифилитички из Квартала призерия.

Больше за весь час я из хозяйки и слова не вытянула. Она отправилась в сад пропалывать сорняки, а на моё предложение помочь физически или подсобить в магическом истреблении наглых растений, заслоняющих приличные культурные травы, лишь махнула рукой.

— Побереги магический объём для действительно важных дел, да и физический труд мне не повредит, а то пухну, как тесто в тепле. Всеми виной эти булочки, но люблю я их, страсть как!

Я отправилась наверх, чтобы взять косынку с хозяйственными перчатками и корзину для бутылок со снадобьем.

Первое мне пригодится, когда приду на место, хоть хозяйка и уверяла, что бордель мадам Фик фору любому кабаку даст и почище некоторых гостиниц будет, но рисковать я не собиралась.

Мало ли какой заразы нахвататься от падших девиц? Конечно, я некоторое время даже жила с одной из таких, но Ладу я знала хорошо, она девушка почти порядочная и чистая.

После клиентов самолично всё отмывала с щёлочью, а вот за остальных девушек я бы и не поручилась. На целителя у меня лишних денег нет, да и страху натерпиться, а взамен никакого прибитка.

Спустя указанное время я процедила настойку, не пролив ни капли, через три слоя марли и разлила по бутылкам. То ли артефакт Рыси так на меня подействовал, то ли я стала ловчее сама по себе, но бывшая неуклюжесть немного отступила.

Закончив приготовления, я сложила бутылки из тёмного стекла на дно корзины, положила между ними тряпицу, чтобы не стучали и не разбились, накрыла всё полотенцем и отправилась в путь.

При себе у меня было приличное количество денег, я всё-таки решила купить ту шляпку из магазина, тем более что завтра-послезавтра мы уезжаем на Север.

Там и зимой, говорят, как у нас осенью, сыро и холодно, но города богатые, вот и прогульнусь как-нибудь вечерком по городской площади!

С опалом Рыси мне никакие разбойники не страшны, а шляпку, пока я прикидывать и думать стану, купить могут!

И всё же я медленно шла по улице, оглядываясь и побаиваясь, что снова столкнусь с разбойниками, специально выбирала оживлённые дороги, примыкающие к Главному тракту, идущему через весь Плауполис.

Но на улицах было многолюдно, народ спокойно шёл по своим делам, не обращая на меня никакого внимания.

Расслабилась я только когда миновала большой каменный мост и оказалась на другой стороне города.

Новый квартал считался местом жительства богачей, не имевших за душой ни герба, даже самого захудалого, ни родственников, способных похвастаться славной фамилией или древностью рода.

И развлекались здесь тоже с размахом, соря золотыми монетами и не скупясь на выпивку, карты и девочек. Но дебоширов здесь почти не было видно, они все оставались за закрытыми дверями заведений, подобных салуну мадам Фик, так что на улицах можно спокойно гулять с кружевным зонтиком на плече и чинно раскланиваться с добрыми соседями.

Ванда оказалась права, вывеску «Салун» я увидела сразу, как только вышла на площадь с фонтаном. Каменная большая рыбина выплёвывала струю воды прямо по направлению к входу в это заведение, должно быть, неслучайно, как бы намекая, что здесь можно и глотку промочить, и получить иные удовольствия плоти.

С мужчинами у меня ранее были довольно странные отношения. Я любила пообщаться, даже пококетничать, если на то есть резон и предполагается польза, но вот всерьёз иметь с ними дело побаивалась.

В приюте для девочек до определённого возраста с противоположным полом и не встречаешься, а потом услышишь столько мрачных историй о грехопадениях бедных девиц, что и близко их к себе не захочешь подпускать!

Как только вспомню сальные взгляды богатых господ-благотворителей, которыми они скользили по девицам шестнадцати лет, выбирая себе подопечную, чтобы после выпуска из приюта, когда она достигнет возраста «некуда идти», благородно предложить ей оплатить меблированные комнаты, так хочется плюнуть или вылить на мерзавцев настойку зелёной вириanei из моего сундучка.

Чтобы неделю не отмылись, и всякий видел: похабник это и сластолюбец!

— Что угодно, милая? Работу ищешь? — спросила с заботливой улыбкой женщина средних лет в скромном тёмном платье.

Даже в жару оно имело рукава, скрывающие запястья и стоячий белый воротничок, закрывающий выемку между ключицами.

Я не заметила как. надев косынку и перчатки, вошла в пустующее в данный час заведение и в раздумье остановилась возле стойки, напоминающей подобную в гостинице.

— Простите, я ищу мадам Фик.

— Это я, пойдём, милая, в кабинет, не стесняйся, здесь тебя не обидят, — дама аккуратно взяла меня под локоть и подтолкнула к лестнице.

Я было хотела сказать, что она ошиблась, но потом подумала, что будет не очень хорошо, если я начну выкладывать свой товар прямо на стойку.

Деликатность в моём ремесле имело немаловажное значение, а моё природное любопытство вопило, что другого такого удобного случая поглядеть на настоящий бордель изнутри может долго не представиться.

На втором этаже мадам Фик свернула направо, я пошла за ней по коридору мимо закрытых дверей комнат. В основном было тихо, время такое, что посетители ещё не пришли, а девушки отдыхают.

Но вдруг прямо перед моим носом распахнулась одна, и оттуда со смехом и с открытой бутылкой игристого вина в обнимку вышли двое.

Девушку я узнала сразу. Это была Лада, она поправилась, похорошела и выглядела свежее майской розы.

— София! — воскликнула она и хихикнула, прикрыв рот ладонью. От обоих разило спиртным и дешёвыми духами.

А потом я перевела взгляд на мужчину и отшатнулась. Будто меня ударили.

Глава 21

— Что смотришь, крошка? Присоединяйся к нам, моя подруга не против, — захохотал мужчина, открыв рот так широко, что я увидела отсутствие левого клыка.

— Нет, спасибо, — пробормотала я, опустив голову. — Мне надо к мадам.

— Можно зайти и позже, — тут же снисходительно заметила хозяйка борделя, но, поймав мой взгляд свирепой лани, кивнула, чтобы я следовала за ней.

— Я найду тебя, — крикнула мне вслед Лада, а мужчина, закрывший ей рот поцелуем, видя, что я всё-таки оглянулась, со смехом добавил:

— Мы оба тебя найдём.

Этого я и опасалась.

— Что, старые знакомые? — мадам Фик оказалась проницательной особой и поняла всё по выражению моего лица. Даже

в полутьме коридора, когда газовые светильники были прикручены ровно настолько, насколько этого хватало, чтобы не упасть и не столкнуться со стеной.

И всё же салун производил впечатление заведения, всеми силами старающегося походить на приличные гостиницы и дома. Стены, выкрашенные в пастельные тона, деревянные декоративные панели, пол, устланный мягкими коврами, ступая по которым не производишь никакого шума — всё говорило о желании сделать пребывание гостей здесь удобным для всех.

Шур-шур-шур. Я сначала не поняла, откуда идёт этот звук, лишь когда мадам Фик остановилась у лакированной двери из красного дерева, догадалась, в чём же дело.

Так шуршала её нижняя юбка, должно быть, она была сшита из дорогого атласа на хлопковой основе. Я такие видела только в витринах магазинов в Торговой аллее — наиболее элитной части одноимённого квартала.

— Входите, милая, присаживайтесь. Вас зовут София, верно? Но вы можете выбрать себе любое другое имя, и о вашем настоящем никто не вспомнит, — говорила мадам Фик так, будто собиралась делать из меня как минимум приму Королевского театра, а не обычную девочку для утех.

Мне даже не хотелось её разуверять, появилась мысль подольше послушать об условиях работы. Конечно, не потому что я всерьёз решила променять своё ремесло на то, что предлагала мне она, но исключительно, чтобы быть в курсе.

Недолгий опыт проживания в столице и необходимость самой о себе заботиться, не попав при этом в передрагу, научили меня тому, что нет бесполезных знаний.

Когда-нибудь всё пригодится. Так или иначе.

Возможно, однажды даже спасёт жизнь. Мне или тому, кто рядом.

Хозяйка салуна присела в кресло за дубовым столом и вынула из первого ящика футляр, в котором хранила тонкую сигариллу. Ещё одно новомодное развлечение для богатых. Похоже мадам всеми силами пыталась вести образ жизни, не положенный ей по праву рождения.

Симпатизирую я таким людям, способным бросить вызов общественным установкам и самой себе. Вряд ли мадам — сильный маг, иначе бы занималась чем-нибудь иным.

— Так что молчишь? Расскажи о себе, даже если соврёшь, всё равно интересную историю послушать не грех, — мадам улыбалась так загадочно, что я чуть было не принялась играть в «бедную сиротку».

Этот образ я надевала всякий раз, когда имела дела с сердобольными гражданами. Мадам Фик, несмотря на хищный взгляд тёмных глаз, была именно такой. Доброй и жалостливой, пока дело не касалось денег.

Но я оставила эту мысль. Некогда, да и странная встреча в коридоре непонятно почему, но сильно тревожила, будто будила магию, призванную защищать своего владельца. Хотя причин для этого внешне не было.

Ну, увидела косоного на один глаз приближённого Рыси, и что?! Он меня даже не узнал, явно зашёл сюда не с целью шпионить. Только почему меня эта встреча так встревожила, ума не приложу?

— Ты не стесняйся, — тем временем пела мадам Фик, спокойно наблюдая за моей молчаливой физиономией. — Если что не понимаешь, так не страшно, у меня тут не пансионат, зато девочки все добрые. Склок внутри нашего коллектива я не терплю, как бы хорошо не работала такая, она выйдет вон и больше не вернётся.

Я кивнула. Мол, правильно. Разумное решение.

— Прошу прощения, мадам, но я здесь не за этим, — твёрдо сказала я, чтобы пресечь недопонимание.

Это постоянный клиент Ванды, а таких надо любить и привечать. Не сердить. Ещё подумает, что я над ней издевалась!

— А зачем ты пришла? — тон мадам изменился с приторно-ласкового на сухо-деловой.

И взгляд стал такой цепкий. Колючий.

— Я помощница Ванды, принесла настойку для ваших девушек.

Не обращая внимание на суровое молчание той стороны, я откинула крышку корзинки и, осторожно извлекая бутылки, ставила их на стол.

Больше было некуда. Ну не на пол же их ставить! Старания Ванды, равно как и мои, этого не заслуживали.

— Что это? — последовал краткий вопрос. Если бы кто посторонний зашёл сюда сейчас, он ни за что не поверил бы, что

мадам сама заказывала эту настойку. И платила за неё звонким золотом.

— Защита от наступления бремени. По две столовые ложки принимать утром, днём и вечером. До еды за полчаса. Каждый день без перерыва даже на кровавые дни.

Я говорила как целитель, но дело своё знала, хотя им и не являлась.

— Ванда сказала передать вам, чтобы вы не просили больше любовных зелий. Это вне её сил.

Вероятно, эта фраза была своего рода паролем, чтобы мадам Фик не беспокоилась, что я шпионка или шарлатанка. Судя по её действию: мадам расслабилась и улыбнулась, я угадала.

— Скажи, а лечить ты умеешь? Моим девочкам время от времени требуется помощь, сама понимаешь, даже среди благородных господ много мрази и нечистоплотных особ.

— Увы, нет, мадам. Я по травам.

— И по отравам? — засмеялась та, но тут же добавила: — Не обижайся, София. Я ведь могу называть тебя так? Это не делает тебе стыда, напротив. Некоторые стоят того, чтобы быть отравленными.

— Жаль, что, изготавливая яд, я не могу знать, к кому точно он попадёт, — печально ответила я.

— Так и кузнец не знает, кого поразит выкованный им меч. И мои девочки не могут сказать, кому причинят боль тем, что ублажают неверного мужа. Нельзя быть за всё в ответе. Праведники живут недолго и крайне бедно.

Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться с доводами мадам. А ещё я убедилась, что она умна, неболтлива и, вообще, дама, приятная во всех отношениях.

Из тех, кто выполняет обещания.

И я всё-таки отправилась в Торговый квартал за шляпкой. С двумя амбалами за спиной. Теперь-то уж хозяин лавки не сможет так просто мне отказать!

Но снова всё оказалось не так просто, как я рассчитывала.

Глава 22

— Мне пришлось её продать, — плюгавый стоял за прилавком, то и дело бросая взгляд на амбалов, державшихся поближе к выходу. На всякий случай и, чтобы не мешать мне торговаться.

Но делали это широкоплечие парни, способные кулаком прибить быка, ударив ему между глаз, с таким видом, будто твёрдо решили не выпускать торговца живым без моего на то позволения.

А я начинала терять терпение. Плюгавый врал, его пороссячьи глазки подозрительно бегали из стороны в сторону, угол рта подёргивался, а сам торговец то и дело вытирал пот со лба сильно надушенным платком, от цветочного запаха которого хотелось чихать и скорее оказаться на свежем воздухе.

Разумеется, после того как я выясню, куда он дел мою шляпку.

— Я ведь предупреждала, что вернусь за ней сегодня.

Взметнувшаяся вверх бровь и пристальный взгляд всегда оказывали на собеседника магическое действие: тот понимал, что я не шучу. А теперь у меня ещё и вопросы по поводу бандитов, подозрительно скоро напавшим на меня после посещения его лавки, оставались.

— И вы знаете, что после того, как я от вас ушла, меня пытались ограбить. И покусятся на мою девичью честь.

— Да вы что! — пробормотал плюгавый и отчего-то открыл и сразу захлопнул хозяйственную книгу, в которую обычно вписывают продажи и прибывший товар. — У нас такой приличный район, но, конечно, швали везде хватает.

— И вы совсем к этому непричастны?

Мой елейный тон и снова взметнувшаяся вверх правая бровь должны были окончательно убедить торговца, что его оправдания кажутся мне попыткой уйти от ответа.

— Нет, как вы могли такое подумать?!

Он возмутился слишком спокойно, словно только и ждал, пока я брошу в лицо обвинение. Готовился, леший полулысый!

Магией, которая бы могла выбить из него правду, я не обладала, зато сообразительностью вполне. И небольшим житейским опытом.

Плюгавый не из тех, кто врёт, как дышит, он и сам не рад, что попал в такую ситуацию. Надавить, пригрозить, блефануть, — и он всё расскажет.

— Впрочем, это неважно, — бросила я и повернулась вполоборота к своим мордоворотам. — Я сейчас позову их, и ты всё это повторишь. Правда, боюсь, они не будут столь терпеливы, как я.

И в доказательство своих слов я помахала амбалам в знак того, что всё в порядке.

— Госпожа, — залепетал торговец, побледнев пуще прежнего. — Мне проблемы не нужны, но поверьте, я не имею отношения к этим... отбросам. Но это правда, что они пасут честных граждан, только куда полиция смотрит! Видно, не так просто с ними справиться. На экипажи они, конечно, не нападают, а вот вас сразу заприметили. Тот, кто заходит в лавки, всегда при деньгах. Говорю же, лёгкая вы для них добыча, уж простите, госпожа.

В конце речи плюгавый совсем расстарался и начал откровенно льстить, назвав вчерашнюю побирušку «госпожой» аж несколько раз подряд.

И улыбался так неприятно, жалобно, глаза прятал. Словом, я так и думала: разбойники эти здесь часто пасутся, следят, кто заходит в лавки, а время такое было, обеденное, когда посетителей почти нет. И тут я нарисовалась!

Можно было бы наказать торговца, только сомневаюсь, что амбалы зашли бы так далеко, чтобы исполнять мои приказы. Да и, если подумать, этот человек такая же жертва обстоятельств, как и я.

Кровожадность не была мне присуща, к счастью, я предпочитала решать вопросы миром. Жизнь и так жестока к обычным людям, тем, кто не родился с золотой ложкой во рту, незачем нам самим превращаться в свору собак.

— А кто купил шляпку? — напоследок поинтересовалась я.

Торчать здесь и дальше — только время терять.

— Так это, пришли люди, которые нас тут ведут, и купили. Я не мог отказать, госпожа. Сами понимаете, не всем откажешь, — развёл руками торговец и снова промокнул лоб платком.

На этот раз глаз он не прятал, а смотрел, как на равную. Мол, ну как в толк не возьмёшь, что продал не по своей воле!

Понятно, её забрали те, кто обеспечивает защиту магазина от разных бандитов и полиции. Чтобы и те и другие не слишком нагтели.

Тут уж, прав плюгавый, и лавку отдашь, лишь бы такие люди отстали. Ссориться с ними равносильно добровольному отъезду из столицы.

Я вздохнула, потолкалась ещё немного, но так и не подобрала ничего стоящего, несмотря на заверения торговца в большой скидке.

Ладно, не судьба.

Иногда возможности просто уходят, и надо иметь мужество их отпускать. И мудрость, чтобы никогда о них не сожалеть.

До дома я добралась без проволочек и приключений. Ещё бы, с таким-то сопровождением!

Поблагодарив охранников, я сердечно распрощалась с ними, подарив каждому по серебряной монете. Невиданная щедрость, если посудить, но я всегда считала, что с легко прибывших денег надо часть отдать так же легко. Добро должно ходить по кругу, так нас учили в приюте, и так обычно никто не поступал.

Но я ведь не все, я-то особенная! Так мне нравилось думать, это осознание помогало мне идти вперёд, веря в удачный исход любого дела.

— О, вернулась! — улыбнулась Ванда, порозовевшая после купания. Её голова была обёрнута полотенцем, а глаза сияли удовольствием, как у лисы, полакомившейся зайчиной.

Обычно мы мылись в большом тазу или в бочке, но Ванда имела собственную ванную на красивых ножках, имитирующих лапы невиданного зверя. Правда, размеры ванной были такими, что там можно только сидеть, согнув ноги в коленях, но и это уже для меня было невиданной роскошью, о которой я только в книгах читала.

Ванда, как добрая хозяйка, позволяла мне пользоваться этой роскошью раз в неделю. При условии примерного поведения и надлежащего исполнения обязанностей.

— А для тебя снова сюрприз. Я уже ничему не удивляюсь! Быстро ты поклонниками обзавелась. Смотри, никто просто так и крошки не подаст, — и снова хозяйка посмотрела на меня так, будто в душе читала.

Разговор у нас состоялся на втором этаже в её покоях, больше похожих на будуар знатной дамы, как я его себе представляла. Ванда не любила жить напоказ, и тягу к роскоши реализовала через быт. Хорошая мебель, добротные ткани, дорогой ковёр в гостиной — и всё это там, где не бывало посторонних завистливых глаз.

— Я не просила никого ни о каких подарках, — спокойно ответила я, выдержав её взгляд.

— Вот и не проси. А дарят, сначала откажись, чтобы никто не думал, что уже купил тебя за полушку серебра.

Ванда спокойно сушила полотенцем волосы и принялась расчёсывать их редким гребнем с костяной ручкой. Она, оставшаяся в нательной рубашке, совсем не стеснялась меня и в зеркале смотрела лишь на своё отражение.

Верный знак — пора уходить. Но мне позарез нужно было вывести у неё ещё кое-что.

Глава 23

— Ну, что мнёшься? Спрашивай, коли охота напала! — усмехнулась Ванда в зеркале.

— Скажите, а любовные зелья вы тоже продаёте?

Я спросила и тут же от напряжения облизала верхнюю губу и замерла, обратившись вслух. В приюте много говорили о любовных зельях.

Мне и применять их было не на ком, если уж на то пошло, но знать такое означало путь к богатству и обретению покровительства.

Говорили, да и писали в тонких брошюрках, которые я покупала на сэкономленные деньги у старьёвщиков, что любовные зелья крайне нестойки и действия оказывают, если выпить их сразу после изготовления. Или в течение суток.

И не любовь они вызывают, а на целый лунный месяц болезненную привязанность той особы, на которую направлены.

Для этого, мол, требовались волосы объекта страсти, у которого планировалось вызвать любовь, мандрагора и «секретный ингредиент». Какой точно, нигде не уточнялось. Тайна за семью печатями, значит.

И уж если кто и был посвящён в неё, так это Ванда Отравительница!

— Продаю, — хмыкнула она и, повернувшись ко мне, добавила: — Для дур богатых. Но ведь ты, кажется, не такая?

Намёк был понят. Я покраснела и пробормотала извинения.

Большая девочка верит в сказки, конечно, никакой любовной магии не существует, потому что нельзя зажечь чувство на пустом месте. И даже если не на пустом, всё равно, нельзя, потому что это потребует постоянного истощения магического объёма, а кто на такое пойдёт?!

В могилу ляжешь раньше времени, примерно через год-другой, и это если ты сильный маг.

Словом, занятие бесполезное и глупое. Даже оморочка — состояние оглушённости жертвы не длилось дольше суток, а для этого требуются редкие в наших краях травы. И дорогие.

— Я поняла, хозяйка. Простите за наивность.

Ванда хмыкнула и только махнула рукой.

— Не забудь, что с утра мы идём в лес за травами. А пока проверь тёплую одежду для поездки и сходи подкупи себе что-нибудь. И ботинки кожаные возьми. Кто знает, сколько ходить придётся.

Я кивала и слушала, загибая за спиной пальцы: не забыть это и то, и, конечно, вон то. Память у меня цепкая, но никак не введу в привычку носить бумагу и грифельный огрызок, чтобы быстро черкнуть пару строк.

«Самый тупой грифель острее самой острой памяти», — любила говорить мисса преподавательница по чистописанию.

Та самая, которая не стеснялась при случае и по пальцам указкой ударить, потому что девушка должна писать красиво, будто перо порхает само собой, складываясь в затейливую вязь букв, похожих на тончайшее кружево.

С этими мыслями я и вернулась к себе, чтобы посмотреть на подарок незнакомца и перетряхнуть гардероб. Этот подарок после намёков Ванды вызывал больше тревоги, чем радости, хотя я пока его и не видела.

А когда вошла в свою комнату, первым делом оглянулась по сторонам. На кровати лежала круглая шляпная коробка с вензелем того самого магазина, в котором я побывала несколько часов назад.

У меня даже ладони вспотели, а во рту пересохло. Нет, таких совпадений не бывает! Это просто невероятно.

Ущипнув себя для верности и убедившись, что не сплю, я мелким шагом подошла ближе. Коробка светлого цвета всё ещё лежала там, где я её заметила. Даже когда я закрыла глаза и медленно досчитала до десяти, она не исчезла.

Настала пора взять её в руки. Каков бы ни был мой магический объём, а если внутри скрыта Сила, я её почувствую.

Но нет, всё оказалось прозаичнее. Решившись наконец открыть коробку, я обнаружила в ней ту самую шляпку, о которой мечтала с той минуты, как только увидела в витрине магазина.

Примерив и вдоволь покрутившись у зеркала, я только тогда заглянула на дно шляпной коробки. Не то чтобы я была падка на блестящее и красивое, как та сорока из сказки, но в детстве и отрочестве я мало видела красивой одежды, а если и видела, то не носила.

Шляпки для меня означали другой уровень жизни. Пропуск в мир, где всегда в достатке горячая вода, есть собственная ванная и прислуга, где не надо выносить ночной горшок на улицу и сливать в вонючую яму прямо перед своим окном.

Но пока я этого всего не достигла, пока не могу приобрести собственный дом и экипаж с четвёркой белогривых коней, надо не забывать и об осторожности.

Я торопливо развернула вчетверо сложенный листок, похожий на те, что используют для хозяйственных записей, и прочитала единственную строчку, написанную знакомым почерком: «Я знаю, тебе она понравилась».

И больше ничего.

Я достала опал на шнурке, который по-прежнему носила в кармане, и посмотрела на камень. Никакого свечения или иных знаков. «Этот камень скажет вам о том, когда я захочу вас видеть вновь», — вспомнилось мне фраза из первой записки.

Ну и хорошо, что Рысь пока не желает встречи. Ванда права, начнёшь принимать подарки, потом уже не сможешь отказаться от их оплаты. А я хорошо помнила, чем заканчивали девицы, уступившие мужчине без брака.

В лучшем случае борделем мадам Фик. В худшем — их тела находили в реке.

Решившись и собрав волю в кулак, я упаковала шляпку обратно, закрыла коробку, наскоро повязав атласную ленту бантиком. Вышло, разумеется, не так элегантно, как было изначально, зато Рысь всё равно поймёт, что меня так просто не купишь.

Отдам ему при случае, например, во время поездки на Север.

Кстати, пора бы о ней задуматься. Стараясь не жалеть о шляпке, я сосредоточилась на содержимом своего сундука. Надо бы для начала заменить саквояж, где я хранила походные зелья на случай непредвиденных осложнений.

Из тёплой осенней одежды у меня только ботиночки, но уже изрядно прохудившееся, путешествие, даже небольшое, явно не выдержат. Ванда как в воду глядела!

Дорожный плащ мышиноного цвета ещё сгодится. Он страшный, достался мне от подруги из приюта, но зато грел так хорошо, будто был оторочен мехом. И всего лишь одна заплатка, да и та внизу, сильно не видно.

Прошерстив весь гардероб, я отложила ещё два утеплённых платья простого, но крайне удобного и не стесняющего движения покроя. Одно из них было моим любимым — насыщенного синего цвета с поясом на бёдрах.

Второе тоже вполне ничего. Тёмно-серое, немаркое, износостойкое. Я в нём почти год отходила, и нигде ни дырочки, ни затяжки.

Разложив свои вещи на постели, я крепко задумалась. С одной стороны, тратить деньги мне не хотелось, кто знает, когда удастся заработать новые. Ванда обещала платить раз в месяц по семьдесят пять серебряных, но до этого надо ещё дожить.

С другой, ехать на Север королевства без приличного запаса одежды — крайне самонадеянно. Да, сейчас начало лета, но кто знает, сколько мы там пробудем. Ванда была уверена, что не больше недели, только верно ли это? Да и лето Севера отличается от здешнего.

Мы отправимся в Непроторенный лес, полный чудес. Говорят, что в его чаще до сих пор живёт нечисть, оставшаяся там с незапамятных времён.

Диковинные монстры, ранее населявшие эти места, обосновались в чаще и чувствуют себя там довольно вольготно.

По сравнению с тем лесом наш кажется ясеновой рощей для прогулок.

Интересно, и что это Рыси понадобилось в том лесу? Раз он берёт Ванду, значит, речь о травах или редких кореньях. И снадобье. Наверное, о яде, не иначе.

Только зачем он едет сам? Хочет проконтролировать мою хозяйку, чтобы ничего не перепутала и никого не обманула? Нет, здесь явно что-то иное.

Дальше мысль зашла в тупик. Слишком мало я знала, чтобы строить верные догадки. Ладно, на месте разберусь.

А пока отправлюсь за покупкой тёплых вещей. Где-то неподалёку я видела приличный магазинчик дамского белья. С него и начну.

Правда, поговаривают, что там отовариваются девочки из заведений, подобных салуну мадам Фик, но это даже хорошо. Кто лучше проституток знает толк в прочном и тёплом нижнем бельё?!

Глава 24

— Барышня, посмотрите ещё вот на эти панталоны. Тёплые, кружевные, с лиловой шнуровкой. Вам любая госпожа позавидует! — расплылась передо мной белокурая девица моих лет.

Мелкие кудряшки были собраны в высокую причёску, какие носят благородные дамы в возрасте или те, кто хотят на них походить. Голос у продавщицы был грубоватым и не соответствовал её ангельской внешности.

Но спустя пару минут общения я об этом и думать забыла. Девица с именем Лорнет так увлечённо рассказывала о товаре, что мне захотелось купить всё и сразу.

Будучи по натуре человеком недоверчивым, я прищурилась и прислушалась к внутренним ощущениям: уж не Маг ли передо мной.

Они могут внушать подобное. Но нет, магический объём, как мы его называли, или попусту, внутренний компас магии, был непоколебимо спокоен.

Девушка была такой же, как и я. Недомаг с сомнительными способностями. Зато прирождённая торговка.

— Я возьму вот эти, и ещё корсет. Красный.

Зачем мне корсет, я бы не смогла ответить даже себе в тиши спальни. Красоваться на Севере в нём холодно, в доме Ванды он и вовсе только движения стесняет. Но у меня никогда не было такой роскоши, а если и не будет дальше, то и случая надеть его не представится.

Успокоив свою совесть, я купила всё задуманное, веля упаковать и прислать по указанному адресу. Продавщица, тщетно скрывая довольную улыбку, кивнула и сказала, что всё сделает, и что покупки будут у меня уже к вечеру.

— Обратите внимание, что корсет расстёгивается как спереди, так и сзади, — произнесла она напоследок, чем чуть не заставила меня

покраснеть.

Я для себя его беру, а не для убления эстетических вкусов какого-нибудь мужлана. Неважно какого. Любого.

Так как в магазине дамского белья я потеряла достаточно времени, то решила по-быстрому пройтись по лавкам верхней одежды. Наученная горьким опытом, в этот раз я взяла денег впритык на одежду и не стала заходить в лавки для богачей. Могу, конечно, себе позволить какую-нибудь муфточку из лисы, но зачем мне она?

До зимы ещё времени много, в поездке она будет мне пока без надобности, а деньги не вернёшь.

«Никогда не покупайте то, что не требуется вам в данный момент», — вспоминались мне слова экономки приюта, она же учила нас вести амбарные и хозяйственные книги.

Все её советы касались экономии и подходили для тех, у кого из всех денег — пара медных монет. Наверное, все, кроме меня, понимали, что девушкам-выпускницам звёзд с неба не хватать. Если уж благодетелем с юности не обзавелась, то потом и не мечтай!

Вот я и не мечтала о мужчине. Зато о светло-зелёном дорожном плаще — это, да. Пусть будет, надену при случае. И тёплый, и красивый, и новый! И не слишком дорогой.

Покончив с покупками тёплых вещей, я решила зайти в лавку к старьёвщику.

«Сумасшедший Серж» — так он себя называл — продавал старинные книги. Некоторые страницы его брошюр были нещадно вырваны, иные поистёрлись, да и драл он за них втридорога, зато у него можно было найти то, чего больше нет нигде не только в Плауполисе, но и во всём королевстве.

Словом, я пару раз была у него в полутёмной лавке, находящейся в тупичке Торгового квартала, куда просто так не попадёшь, и была очарована его древними сокровищами.

Слышала, что раньше лавка и вовсе ютилась на рынке, где обитают старьёвщики, но так ли это, и если да, то как ему удалось снять пусть и не самое выгодное, но место в Торговом квартале, остаётся загадкой.

Как и то, почему в его магазинчике старинных книг и редких изданий всегда царит полутьма. Свет от магических шаров падал только на два места во всей лавке: рабочее место-витрина и в дальнем

углу, где стоял стол для посетителей, чтобы они могли как следует ознакомиться с тем, что собираются купить.

— Берите лампу и идите вдоль стеллажей! — крикнул Серж, стоило мне войти. Колокольчик над дверью сердито и громко возвестил о моём приходе.

Серж был стар, еле передвигался на опухших коленях и слеп на один глаз. Но слух и нюх имел охотничий.

— Спасибо! — отозвалась я на всякий случай и сделала, как было велено.

Масляная лампа горела так тускло, что едва ли давала света больше, чем газовый светильник на потолке. Но хозяин лавки терпеть не мог, когда что-то идёт не по его плану, а когда он сердился, то вспоминал солдатское прошлое и ругался так, что уши закладывало.

— Что-то особое ищете, барышня? — спросил он тем временем, ковыляя за мной следом.

— Да, мне бы купить «Искусство составления особых настоев» Николая Армена. И «Опасные травы». Не помню автора.

— Эти книги почти не продаются, — прошепелявил книжный червь позади меня. Серж вызывал у меня гадливое и одновременно опасливое чувство, хотелось держаться от него подальше или попусту бежать куда глаза глядят.

— Я видела их у вас.

— Вы ошиблись.

Пришлось обернуться и поднять лампу над головой, чтобы лучше видеть хозяина мёртвого книжного царства.

Книги, находящиеся здесь, могли заинтересовать либо коллекционера, либо того, кто интересуется специфическими, тайными знаниями.

Например, ядами.

— А если так?

Свободной рукой я порылась в сумке и, нащупав монету, спрятанную в специальном кармашке, протянула её старьёвщику. Тот повертел её в руках, ощупав с двух сторон и не глядя, спрятал в кармане сюртука. Слишком большого, приличного и нового, чтобы принадлежать Сержу.

Все, кто слышал про него, знали, он любитель занашивать одежду до дыр, но никогда не позволял себе ходить неопрятным, заштопывая каждую дырочку собственноручно. Говорили, что и зрение для этого ему не нужно.

Рабочий инструмент «сумасшедшего Сержа» — пальцы, уши и нос. Мимо него, мол, даже мышь не проскочит.

— Что-то названия книг больно знакомы? Никак не вспомню, где я их слышал. Досада, память уже не та!

И Серж, этот тщедушный с виду человек распрямился и сделался выше меня почти на полголовы. И узкие плечи его, и впалая грудь — всё куда-то подевалось, передо мной стоял не великан и не богатырь, но крепкий человек неопределённого возраста. Ему могло быть сорок лет или шестьдесят.

— Может, это поможет вспомнить подробности? — я протянула ему другую монету.

Несмотря на страх, обуявший меня, я была готова к этому представлению. В нашем королевстве сильных Магов не так уж много.

В основном это осколки древних фамилий, остальные же обладают малыми силами. Кто, как я, к травам тянется, слышит их, чувствует, иные, как Серж, иллюзии создают.

Мага, настоящего, как Рысь и его соратники, не обманешь, а на меня и прочих действует.

— Так что, любезный? Вспомнили? — спросила я чуть погодя, когда и вторая серебряная монета исчезла в кармане чёрного сюртука книгодержателя.

Он уже принял прежний облик и подслеповато щурился единственным глазом на свет лампы. Я тут же опустила её.

— Или туда, в самый конец. И слушай, — Серж поднял узловатый указательный палец вверх. — Они все говорят со мной. И с тобой заговорят. Те книги, которые тебя хотят. Только не ошибись, а то, знаешь, некоторые из них очень прожорливы. Душу высосут и не подавятся. Я тогда ничего не смогу сделать. Иди с Богом!

И он картинно развёл руками. Постоял немного, загоразживая путь к выходу, а когда я отправилась туда, куда мне было велено, оглядываясь на всякий случай, чтобы убедиться, что иного пути нет, он отвернулся и медленно побрёл к витрине.

Глава 25

— Женщине нельзя читать что-либо тяжелее весёлой истории, — любила повторять мисса библиотекаря в детском приюте, в котором я провела большую часть жизни.

Здесь жили только женщины, этокое «бабье королевство», не гнушавшееся впускать в свои стены мужчин. Обычно это были богатые покровители или господа, вынужденные отдать внебрачную дочь в сие заведение, которое должно подготовить и направить неокрепший ум к пониманию той роли, которую девице предстояло сыграть.

То есть либо ненадолго стать чей-то усладой, либо отдать себя для служения обществу. Стать покорной, радоваться, что не замёрзла на улице, что не оказалась среди тех, кого выкинули в канаву при рождении.

В королевстве за убийство, даже едва рождённого, следовало одно наказание — смерть, и всё же в газетах регулярно писали о замёрзших малютках.

Не все матери, даже с магическими способностями, могли прокормить уйму ртов. А зелье против бремени стоило дорого, и если ты не зарабатываешь, раздвигая ноги, то незачем и тратится.

Так считали многие. Можно обратиться к той же травнице и попросить дать настой, убивающий дитя во чреве, но он действовал не всегда. Особенно было тяжело тем, кто лишён магии, но вынашивает дитя с магической искрой внутри. Это почти всегда означало смерть матери при родах.

Дитя по праву сильного отбирало у неё жизнь, силы, чтобы влить их в себя. Тогда несчастливый отец семейства, не в силах помешать этому, просто подкидывал младенца в ближайший приют.

Тайком от соседей, от полиции, от собственных детей. Именно поэтому до родов мать, носившая под сердцем дитя, скрывала этот факт, пока было возможно.

Сказывалась больной, много ела, чтобы оправдать полноту, утягивала живот. И всё это, если было хоть малейшее подозрение, что младенец окажется обладателем магии. Хотя бы её частички.

Конечно, если мать и сама такая, то опасности не было никакой. Газеты писали, что в королевстве почти все обладали магией, просто в некоторых она спала до определённой поры, но на практике, и миссы воспитательницы всегда это подчёркивали, это было не так.

— Вам повезло, что у вас есть частичка магической Силы, — говорили они хором во время воскресных проповедей. — В приютах для детей, не обладающих магией, кормят и ухаживают за воспитанницами гораздо хуже. И образования не дают.

Это было правдой, в которую я не верила, пока не обнаружила в библиотеке «Вестник королевства» за прошлое десятилетие. Там уж в подробностях вычитала об инспекциях в приютах для детей не-магов.

Об улучшении условий, например, о том, что после одной из комиссий король издал указ, чтобы постельное бельё детей менялось не реже двух раз за десять дней.

Но даже от скурых описаний условий жизни этих несчастных у меня волосы становились дыбом. Детей не били, над ними не истязались, но воспитателей не хватало, они росли, предоставленные сами себе, образуя стаю, в которой сильные занимали место лидеров, а слабые либо прислуживали сильным, либо становились объектами насмешек.

— Зачем тебе эта гадость, София?! — возмущалась мисса библиотекарь, не раз заставлявшая меня за подобным чтением.

После искреннего возмущения она каждый раз давала мне лёгкий подзатыльник и прятала «Вестник» на полках повыше, а потом, будто в извинение, подсовывала мне книгу про сказочную любовь.

Я тихо их ненавидела, эти сказки. Лживые, затуманивающие неокрепший ум, они никогда не сбывались для тех, у кого не звенит в кармане достаточно золота и серебра. Нет приданого — нет надежды на достойный брак.

Но спорить с миссой библиотекарем было себе дороже, тем более она была женщиной крепкой, чьи руки скорее созданы для кузни её отца, чем для книг и фолиантов, свёрнутых в тубусы.

И я читала любовные романы, стиснув зубы. О прекрасных потерявшихся в лесу аристократках, которых находили исключительно благородные лицом и духом рыцари, а не всякий сброд, промышляющий близ больших дорог.

— Слушай книгу, внимай всем сердцем, — словно издевалась надо мной мисс, — и она ответит. Если захочет.

Я тогда думала, что это выражение означает: пойми заключённую в строках мораль. Например, благородное притягивает подобное, а если на тебя не обратил внимание знатный и достойный господин, то ты и сама не такая уж знатная и достойная.

Но сейчас, стоя между двух стеллажей, доходящих до потолка, мне показалось, что я действительно что-то слышу. Это был не шёпот, как бывало в случае с травами, а скорее шелест быстро листаемых страниц. Я оглянулась и подкатила приставную лестницу к тому месту, откуда шёл звук.

Что это: очередная иллюзия, созданная Сержем, или действительно книга зовёт меня? Это я и хотела выяснить, не убираться же отсюда ни с чем?! Деньги Серж мне в любом случае не вернёт.

Я встала на третью ступень, которая скрипела подо мной так, будто вот-вот треснет и сломается. Провела рукой по корешкам книг, пока не ощутила еле заметное покалывание в пальцах. Вот она!

Вытащив и раскрыв толстую книгу, первое время я стояла, пытаясь унять кашель. А когда это удалось, взяла поставленную ранее на пол масляную лампу, и даже в полутьме помещения увидела, что нашла то, что искала.

Это был старинный атлас по ядовитым растениям. По крайней мере, так я подумала, потому что ни на корешке, ни на толстой, выделанной из мягкой, но уже потрескавшейся кожи обложке, не было написано её название. Сунув книгу подмышку и подхватив другой рукой лампу, я направилась к освещённому магическим шаром столу.

— Вижу, вы услышали её, — довольно крякнул Серж, когда я проходила мимо витрины, за которой он сидел и клевал носом.

Я подошла к столу и, поставив лампу и подложив книгу, я с нетерпением открыла её на середине и прочла:

«Для каждой болезни есть своё время сбора трав. Силу врачевания имеет даже самая ничтожная трава. Полезная для мужчин, не всегда, однако, она бывает полезной для женщин.

Одни из них предназначены заключённой в них магией женатым, другие — вдовьям мужчинам, иные — замужним женщинам или

холостякам и девицам.

Для самого сбора нужно знать правила: какие травы собирать голыми руками, а какие только в перчатках. Есть заклинания, которые можно применять при сборе трава только тому, кому предназначается отвар».

Так, это были всё общие слова, которые знает любая, имеющая дело с травами.

Ниже было написано, что сила отвара или настойки соотносится с силой травника, его изготовившего. И это я тоже знала, поэтому и пришла в услужение в Ванде Многорукой.

По одним учебникам, даже если бы у меня был доступ ко всем ним, науку не освоишь. Должен быть сильный наставник.

Перевернув страницу, я наткнулась на описание колючей травы или чертополоха. Помимо описания растения и изображения его внешнего вида имелись приписки внизу страницы, сделанные от руки.

К счастью, почерк был вполне разборчив, даже не приходилось напрягать зрения.

«Пригоден для изготовления настойки, нейтрализующей растительные яды. И для восстановления магического объёма»

От руки было приписано: «для зелья изменения цвета глаз - взять травяные стручки колючей травы и добавить бойцовых рыбок. Варить как уху, но не солить! Принимать сразу».

Я закрыла книгу и оглянулась. В лавке по-прежнему никого, кроме мирно дремавшего хозяина, не было. И книга в моих руках не испарилась. Не исчезла и больше не шелестела. Значит, всё это мне не привиделось.

Кто бы не сделал пометки на полях этой и без того ценной книги, а он оказал мне большую услугу. Заплатив за неё почти пять золотых монет, я вышла на свежий воздух и торопливым шагом направилась в направлении дома Ванды.

Глава 26

— А правда, что дикая виноградная лоза вместе с северным лишайником могут вызывать отравление, схожее с животным недугом? — спросила я на следующий день, когда мы поутру с Вандой отправились в лес.

Я почти не спала, до рассвета читала приобретённую накануне книгу. Скорее всего, это был атлас ядовитых растений.

Конечно, всё запомнить я не смогла, хотя и честно старалась, но вот несколько прочитанных утверждений ранее мне никогда не встречались. И даже противоречили общеизвестным истинам.

Вот я и решила, не откладывая в долгий ящик, развеять свои сомнения.

— Правда, — ответила Ванда. — Тоску вызывают, жертва покоя себе не находит, пока не утопится в реке или из окна не выкинется. Если падать высоко. Но всегда помни, что на всех твоё зелье действует по-разному.

Хозяйка надела рабочий передник и натянула рукавицы по локоть, чтобы удобнее было срезать травы и выкапывать корни, а я пока шла в лёгком плаще и несла корзину, в которую мы будем складывать высушенные в тени пучки трав.

— Если сила у жертвы велика, тебе обратка может прилететь, — добавила Ванда и сразу замолчала.

Уже с утра было душно, значит, день выдастся жарким. А сушить травы надо не только в тени, но и на воздухе, чтобы они не заветрелись и не стали непригодными.

Словом, работы нам предстоит много.

Несмотря на то что я спала ночью от силы часа три, чувствовала себя неплохо, даже пребывала немного в эйфории, будто опьянела.

— А травецвет в настое защищает от всех травяных ядов? Или и здесь условия имеются? — я всё спрашивала и не могла замолчать, хотя понимала, что сейчас у Ванды возникнут обоснованные вопросы.

— Почти, — бросила она через плечо, опираясь на длинную палку-посох. — Это ты в своей книге, купленной вчера, вычитала? И хочешь сейчас поразить меня глубокими знаниями ремесла?

— Вы наняли кого-то следить за мной?

Я даже застыла на месте, а Ванда продолжала идти по тропинке, углубляясь в лес и ничего не отвечая. Через несколько шагов она обернулась и прищурилась:

— Что застыла? Глупая ты ещё, думаешь, и я должна быть такой же?! Следить за тобой мне резона нет, а жизненный опыт у меня большой. И здесь кое-что имеется, — Ванда приложила указательный палец к виску и постучала по нему, не сводя с меня укоризненного взгляда. — Ты помимо учебников, думать научись. И наблюдать. Пришла вчера поздно и проскользнула как мышка к себе. Почти не

разбирала покупки, жгла свечи допоздна, а утром начала сыпать вопросами и говорить заученными фразами, как выпускница пансионата. Что встала, пойдём!

Я улыбнулась и, подхватив нижние юбки, заспешила следом.

— Вот и скажи мне, София, раз стала учёной, какие девять трав самые сильные в наших местах?

О, это я помнила хорошо. В каждой купленной мной книге они упоминались:

— Плакун трава, цветущий папоротник, разрыв-трава, терличе, одолень-трава, адамова голова, орхилина и прикрывш.

— Это восемь. О нечуй-ветре забыла. Или думаешь, рыбаки к тебе за помощью не придут?

Точно, бессмертник, как же-то я умудрилась позабыть!

Если Ванда хотела показать, что мне ещё учиться и учиться, то ей это удалось. Я безропотно выполняла все её приказания и следила за всеми действиями, стараясь не упустить ни единую мелочь.

— Как считаешь, кто самые частые посетители травницы? — спросила Ванда, когда мы углубились в чащу.

— Наверное, те, кто счастье ищут. И дойти к нему хотят самой быстрой дорогой, — ответила я, гордясь, что запомнила фразу из одной брошюры, которую купила самой первой на рынке столицы.

— Верно, тогда почему ты мимо барвинка прошла и чуть ногой на него не наступила? Сорви цветы да листья оборви, настой его помогает тем, кто стал раздражительным. И любовь в семью возвращает.

— Вы же говорили, что любовных зелий не бывает?

— Не бывает. Но спокойствие в доме часто и возвращает туда любовь. Донник сорвала?

— Да, хозяйка, всё сделала, как велели.

— Зверобой отдельно положи, — не забывала поучать меня Ванда, даже спиной замечая, что я делаю и как.

Я на самом деле очень старалась. Настолько, что искусала все губы и временами забывала надеть перчатки. Только когда от сока донника получила ожог, тогда стала осторожнее.

— Почему зверобой надо класть отдельно?

Жаль, записывать сейчас некогда, я боялась забыть что-то важное. Ванда делилась знаниями неохотно, она полагала, что раз я и сама травница, а не ученица, то всё должна знать.

Так оно и было бы, если б моя лицензия не оказалась подделкой. Возможно, Ванда уже и жалела о своей опрометчивости, а возможно, памятуя о моей помощи с тем господином, оставившем в саду Чёрные Тени, и нет.

— Клевер, вербена, укроп, зверобой... Как дальше-то помнишь?

Я подхватила и закончила стишок знакомый ещё с приютских времён:

— Власть переселят ведьмы любой. Так мы зверобой с собой возьмём? В путешествие? Чтобы от влияния магов защититься?

— Его и кукушкины слёзы прихватим. Вдруг это только мои любовные зелья не работают, а твои сразу и путь к нужному сердцу найдут? — Ванда пыталась казаться серьёзной, но по её смеющимся глазам я видела, что хозяйка веселится от души. — И веточку зверобоя обязательно под подушку положи, суженый и приснится. Да не забудь его подарок обратно отдать!

Я лишь пожала плечами. Спорить и доказывать, что мне этот Рысь и даром не нужен, только время терять. Лучше я посмотрю за Вандой, как она подходит к траве, какие слова говорит, что за поклоны матушке-земле отвешивает, чем буду спорить. Нравится ей меня дразнить, мешать не стану, но и ответ она от меня не получит.

— Когда мы отправимся в путь? — спросила я около полудня, когда мы присели под раскидистым дубом перекусить.

В тени сушились собранные травы, молоко в глиняном кувшине было таким прохладным, что хотелось пить, не останавливаясь и не прерываясь на еду. Булочки Ванды, которые она взяла на перекус, зелёный лук с её грядки и сладкие помидоры — сейчас эта трапеза казалась самой изысканной из всех, которые я помнила на своём недолгом веку.

— А что если этот человек в чёрном вернётся в ваш дом, пока мы в отъезде? — спросила я то, что давно вертелось на языке.

Чем больше я узнавала Ванду, тем меньше было охоты задавать глупые вопросы. На дельные замечания хозяйка охотно реагировала, а вот чушь не выносила.

Громко фыркала и морщила лоб, будто соседская кумушка, услышавшая невероятную сплетню.

— Он не захочет снова вам навредить?

— Кто знает, София, кто знает! Поэтому я и говорю, иногда на какое-то время лучше исчезнуть. И тебе, и мне. Как только получится, сразу и отбудем.

Мы обе резко замолчали и быстро покончили с обедом. Пришла пора собираться обратно.

Я быстро складывала высушенные травы, оборачивая в тонкую бумагу и карандашом царапая на ней название сбора. Ванда только хмыкала, наблюдая, как я слюнявлю карандаш и старательно вывожу слова на бумаге:

— Надо знать траву в лицо. По внешнему виду определять, что ты держишь в руках. А иногда и по одному запаху. Змеи и те знают запахи растений, а ты, травница, нет.

Я только кивала и продолжала своё занятие. Пока мне до мастерства Ванды, как отсюда до границы Севера, где кончается Непроторенный лес. И всё же одна мысль занозой засела в сердце и мешала думать о предстоящей поездке, как о чудесном посвящении в тайны природы и ремесла.

— А если другой человек, ну, тот, что приходил к вам и говорил о моих родителях, решит, что я уехала навсегда и не станет больше меня искать? — спросила я у Ванды, когда мы миновали городские ворота.

Стражники при виде моей хозяйки старательно отводили глаза, самые молодые чертили в воздухе охранные знаки.

— Я же говорю: ещё одна причина поскорее убраться из столицы. Ты сама-то веришь, что те, кто отдали тебя в приют новорождённой, вдруг станут искать встречи через много лет? Только если за принца замуж соберёшься, как в песне поётся!

Я опустила голову и до самого дома вопросов больше не задавала. Хозяйка права: с чего бы вдруг интерес моих настоящих родителей пробудился именно теперь? Ни когда я росла в приюте, ни когда выпустилась из него и полгода жила в столице...

Хотелось бы верить в сказку, что меня украли в младенчестве, а потом подбросили в приют, но это противоречило здравому смыслу. Не проще ли было просто убить ребёнка? И по каким-таким особым приметам отыскивали меня родители, если этих примет попусту нет?!

Я все думала об этом, пока разбирала собранные травы. Сухие веточки измельчались с помощью пестика, а иногда и крошились

вручную, потом ссыпались в банки из непрозрачного стекла, каждая подписывалась, а также было обязательным написать время сбора.

Те, что ещё недостаточно высушились, раскладывались на тонкой бумаге рядом с открытым окном в кухне.

— София? Не слышишь, что ли? В калитку стучат! — Ванда только махнула рукой на мои попытки немедленно бежать открывать.

Мне вдруг показалось, что это ответ на мои мысли. Пришёл тот самый господин, который имел сведения о моих родителях, и сейчас я узнаю хотя бы что-то о тайне своего рождения!

Я больше не буду девочкой без рода и племени, которой имя и фамилию дала директриса приюта. Она называла нас, как героинь прочитанных книг.

Внутри меня всё замерло, и мир вокруг обратился в слух.

Вот сейчас, ещё немного! Я закрыла глаза и прошептала молитву, которой учили наставницы в приюте.

Размеренные шаги хозяйки всё приближались, наконец она открыла дверь в кухню и хмуро посмотрела на меня:

— Иди поспи немного. Мы выезжаем на Север сегодня в ночь.

Часть вторая. Глава 1

Тот сон я запомнила так ясно, словно всё это происходило наяву.

— Возьми вот это! — сказала мне Ванда и подала короткий меч в ножнах. Такие носили стражники, для ближнего боя с разбойниками самое то: не тяжёл, маневренен, остер.

— Что мне с этим делать? — спросила я, переводя взгляд то на хозяйку, то на оружие.

Я раньше никогда не держала его в руках и с опаской относилась к тем, кто предпочитает размахивать сталью, а не пытаться договориться.

— Этот меч никогда не вынимался из ножен. Очерти им круг, вон там, где кукушкины слёзы растут.

Говорила Ванда спокойно, но в её голосе чувствовалось некое напряжение. Оно же витало в воздухе, разливалось в тишине замолчавшего леса, в котором мы всё ещё находились, хотя уже порядком стемнело.

Все знали: ночью в лес ходить-то можно, выйти — трудно.

Во сне я чётко понимала, что это не взаправду, и в то же время Ванда улыбалась как-то по-особенному. Мол, так и думай, пока мне

дела надо делать.

Конечно, я просто устала, всё это воспоминания о прочитанном, навеянные событиями сегодняшнего утра. Хозяйка не Маг. Она не может насылать сны.

Меч оказался на удивление лёгким, он высвободился из ножен, в первое мгновение ослепив меня серебряным светом. А через мгновение я почувствовала, что он был выкован именно для этого: чтобы извлечь мандрагору или Адамову голову из земли.

Ванда молча стояла за спиной и ждала. Ветер стих, жара отступила, опустив под кроны деревьев долгожданную прохладу, но на моём лбу выступили капли пота.

Земля не поддавалась, она скрежетала, как несмазанные петли проржавевших ворот, но вскоре меня отпустило, словно она устала сопротивляться и признало моё право извлечь корень и забрать с собой, обернув красной тряпкой. Ванда уже приготовила её, чтобы принять растение, как величайшую драгоценность.

Наконец круг на земле был прочерчен, я с облегчением вздохнула и поняла, что меч в моей руке тает, будто снег под мартовским солнцем. Вскоре ладонь вместо плотной рукоятки ухватила лишь пустоту.

Ванда совсем этому не удивилась, она приложила палец к губам, призывая молчать. И жестом показала встать лицом на запад. Я подчинилась быстро, сама удивляясь, что в душе даже сомнений в правильности действий не возникло. Будто я проделывала это уже с десяток раз.

Далее Ванда достала лопатку для выкапывания растений и вступила в круг. Она что-то тихо шептала, опустилась на колени и склонилась перед мандрагорой, как кланяются почтенному старцу или уважаемому человеку.

Кланяются не потому, что так принято, не потому, что страшно подучить пинок или удар кнута за неповиновения, а лишь из-за уважения и желания отблагодарить за ценный подарок.

Я не слышала слова Ванды, но точно откуда-то знала, что она говорит с нежностью и любовью. Благодарит за помощь и призывает кого-то могущественного не гневаться за нанесённый земле ущерб.

Корень был выкопан за несколько минут, а потом хозяйка принесла его мне, уже державшей в руках тряпицу, в которую он

должен быть завёрнут. Ванда несла его как носят младенца, мы вместе аккуратно, чуть дыша, запеленали его, похожего на маленького человечка, и тут же совсем стемнело.

Луна вышла из-за туч, осветив нашу добычу. Я держала свёрток в руках и чувствовала, как дрожали пальцы. Сон начал таять.

Я исчезала.

Последнее, что я увидела перед тем, как проснуться — тряпица, в которую был завёрнут корень мандрагоры, из винного цвета стала алой.

Как кровь.

— Проснулась? Рано, поспала бы ещё, — сказала Ванда, не поворачивая головы, когда я спустилась на кухню, спросить, когда точно отправляемся.

Вещи я уложила в заплечную сумку, наложив на сундук заклятие от вторжения. Его подсказала мне Ванда, как и то, какие зелья с собой взять в дорогу.

— Да сон странный снился, — начала было я, но тут же осеклась, когда заметила, что хозяйка обмывает в тазике, стоящем на столе, корень мандрагоры. В воздухе разлился терпкий запах вина.

— Проходи, смотри, что я достала. В поездке пригодится. Видишь какое переплетение корней? Значит, женский это корень.

— И мы возьмём его с собой? Как снотворное? — спросила я, подавая хозяйке алую тряпицу, чтобы завернуть человечка по всем правилам.

Сейчас, при свете дня, мой сон больше не казался чем-то насланным, видением. Перед тем как заснуть, я читала про кукушкины слёзы в своей новой книге. О том, как добывать корень и как с ним обращаться.

Равно как и о том, что все эти разговоры о страшном визге извлекаемого растения, не более чем вымыслы, чтобы не каждый, кто его видел, выдёргивал цветок и ранил его своим небрежным отношением.

Да и небезопасен отвар мандрагоры. Можно даже насмерть отравиться, если дозу не соблюдать.

— И от боли, если что случится, пригодится. Да и от мужского влияния тоже.

Ванда снова выразительно на меня посмотрела, но больше ничего не добавила.

Шляпную коробку я тоже с собой захвачу и отдам при первом удобном случае истинному хозяину.

Пусть не считает, что так легко со мной сладить. Помочь я Рыси помогу, деваться некуда, а подарки мне его не нужны.

На всякий случай я запретила себе даже смотреть в ту сторону, где лежала коробка. Она так и манила: открой меня. Примерь шляпку в последний раз, а потом отдашь. Ага, как же!

Как только на небе появились первые звёзды, в дверь постучали. Три раза, коротко, отрывисто. Видимо, это был условный стук, потому что Ванда, уже переодевшаяся в плотное тёмно-синее платье, закрывающее руки до локтя, поднялась с дивана и бросила:

— Пора.

Вещей у нас было немного. Моя заплечная сумка, да ещё маленькая через плечо, где я хранила пузырьки с зельями и гребень с зеркальцем. У хозяйки был собран прямоугольный кожаный саквояж, в котором она держала травы и всё необходимое для работы, и сумка-тюк, размерами чуть больше моей.

— Аккуратно неси, а то разольёшь пузырьки внутри, и все мигом отравимся, — заворчала Ванда высокому амбалу с лицом разбойника с большой дороги. Он пришёл, чтобы отвезти нас к Северным воротам, за которыми мы и должны были встретиться с нашими спутниками.

Амбал, мужчина средних лет, с проседью в серых волосах, только опасно покосился на мою хозяйку, но ничего не ответил. Я кожей почувствовала, как ему хочется бросить всё, смачно сплюнуть на землю, и уйти подобру-поздорову, чертя в воздухе охранные знаки.

Но он только мрачно посмотрел вслед Ванде и снёс вещи в экипаж, присланный за нами самим Кестером. Я всё ещё помнила его имя и с грустью смотрела на шляпную коробку, которую держала в руках.

Жаль, это шляпка очень мне шла! После того как я вернусь из путешествия на Север, куплю себе новую.

Я оглянулась на дом Ванды, уже ставший мне родным, пусть я и прожила здесь совсем немного, и подумала, что никто не даёт никаких обещаний. Не факт, что я окажусь в столице через неделю или две.

Именно в этих думах я пребывала всё время, пока экипаж ехал по улицам Плауполиса. Насуплено молчала и рассеянно отвечала на замечания Ванды. Амбал занял место на козлах рядом с возницей.

— Зачем он берёт меня в поездку? — спросила я её в лоб, когда экипаж остановился у Северных ворот.

Хозяйка поняла, кого я имею в виду, и пожала плечами:

— Вот сама и спроси. Значит, нужна ему, а в каком качестве и насколько долго, сама вскоре увидишь.

Глава 2

— Что происходит? — спросила я, отодвинув занавесь, закрывающую окошко.

— А? Что такое? — вторила мне Ванда. Хозяйка, сидящая напротив, задремала и теперь, позёвывая и протирая глаза, смотрела по сторонам.

— Нас тряхануло, словно повозку кто-то толкнул.

— Наверное, на кочке колесо подскочило, — решила Ванда после небольшого раздумья и снова откинулась на подушки, закрыв глаза. — И ты поспи, до обеда далеко, скорее всего останавливаться не будем.

— Откуда знаете? — спросила я, втайне надеясь, что Ванде известно больше, чем мне. То есть больше, чем ничего.

— Сказала же, наблюдать надо. Держи один глаз закрытым, чтобы не видеть уродства мира, а другой открытым, чтобы не пропустить чудеса, которые ещё здесь встречаются.

Ванда снова посмотрела на меня, как на надоедливую муху, мешающую спать.

— Ничего мне не известно, — добавила она, наморщив лоб, словно отвечая на мой немой вопрос. — Судя по тому, как быстро и ровно мы едем, дорога идёт по Главному тракту. Здесь дорожная пошлина самая высокая, значит, опять-таки, время выиграть для нас важнее, чем сэкономить. Эти господа, с которыми ты... мы связались, терпеть не могут, когда звонкая монета попусту утекает из кошелька.

— Зачем мы едем с ними? — спросила я снова, надеясь, что пока Ванда разговорчива, она хотя бы сделает какой-то намёк.

— Сказано надо, значит, надобность в нас большая. Думай и наблюдай. И спать мне не мешай! — зевнула хозяйка и снова закрыла

глаза, давая понять, что тратить время на болтовню она больше не намерена.

Мол, ты выпалась, а теперь мне не даёшь!

В экипаже, к счастью, мы ехали одни. Рысь, если он и присоединился к нашему кортежу, никак не давал о себе знать.

С другими двумя экипажами мы встретились, когда уже выехали за ворота. Никто не спешил представиться нам, равно как и просто поздороваться. Лишь амбал, который помог нам с сумками, засунул внутрь экипажа, приоткрыв дверцу, вихрастую голову и сказал извиняющимся тоном:

— Вы, это, не высовывайтесь, пока остановки не будет. Для вашего же блага, барышни!

На это обращение, более приличествующее девушке, чем даме средних лет, находящейся на пороге зрелости, коей и была Ванда, она хмыкнула, но благосклонно кивнула.

— Надо будет дать бедняге золотой совин, — произнесла она тоном благодетельной госпожи, когда амбал не мог уже нас услышать. — Вещи аккуратно донёс, и видно, что хоть и неотёсан, но предупредителен.

Я склонила голову, чтобы скрыть улыбку. Лесть хозяйка любила, хотя и ни за что не признавалась в этом, бравирюя тем, что всегда стойко принимает любые перемены. В законах, в обществе, в собственной внешности.

Наверное, наступает время, когда даже самой бережливой особе лесть от мужчины приятнее золотой монетки в кармане.

И всё же надо бы мне думать не о Ванде и даже не о цели нашего путешествия, а ответить самой себе на вопрос: зачем я Рыси? Ясно, чтобы быть посохом.

Видимо, Король мошенников собрался кого-то одурачить, поэтому ему понадобился артефакт, меняющий лицо, боевой щит и средство от ядов. Ну а как иначе, когда путешествуешь с самой Вандой Отравительницей?!

Дальше мысль заходила в тупик. Нет фактов, нет намёков — и думать не о чем.

Я бы с удовольствием почитала, открыв свою новую книгу о растениях, но в экипаже было недостаточно светло. Магических шаров Рысь для нас пожалел.

Оставалось кусать губы от нетерпения и посматривать в окно на унылый и однообразный пейзаж. Мы миновали лес, растущий возле Плауполиса, и двигались по степи.

Выжженная солнцем трава походила на большую воду, говорят, где-то на краю земли, где кончается суша, начинается большая вода. И нет ей предела.

Я прислушалась к себе и почувствовала, что меня переполняет Сила. Видимо, рядом с тем серебряным зеркальцем Рыси, а я не сомневалась, что он взял его с собой, мой магический объём снова вырос. Даже ощутимее, чем в прошлый раз.

Мне хотелось попробовать себя в деле, выйти на луг и пройти среди ковыля, еле касаясь его пальцами раскинутых в стороны рук. Собрать душистые травы, таящиеся там, среди этой волнующейся массы сорняков.

Сделать что-то важное и магическое, опустошающее объём Силы, чтобы потом тихо сидеть в уголке, закрыв глаза, прислушиваясь к стуку колёс и шёпоту колыхаемой ветром травы.

Слушать её грустные напевы, чують, как она наливается силой, и как растёт магия во мне. Тихо радоваться, что тот Маг, первый предрёкший мне крошечный объём Силы, ошибся.

Экипаж медленно остановился, и я открыла глаза.

— Погоди, София, не выходи! — прошептала Ванда, схватив меня за запястье. — Мало ли что! Пусть мужчины разберутся!

— Думаете, на нас напали? — спросила я, чую, как забурлила в жилах магия, прося выплеснуться наружу. Неважно на кого.

— Нет, вроде тихо всё.

Не успела она закончить фразу, как я услышала голоса и, узнав один из них, тут же почувствовала, как на душе стало светлее и ярче. Значит, он действительно едет с нами.

Не знаю, почему этот факт меня так обрадовал, Кестер мне никто. Даже, более того, не факт, что он мне не враг.

У меня было пара секунда, не больше, чтобы придать лицу скучающее выражение. Дверь экипажа растворилась, и тот, о ком я только что думала, появился в проёме.

— Добрый день, дамы! — произнёс он, едва скользнув по мне взглядом, что вызвало во мне досаду. Ишь какая птица! — К вечеру мы достигнем границы Непроторенного леса, там всякое может

случится, вот я и решил дать вам помощника и защитника. Он маленький, но в случае чего в обиду вас не даст.

— Ле Шатон? — вскрикнула я, выдав радость. Этот полульвёнок-полукотёнок с бархатной шёрсткой и милыми крылышками за спиной запомнился мне своей исключительной разумностью. И нескучно в дороге будет!

— Алхим? — насторожилась Ванда. — Зачем он нам? Сбежать и так не собираемся.

Рысь не успел ответить, как между его ног проскользнул львёнок с острыми кисточками на ушах и запрыгнул ко мне на колени. Кончик его хвоста, увенчанного рыжими перьями, чуть подрагивал.

— Ну сейчас у тебя, женщина, есть для меня сладкая булочка? — спросил он, задрав голову и завораживая меня изумрудными глазами. — Или у тебя в сумке завалялась убитая змея?

— Вижу, вы поладите! Развлекайтесь, дамы! — засмеялся Рысь и всё-таки наградил меня долгим взглядом, прежде чем закрыть дверь экипажа.

— Лепёшки будешь? — сконфузившись, спросила я Ле Шатона. — И скажешь, как тебя называть?

— Ле Шатон, женщина. Ты показалась мне разумной, а спрашиваешь очевидные вещи.

Ванда только кривила губы и хмыкала, скрестив руки на груди, но помалкивала. Наверное, соседство алхима её нервировало.

— Простите, Ле Шатон. Имя вам и вправду ни к чему. Вы ведь такой один.

— Да, один, — мурлыкнул львёнок и потёрся головой о мои руки.

Я аккуратно, чтобы его не потревожить, полезла до сумки, которую носила через плечо и хранила в ней вещи первой надобности, и только тут взгляд упал на злополучную шляпную коробку.

Надо было отдать сразу! Вот, теперь это будет выглядеть так, словно я кокетничаю, а не решительно отвергаю подарок.

Ладно, наплевать! Отдам прямо в руки при втором удобном случае. А пока накормлю Ле Шатона, нюхающего носом воздух, сладкой лепёшкой. Союзники мне понадобятся, тем более такие милые и непосредственные!

— Смотри, София, не потеряй головы в этом путешествии! — произнесла Ванда каркающим тоном прорицательницы.

— Не потеряю, — ответила я бодро, но глаза на хозяйку не подняла.

«Главное — не робеть и сразу сказать, чтобы больше ничего мне не дарил, — подумала я. — И даже смотреть в его сторону не стану. Я и сама не ангел, так что мне надо найти мужчину добропорядочного, богатого и щедрого. А замуж я и не тороплюсь. Есть в жизни дела и поважнее».

Глава 3

— Ты меня не боишься? — Ле Шатон прищурил зелёные глаза и повёл носом, как бы нюхая воздух. — Странно.

— Почему?

— Ты не боишься, а вон она боится. И мужчина, который меня кормил и гулял, тоже боялся.

— А твой хозяин? — не удержалась и спросила я.

— У меня нет хозяина, а создатель не боится, на то он и создатель. Но у него всегда не хватает на меня времени, — вздохнул львёнок и, зевнув, свернулся калачиком у меня на руках.

Об алхимах я знала совсем немного. Кое-что в книгах вычитала, остальное рассказала Ванда, притихшая и сидевшая сейчас на скамейке с таким видом, будто общество Ле Шатона причиняло ей крайнее неудовольствие. Наверное, так оно и было.

— Когда он тебя создал? — спросила я снова, поглаживая алхима, как котёнка. Всегда мечтала иметь домашнее животное, потому что оно символизировало дом. Место, где тебя любят и заботятся. Не корысти ради, не из-за того, что некуда деть, а прибить нельзя, а потому что любят.

Впрочем, Ванда, как обычно, проницательная в мелочах, сказала мне на все эти мечтания, что я идеализирую родственников. Не все родители заботятся о детях.

«Тем более если ты родилась пятой в семье», — добавляла она, и её лицо смурнело, будто небо от внезапно набежавших туч.

— Я не знаю когда, женщина. Когда он меня создал, я стал жить, а до этого меня не было. И времени для меня не существовало, — львёнок фыркнул и ткнулся мне в руку с таким видом, словно хотел меня цапнуть.

Больше я его ни о чём не спрашивала, боясь потревожить сон алхима и своей спутницы. Вскоре под мерный стук колёс сморило и

меня.

Экипаж дёрнулся и остановился слишком резко. Спросонья я чуть не упала на пол, инстинктивно прижав к себе животное.

Не могла я думать о нём, как о магической сущности, способной принимать определённую форму, приятную человеческому глазу. Если верить Ванде, а не верить ей не было причин, алхимы выполняли определённую задачу, после чего теряли физическую форму.

Алхим зашипел, его хвост с перьями на конце яростно ходил из стороны в сторону, как взбешённый кнут или змея.

— Тихо! — скомандовала Ванда. Ей удалось остаться на месте. — Здесь проходит граница магического поля, в которое мы врезались на всём ходу. Видать, владелец постоянного двора не так прост, как хочет казаться. Или ему есть чего опасаться.

— Откуда вы столько знаете? — спросила я, снова садясь на место. Алхим тут же проворно запрыгнул мне на колени.

— Хочешь преуспеть в моём деле, и не то узнаешь, — бросила хозяйка за секунду до того, как дверь экипажа открылась. И тут же наигранно выпалила: — Любезный господин, а что произошло? Нас тут так потрянуло!

— Простите, дамы, — Гастон смущённо смотрел на ноги Ванды, не смея поднять глаза и посмотреть так простодушно, что хотелось всё ему простить. Он имел вид не шибко удачливого плута, которому не везёт именно из-за этой неповоротливости водевильного толстяка. — Тут, кажется, магическое поле начинается. Раньше здесь такого не бывало.

Я отметила про себя, что Рысь и его верные соратники, по крайней мере, один раз уже проезжали в этих краях. Равно как и то, что Ванда поразительно много знает о делах Короля мошенников.

Конечно, положение обязывает, да и защита составительнице ядов нужна такая, какая обычной травнице и не снилась, и всё же!

— Мы здесь до вечера, а там тронемся в путь! — обмолвился Гастон, помогающий нам с поклажей.

Можно было оставить сумки в экипаже, ведь на постоялом дворе будет лишь краткая остановка, но Ванда тоном влиятельной госпожи настояла, чтобы все наши вещи были при нас.

— Ты вон, к примеру, скажи нам: по карманам только промышляешь или по сумкам лазить не гнушаешься? — хмыкнула она

в сторону толстяка, всё время вытиравшего вспотевший лоб носовым платком. Надо сказать, довольно чистым и свежим.

Вор стушевался и больше не возражал, выполняя все приказания моей хозяйки.

Пока мы выгружались, два других экипажа уже опустели. Ле Шатон, позволивший надеть на себя ошейник и принявший облик милого щенка, крутился под ногами, а я как дурочка стояла в обнимку со шляпной коробкой и понимала, что мне снова не представилось подходящего случая отдать её Рыси.

На постоялом дворе было многолюдно, и это немудрено: слишком близко находился он к Плауполису, всего-то полдня пути! Но люди, останавливающиеся здесь сегодня, были не из простых.

Всё больше Маги или те, кто их сопровождал, но тоже особы весьма примечательные.

Смог, стоящий над столицей, разгонялся Магами-погодниками, а так как ничто в этом мире не исчезает бесследно, клубился над пригородом. Правда, и здесь была натянута магическая сетка, но на её плетение никто не тратил столько сил, сколько их было брошено на обеспечение голубого неба над столицей.

К смогу я привыкла. Приют для девочек, в котором я выросла, находился рядом с крупным промышленным городом. Отчасти поэтому мне нравилось ходить в лес и собирать травы, там уж точно воздух был чистым, как родниковая вода поутру.

«Лес, он живой, он не терпит человеческой скверны», — говорила травница при приюте. Именно она научила меня азам ремесла.

«Это всё травы да деревья. Они очищают воздух, но могут и отравить его при случае. Лес вовсе не так уж добр, не с нашим мериллом к нему подходить надобно», — это уже были наставления Ванда. Она любила меня пугать.

Наверное, проверяла, так ли уж сильно моё желание стать составительницей зелий. И ядов, в том числе.

— Нам одну комнату на двоих, — неожиданно сказала хозяйка Гастону. — Передай там, кому следует.

— На троих, — обиженно фыркнул львёнок.

Ванда замечание алхима проигнорировала. Болтаются тут всякие под ногами, не до них сейчас!

А я, обрётшая было способность двигаться, снова застыла на месте. Чтобы Ванда, такая чистоплюйка, не терпевшая даже маленьких апартаментов, согласилась бы нарушить своё уединение и терпеть не только меня, но Ле Шатона! Для этого должна быть не просто веская причина, а что-то по типу реальной угрозы.

Однако я отложила расспросы на потом. Сейчас мне надо было найти Кестера, как я привыкла его про себя называть. Во-первых, чтобы отдать эту дурацкую шляпную коробку, которая порядком уже начала меня тяготить, как символ моей мягкотелости, во-вторых, спросить Рысь в лоб: «А чего, собственно, ради, вы меня сюда потащили?»

Не ответит? Ну, это тоже будет ответ. Не говоря уже о том, что чем ближе я буду к его артефакту, тому самому серебряному зеркальцу, тем быстрее вырастет мой магический объём.

— Я сейчас вернусь, — сказала я Ванде и быстро направилась к входу в постоялый двор.

Чтобы она ничего не смогла возразить, это раз, и потому, что я пока по следу артефакта видела, куда отправился Рысь.

Глава 4

Как ни странно, но я сразу натолкнулась на компанию из пяти Магов, среди которых заметила как рябого, так и другого, косившего правым глазом. Последний был похож на атлета или борца кулачных боёв.

— Что ищешь, крошка? Не велено тебе тут шастать. Для твоей же пользы, — гаркнул он и захохотал, подбадриваемый смешками всей компании.

Рябой сделал знак своим, и все разом смолкли, хотя косивший правым глазом и громко хмыкнул. Разве что не сплюнул на чистый пол мне под ноги. Мол, уже и сказать ничего нельзя?!

— Проводи её.

Приказ рябого кинулся исполнять один из Магов не слишком высокого уровня. Это было заметно и по его одежде, не имевшей защитных артефактов, и по тому подобострастию, который мужчина явно не юных лет проявлял к остальным. Смотрел им в рот и ловил каждое слово.

Наверное, рад до безумия, что его взяли на такое дело. Кстати, неплохо бы узнать, какое именно.

— Я вас провожу, — произнёс он, кивая мне так, как это делают чиновники мелкой руки. Например, почтовые или писари.

— Как вас зовут? — спросила я, когда мы поднялись по лестнице на второй этаж.

Здесь было не в пример тише, чем на первом, где располагалась таверна, кухня и разного рода подсобные помещения. Людей немного, и те, завидев нас, старались побыстрее скрыться за крепкими дверьми, ведущими в номера.

— Ригер, барышня. Но вам моё имя без надобности. Король не любит, когда мы используем настоящие имена.

— Почему? — тут же спросила я и мысленно обругала себя.

Ну что за любопытство! тебе, София, надо выведывать о цели пути, а не расспрашивать про иерархию, принятую в их шайке. Пусть и походящую на некое неплохо организованное ведомство.

— Потому что у нас теперь новая жизнь. И правила в ней действуют иные, нежели в прошлой.

Больше я ничего спросить не успела. Мы очутились перед апартаментами Рыси. Так я поняла по условному знаку, повешенному на ручку двери.

Проволока, загнутая так, что по форме повторяла схематический рисунок котёнка, выполненный карандашом на бумаге.

Ригер постучал, чуть несмело, как это делают лакеи, боящиеся потревожить покой важного господина.

— Да? — тут же донеслось из-за двери, и вместо ответа Ригер постучал ещё: серией из трёх коротких ударов. Наверное, условный знак.

— Идите, барышня. Вас ждут!

Как интересно, значит, появление моей особы уже обозначено определённым образом. Рысь меня ждал?

Внезапно моя решимость подверглась сомнениям. Может, не следовало временно передавать Ле Шатона Гастону, чтобы не выглядеть так глупо со шляпной коробкой в руке? Так я могла бы сделать вид, что пришла осведомиться о том, как ухаживать за алхимом.

Хотя нет, и это смотрелось бы глупо! Вполне логично было бы спросить об этом у того же Гастона.

Пока я раздумывала, краем глаза заметила, что справа одна из дверей чуть приоткрылась, но когда я повернула голову в ту сторону, сразу захлопнулась с глухим стуком.

— Спасибо! — бросила я отступившему на шаг Ригеру и смело взялась за ручку двери, стараясь не касаться проволоки.

мало ли какая магия в ней заключена?!

— София, входите, я тут как раз занимаюсь приготовлением скромного перекуса. Не хотите присоединиться?

Голос доносился откуда-то сбоку, я оглядела просторный кабинет, совмещённый со спальней и только спустя пару минут заметила приоткрытую дверь, ведущую в соседнюю комнату.

— Не знала, что здесь такие роскошные комнаты, — произнесла было я с улыбкой, как заметила, что Рысь не шутил насчёт закуски.

Смежная комната оказалась то ли чуланом, то ли гардеробной. По крайней мере, так было задумано изначально, но сейчас здесь стоял круглый стол с пятью стульями, в углу имелся небольшой железный сейф, зато окон не было предусмотрено вовсе.

— Смелее, что это у вас в руках? Вы не перепутали меня с продавцом Торгового квартала?

Он стоял ко мне вполборота, рукава светло-серой рубашки были закатаны по локоть, а чёрная грива Рыси собрана в хвост на затылке.

И да, Рысь что-то резал на разделочной доске. Рядом шипела поставленная посреди стола газовая плитка, работающая однако с помощью магии. Пламя было ровным, зеленоватым, как болотные огни на заброшенном кладбище.

Я оробела ещё больше, но мысленно ущипнула себя за руку, обычно это помогало быстро прийти в чувство.

— Это ваше. Я хотела отдать, — фраза у меня получилась какой-то жалкой, интонация просительной.

— Зачем? Я не нашу шляпки.

Рысь нарезал вяленое мясо тонкими ломтиками, делал это быстро и в то же время аккуратно, время от времени он бросал взгляд на меня, но потом снова сосредотачивался на своём непрерываемом во время нашего диалога занятии.

Перед ним уже стояла глубокая миска, в которой виднелись тонкие полоски перца и огурца. И чего-то ещё, круглого и светло-жёлтого. Такие овощи не достать на рынке, их продают по заказу, минуя прилавок.

— Я тоже не хочу её носить, — ответила я, но тут же поняла, что это прозвучало грубо. Мол, не хочу носить эту, а другую, так ещё подумаю.

— То есть, я хотела сказать, что не могу её принять, — добавила я, смотря на его руки и широкий острый нож, так быстро нарезающий мясо, будто это масло.

— Можете, сами знаете. Присаживайтесь! Да положите её куда-нибудь!

Рысь прекратил своё занятие и аккуратно, с помощью того же ножа ссыпал нарезанное в общую миску.

— Вы любите готовить? — спросил он, когда я, поставив коробку на сейф, присела за стол. Через два стула от Рыси.

— Нет. Совсем нет.

Честно и прямо. Вот и пусть не строит иллюзий на мой счёт. В приюте готовить не учат, помогать на кухне, это да, но дальше чистки картошки или нарезания капусты дело не шло. Мол, ничего путного эти девочки не смогут сделать, только напортят, а продукты и нынче, и тогда были не дешёвы.

— А я очень люблю готовить. Некоторые рецепты собственного сочинения по праву моя гордость.

Рысь говорил так непринуждённо, словно это была светская беседа или приятельский задушевный разговор.

Он подошёл к шкафу и достал оттуда кадушку с маслом. С проворностью ловкого кулинара с помощью маленького серебряного черпака полил содержимое миски подсолнечным маслом.

Оно, кстати, тоже недёшево. Ванда, любительница печь пироги и сладкие булочки, часто жаловалась на рыночные цены.

— Вы ведь голодны? Вот и перекусим. Против вина из моих запасов вы, надеюсь, не возражаете?

Я лишь мотнула головой. Запах от стряпни Рыси шёл потрясающий, да и выпить мне не повредит. Для храбрости и дерзости в ответах.

И потом, если я откажусь, то так и не узнаю то, за чем пришла.

Рысь достал фужеры из шкафа, оттуда же появился графин с вином.

— Скатерти здесь нет, не обессудьте.

— Ничего, я благодарна вам за приглашение разделить обед.

Слова пришлось подбирать, стараясь не обидеть Короля мошенников, но и гнуть свою линию поведения. Сейчас мы выпьем, может, Кестер и проговорится. Не о деле, так о своём прошлом.

Оно интересовало меня не меньше, чем информация о цели путешествия и моей роли в нём.

Рысь поставил передо мной белоснежную тарелку с вкусно пахнущим содержимым и пододвинул фужер, в который уже до краёв налил вина. Сам же сел напротив.

— За наше удачное путешествие, София!

Он поднял фужер и улыбнулся мне через стол. В голубых глазах промелькнуло нечто такое, что заставило насторожиться.

Я тут же почувствовала невероятную лёгкость, ударившую в голову. Все заранее заготовленные вопросы показались малозначимыми, а планы неосуществимыми.

— А знаешь, — медленно произнёс Рысь, делая маленький глоток. — Я ведь не просто так взял в это путешествие тебя.

Глава 5

— Я это уже поняла, — ответ вырвался сам собой. Я смотрела в глаза Рыси и боялась, что первой отведу взгляд.

Это как с опасным хищником, которые иногда встречаются на твоей тропе в лесу. Нельзя подавать вид, что боишься, что не имеешь права здесь находиться.

Тогда он отступит. Наверное.

— И какова твоя версия происходящего? — Рысь откинулся на спинку стула и тихо засмеялся.

Он молчал и пил вино, но не сводил с меня цепкого взгляда, от которого у меня мурашки по спине толпой бегали. Как и от его внезапного перехода от внешне нейтрального «вы» на тесно-доверительное «ты».

Я кожей чувствовала, что ему уже хочется перейти к другой фазе нашего общения и боялась, что даже не смогу сделать вид, будто оскорблена. И отказаться не смогу, таким, как он, не отказывают.

А потом прикипают сердцем к беззастенчиво-откровенному взгляду и уже жить не могут вдали от своего соблазнителя.

Кандалы и обязательства, возложенные на тебя другими, ничто по сравнению с добровольно надетым ярмом. К тому же оно сначала кажется лишь красивой атласной лентой.

Я молчала и смотрела на него, чувствуя себя до крайности поглупевшей и разомлевшей. В вино не было добавлено магии, я бы это ощутила.

Значит, правы были господа-распорядители и благотворители приюта, когда утверждали, что женщина — существо незрелое и потенциально греховное.

Только и ждёт наша натура, пока кто-то придёт и заставит её опуститься на колени или шёлковые простыни.

— Вы сказали, что я буду вашим посохом. Но во мне малый магический объём, — слова давались мне с трудом.

Я словно брела через болото: ноги вязли, а я, опираясь на крепкую палку-разум, заставляла тело предпринимать невероятные усилия. И шла вперёд в надежде на то, что выйду на твёрдую землю.

— Верно, София. Но ты не настолько слаба, какой кажешься на первый взгляд. И артефакт тебя усиливает. Я уже говорил тебе это. Впрочем, не ко времени эти разговоры. Ешь, ты голодна, — он щёлкнул пальцами, и мой разум наконец достигнул тверди. Я очнулась.

Взглянула на тарелку с едой и поняла, что Кестер прав. Соппротивление его магии почти истощило меня, но я выстояла.

А тот факт, что Рысь и не задействовал по отношению ко мне полную силу, сейчас принимать во внимание не хотелось.

Блюда, приготовленное им, и вправду было необычайно вкусным. Тёплым и хрустящим. А ещё от него пахло беззаботной жизнью, о которой я всегда мечтала, и в которую для себя лично почти не верила.

— Я не приму от вас подарков, — произнесла я, промачивая губы салфеткой. На этот раз надобности смотреть в глаза не было, достаточно того, что я чувствовала на себе его внимание. — Я понимаю, к чему они ведут.

— Ну и что?

— Как это что?!

Я всё-таки не сдержалась и вскинула на Кестера удивлённый взгляд. Неужели не понимает?! Или не хочет понимать?

Он медленно поднялся, всё так же сжимая бокал с вином на доньшке, обошёл стол и встал рядом.

— Ну, действительно, что?

Налил себе вина и снова отпил глоток, будто его мучила жажда.

— Ты женщина, а я мужчина. Ты не аристократической крови, даже если тебе нравится это воображать, а я не люблю придворных жеманниц. Я не предлагаю тебе ничего такого, что могло бы оскорбить неглупую приютскую выпускницу.

— Вот, значит, как! Если из приюта, так сразу девочка из салуна?!

Я громко звякнула столовыми приборами и хотела вскочить на ноги, чтобы немедленно уйти. В этот миг даже не думала о том, что уйди я из его комнат, это ровным счётом ничего не изменит.

Рысь найдёт меня по следу, зато этот разговор состоится при других обстоятельствах.

Когда я к нему буду готова.

— Сиди уже, неугомонная девчонка! — он положил руку мне на плечо и заставил опуститься на место. — Я не собираюсь говорить, что ты на одной ступени с женщинами, торгующими собой. Такие меня не интересуют. Я лишь имел в виду, София, что ты гораздо лучше знаешь жизнь, чем выпускница частного благородного пансионата. И не разочаровалась в ней, барахтаешься, карабкаешься наверх, несмотря ни на что, и делаешь это с огоньком. Именно это мне в тебе и нравится. Ты не ханжа, милая.

Кестер положил одну руку на стол, другую — на спинку моего стула. Наши глаза оказались на одном уровне, я ещё никогда не видела его так близко.

Еле заметная морщинка под правым глазом, синева на левой скуле, и губы. Я не могла не обратить на них внимания: не тонкие и не чувственные, они одновременно притягивали взгляд, хотелось ловить каждое слово, ими сказанное. Чтобы потом умело на него возразить.

— София, у нас гораздо больше общего, чем ты думаешь, — он провёл тылом кисти по моей щеке, и я чуть не потянулась за этой лаской. Однако благоразумие, выпестанное годами жёстких наставлений в приюте и здравым смыслом, взяло верх над желанием поддаться очарованию Рыси.

Я понимала доводы обольстителя. Он имел в виду, что приютской девочке всё равно придется себя продать, так лучше сделать это с тем, к кому чувствуешь симпатию.

И кто способен по достоинству тебя оценить. Сильный характер, жизнестойкость, даже строптивость, а не только смазливую мордашку и несорванный бутон невинности.

— Знаете что?! — Мой голос дрожал от возмущения, а внутри поселилась усталость. Я сейчас скажу те слова, которые должна, но, возможно, однажды, когда жизнь перестанет дарить мне подарки задатком, я о них пожалею. — Забирайте свою шляпку и больше не утруждайтесь на мой счёт!

Мне всё-таки удалось выскользнуть и очутиться у двери в кабинет, а там и до коридора рукой подать.

— А Ле Шатона я вам не отдам, вы и из него сотворите циничную сволочь!

Рысь стоял, скрестив руки на груди и наслаждался моей отповедью. Я уйду, и он снова нальёт себе вкусного сладкого вина, от которого так кружит голову, а я выпью спаригическую настойку.

Горькая, зато трезвит разум и даёт силы. Настоящие, не призрачные, как сладкое будущее, обещанное Королём мошенников.

— Стой! Я тебя не отпускаю!

Я бы хотела уйти, но он прав: не могла. Физически что-то мешало.

Маг уровня Рыси смог бы и подчинить мою волю настолько, что я бы позволила ему всё, что только он захочет. Но ему это было бы неинтересно.

Он обошёл меня кругом, как статую, и остановился, поддев указательным пальцем мой подбородок, чем заставил встать на носочки.

— Когда-то я предпочитал что-то изысканное, редкое, приторное, но теперь холодная родниковая вода кажется гораздо вкуснее, — медленно, разделяя паузами слова, произнёс он, глядя в глаза.

Это должно было окончательно поработить меня, но я зацепилась за единственно верное слово, пришедшее на ум. Я назвала его по имени.

— Кестер! — прошептала я. — Пусти!

В голубых глазах промелькнул не то страх, не то болезненное осознание вины, Рысь отступил на два шага, и я чуть не упала вперёд.

А потом, обретя свободу и не говоря больше ни слова, бросилась к выходу.

Глава 6

Быстро спустившись по лестнице, я сразу натолкнулась на Гастона. Толстяк с растерянным видом стоял у стены чуть поодаль и держал поводок с щенком, бывшим на самом деле замаскированным алхимом.

Ле Шатон первым заметил меня и радостно подал голос. Пока я беседовала с Рысью наверху, на постоянный двор прибыло ещё несколько экипажей, и теперь в таверне и около стойки для регистрации было не протолкнуться.

— Когда мы выезжаем? — спросила я Гастона так, будто это было жизненно необходимым знанием именно сейчас.

— К вечеру, — толстяк немного удивился вопросу, но тут же выпалил то, что имел сказать: — Ваша спутница уже поднялась в комнату, мне велено проводить вас туда же. И его.

— И меня, — радостно закивал Ле Шатон. — Туда уже еду принесли.

Я даже обрадовалась, что мне не придётся обедать внизу под сальными взглядами усталых и развеселившихся от хмеля мужчин.

Вино выветрилось из моей головы, эйфория и лёгкость прошли, теперь мне хотелось поесть, потому как салат наверху я только попробовала, чем раздраконила аппетит, и лечь спать.

— Хорошо, показывайте, куда идти.

Я взяла львёнка на руки, чтобы в толпе никто случайно не наступил ему на лапу, а то больно будет бедняжке, да и кто знает, как Ле Шатон способен защищаться. Наверняка плюётся ядом, или в его когтях скрыта смертельная угроза.

Наверху я перевела дух и старалась не смотреть на ту дверь, из-за которой недавно вышла. Наш путь лежал в конец коридора, где ковровая дорожка резко поворачивала вправо.

В тупике и находилась дверь в нашу комнату.

— За вами зайдут, барышня. Отдохните пока, выезжаем, как стемнеет.

Я не стала спрашивать, какой смысл путешествовать под покровом ночи, да ещё в Непроторенном лесу, но сдержалась. Гастон знал едва ли больше моего.

— Входи скорее, да дверь запри, — скомандовала Ванда, когда я переступила порог комнаты, довольно просторной, хоть и с простым убранством. — Зачем ты его с собой притащила? Ах да, мы теперь под приглядом должны быть.

Хозяйка хмуро посмотрела на Ле Шатона, а львёнок, вмиг принявший привычный облик, проигнорировал её недовольства. Он встряхнул ушами, в два прыжка оказался на кровати и принялся умываться лапой, совсем как кошка.

— Давай сначала эликсир приготовим, а потом уже поедим и отдохнём.

Я с тоской посмотрела на остывающие тарелки с мясом и овощным рагу. Судя по запаху, готовили в таверне неплохо.

И даже хлеб принесли, ржаной, пышный, наверное, ещё тёплый. Но спорить с Вандой не решилась: ей видней, что мы сперва должны сделать.

— Отдала подарок? Вот и здорово, теперь ничем ему не обязана. Надеюсь, он не одарил тебя новыми безделушками? Драгоценные цепи крепче кандалов, София. Помни это.

— Да я помню! — раздражение вырвалось у меня помимо воли, я сразу покраснела под пристальным взглядом хозяйки и опустила глаза. — Простите, я просто устала.

— Плохо, это только начало пути. Я тут подслушала, что на место мы прибываем через дня три. Значит, это городок Нордингс, маленький, но весьма популярен для того, чтобы делать дела подальше от столичного надзора.

— А зачем нам это знать? — осведомилась я, чтобы как-то сгладить неловкость от моей грубости. Ванда любит, когда я интересуюсь всем, что она говорит. Мол, не бывает ничтожных знаний. — Меньше знаем, больше шансов выжить.

— Это справедливо для твоего приюта. Да ещё для салуна мадам Фик и ей подобных.

Ванда развила бурную деятельность. При всей внешней ладности и неповоротливости, когда было необходима, она становилась подтянутой и энергичной, словно гончая.

Вот и теперь она вытащила на стол все свои склянки и баночки с настойками и сухими травами. Раскладывала быстро, со знанием дела и одновременно не забывала поучать меня.

— Рано тебе ещё вересковый эликсир делать, да ничего не попишешь! Сама вижу, что он от тебя не отстанет, — бормотала она.

— Почему? — спросила я тихо, присаживаясь на кровать рядом со свернувшимся в клубочек Ле Шатоном. Львёнок втихаря дожевал почти весь хлеб, выделенный нам с хозяйкой на двоих, и теперь осоловелым взглядом время от времени посматривал на меня.

Я погладила его по голове, и алхим замурчал.

— А ты слушай внимательнее, а не отвлекайся на того, кто передаст ему все твои слова, — Ванда повернулась ко мне, уперев руки в бока.

Я отдёрнула руку.

— Ле Шатон не шпион.

— Это верно, женщина, — зевнул львёнок. — Я охранник, а не летучая мышь. Мне прятаться ни к чему.

Ванда снова проигнорировала Ле Шатона, а только кивнула мне, чтобы подошла поближе. Я встала и приблизилась с тем благоговением, которое всегда испытывала, наблюдая за её работой.

Хозяйка указала на баночку с сухой вербеной, я аккуратно высыпала траву на чистую белую тряпочку, которую мы всегда стелили перед началом работы на стол.

Тряпочка обязательно должна быть чистой, чтобы не оскорбить траву и те силы, через которые она приносит пользу.

Взяла две горсти, как на пальцах показала Ванда, и ссыпала их в ступку. В этот раз хозяйка не давала устных наставлений, она была суеверна и тщательно оберегала свои секреты от посторонних, даже если это только заснувший на кровати львёнок.

После того как я растолкла траву в порошок, добавила щепотку красного перца, вербену и залила всё винным спиртом, Ванда сама зажгла от лампы, стоящий на подоконнике, переносную горелку и показала ставить колбу в треножник, расположенный над ней.

Я тщательно размешивала содержимое позолоченной ложкой, а потом, едва оно закипело, сняла с огня. Уже хотела было затушить горелку, как Ванда схватила меня за руку и прошептала:

— Знаешь, что такое трава ползучего гада?

Я оторопела и покраснелась. Хорошо, что можно подумать, будто от жара горелки, а не от стыда. Вот только недавно что-то такое читала, но вот прямо сейчас оно не вспоминалось.

— Нет, — вздохнула я. — Не помню.

— Чабрец. Давай его сюда. Да поставь уже колбу, а то прольёшь. Пусть остывает.

Я опустила глаза и только тут заметила, что свободной рукой держу железные щипцы с горячей колбой, перехваченной ими у основания.

Опустив её на маленькую квадратную подставку, отложила щипцы в сторону и потянулась за баночкой со светло-фиолетовыми мелкими цветочками. Высыпала две горсти и по указке Ванды и добавила ещё одну сверху.

— Вот сюда сыпай, это не настой и не эликсир, — тихо сказала она и взглянула на закрытое окно. — Окуривать тебя будем. А пока быстро напомни мне свойства ползучего гада.

— Помогает зачать ребёнка, оберегает от порчи или навета, снимает тягу к горячительному, — старательно перечисляла я, сдерживаясь, чтобы как в школе не загибать пальцы.

— И от магии некоторых тоже спасёт. По крайней мере, от любовного воздействия. Чувствую мне, тебе это необходимо.

Больше мы не разговаривали. Я старательно растолкла цветы чабреца, положила порошок тонким слоем на металлическую пластину с начертанными знаками Луны и Солнца, а также неизвестных мне элементов, и поставила её на треножник.

Вскоре сизый дым тонкой струйкой взвился в потолок. Я с опаской посмотрела на спящего алхима, обычно животные чувствительны к дыму, но тот спал без задних лап, чуть подрагивая пернатым кончиком львиного хвоста.

Тем временем хозяйка щипцами взяла пластину и, бормоча что-то себе под нос и махая рукой в мою сторону, чтобы направить дым, обошла кругом. Я глубоко вдохнула чуть сладковатый запах и даже не закашлялась.

— Можно теперь убирать, — скомандовала Ванда тоном генерала на плацу, что даже Ле Шатон вздрогнул, приоткрыл глаз, но вскоре только потянулся и заснул крепче прежнего.

— Спасибо, вы так ко мне добры, — я от души поклонилась ей и принялась убирать со стола.

— Может, я и не так добра, как тебе кажется, — спустя некоторое время, когда мы сели пообедать и выпили на двоих вересковый эликсир.

По словам хозяйки он защищал от грубой силы. Никто теперь не сможет заставить нас что-то делать не по своей воле. Действие его продолжится до истаивания Луны.

И от магии Рыси он защитит хорошо. От той, что связана с одурманиванием разума любовной лихорадкой.

— Есть, говорят, у него такая сила, — зашептала Ванда, наклонившись ко мне так, что я видела своё отражение в её круглых глазах. — Может заставить человека, если тот нервничает или эмоционален, испытывать гнев или страсть. Но, если только сам чувствует нечто схожее. Так что берегись, София, его. Он не просто так тебя позвал с собой. Выгода у таких на первом месте, а чувства всегда на пятом.

Глава 7

— Хозяин велел передать, чтобы вы спускались, — послышался голос Гастона, находившегося по ту сторону двери.

Ванда категорически запретила мне её открывать и пускать мужчину.

«Заметит что-нибудь, потом доложит, кому следует», — уклончиво ответила она, имея в виду запах от сгоревшего чабреца или склянки с эликсирами, которые мы ещё не успели спрятать в недра саквояжа и сумок.

Ле Шатон в присутствии моей хозяйки говорил мало, старался не лезть под ноги, и она смирилась с его присутствием, хотя и по-прежнему недовольно кривила тонкие губы, когда её взгляд натыкался на алхима.

Словно тут же вспоминала о нём и о том надзоре, который лъвёнок олицетворял.

— Мы так же поедем в своём экипаже? — на всякий случай спросила я у хозяйки, когда вещи были собраны.

— Боишься, что он посадит тебя в свой? Или надеешься на это? — засмеялась она, и мне оставалось только улыбнуться в ответ. Спорить смысла не имело.

Ванда была уверена, что я очарована Кестером и только и мечтаю, как бы оказаться с ним рядом. Правда заключалась в том, что я его боялась.

И себя боялась. Всех.

Наши вещи снёс вниз тот же амбал, который помог нам с ними ещё дома. И получил наконец заслуженную золотую монету.

— На целый пискаль можно месяц пить в таверне, — резонно заметила я, желая напомнить Ванде о её бережливости. Сама же просила меня об этой услуге.

Мол, забываюсь иногда, веду себя, как богатая фифочка. При этом Ванда морщила нос и жеманно, в насмешку над такими особами, поводила полными плечами и томно вздыхала. Даже алхим рассмеялся, когда это увидел.

— Можно. Иногда надо потакать чужим слабостям.

— А своим? — я была неумолима.

Отчитала же меня хозяйка за глупое поведение с Рысью, теперь настала моя очередь.

— Тоже. Главное, не забываться. И не стать вот такой.

Ванда кивком указала на светловолосую девицу с полуобнажёнными плечами. Её платье, фривольно открывающее доступ к тем частям тела, которые добропорядочной даме надо держать закрытыми, намекало на род занятий.

Я было уже хотела сказать что-то по этому поводу, как девица, спускающаяся по лестнице впереди нас, обернулась.

Я думала, она сама по себе или прибыла с одним из господ. Дамы её профессии, бывало, разделяли тяготы пути за особую плату.

Но это была она, Лада! Мы с ней познакомились на рынке, я тогда только недавно прибыла в Плауполис и никого здесь не знала. Как и Лада.

Она была немагичкой. Без способностей к магии, но довольно хорошенькой и смешливой. Никогда не унывала. Мне тоже было не до печали, я считала, что ещё чуть-чуть, и весь мир зелёным ковром расстелется перед Софией Габелл, желающей поступить в обучение к мастеру травницкого ремесла.

И вот сейчас наши пути с Ладой снова пересеклись. Интересно, она обслуживает только косого или...

Додумать я не успела, Ле Шатон сердито ткнулся мокрым носом в мою руку, а Ванда, уже смекнувшая, что к чему, взяла меня под руку и принялась громко сетовать на тонкие стены здешних комнат.

— Совсем нет покоя, — говорила она, перекрикивая топот ног и шум, который всегда сопровождал подобные места. Кто-то уезжал, иные только вселялись. — Такое можно услышать, что подумаешь, в бордель попала.

Это она сказала специально. Лада вспыхнула до корней пшеничных волос и отвернулась. Зато я обрела способность двигаться и что-то делать.

— Я бы хотела с ней поговорить, — нарушила я молчание, когда мы сели в экипаж, и он медленно выехал за ворота. — Мы когда-то снимали вместе комнату.

— Странно, что она не приобщила тебя к своему делу. Девушка, не комната, конечно, — произнесла Ванда с выражением брезгливости. — Видно, что девочка хваткая. По головам пойдёт, если выгодно.

— Наверное, как и многие, — бросила я и отвернулась к окну.

Этот разговор принимал неприятный оборот. С Ладой мы жили неплохо, пока не накрыла полиция, и я не оказалась на улице. Приятельница и вправду намекала, что я могу хотя бы подзаработать с её помощью.

В борделе, если ты невинная особа, платят в первую неделю повышенные чаевые. И клиенты любят таких.

А потом можно забыть обо всём. Если память позволит.

Но я не хотела думать, что Лада завидовала мне, Ванда ведь на это намекала. Даже если так, то я бы хотела ей помочь.

Когда-то мечталось вытащить её со дна, увлечь в другую жизнь, где девушке не надо продавать себя, чтобы прокормиться. Не требуется становиться прачкой, чьи руки съедает щёлочь, или горничной, что часто не сильно отличается от проститутки.

Поэтому, несмотря на уверения всех вокруг начиная с приюта, заканчивая образованным обществом и купчими людьми, я хотела стать членом гильдии травников.

И стала им, правда, не совсем честным путём. И не моя в том вина.

— Женщина, я тебе нравлюсь? — вторгся в мои мысли голос львёнка. Иногда он смешно растягивал слова, как бы пробуя их на

вкус, слушая эхо собственного голоса.

— Конечно. Очень, — ответила я от души. — Ты не можешь не нравиться.

Я погладила его между ушек, и Ле Шатон довольно заурчал.

— Но я могу быть опасен для тебя.

— Это точно, — поддакнула Ванда, на всякий случай отодвигаясь в дальний угол. Она сидела на скамье напротив, так что хозяйке в любом случае ничего не угрожало.

— Вас, людей, привлекает опасность, — продолжил Ле Шатон, сверля меня зелёными глазами. В полутьме экипажа, а свет мы приглушили, чтобы не резал глаз, они светились, как две драгоценности.

Ванда только вздохнула. Видимо, была с ним согласна.

— Я хочу с ней поговорить, — произнесла я спустя какое-то время, пока мы слушали стук колёс. — Нехорошо делать вид, что мы незнакомы. Или что я брезгую ей.

— А это не так? — живо отреагировала Ванда и спрятала выбившуюся прядь седоватых волос под цветастую косынку. — Ну и ладно, если не так. Твоё дело, я тебе не нянька и не мамушка. Знаешь, ты вроде девка бойкая, пронырливая, до секретов охочая, а сразу видно, что из приюта.

— Что такое приют, женщины? — Ле Шатон впервые в поисках ответа посмотрел сначала на Ванду, а лишь потом на меня.

Хоть он и выглядел как детёныш, однако алхим был существом, тесно знакомым с повадками и с обычаями людей. Но не со всеми.

— С чего бы видно? — от досады я вспыхнула и хотела было уже огрызнуться. Ох уж это приютское прошлое! Как клеймо!

— А с того, что ты и шагу не можешь ступить без чьего-либо одобрения!

Ванда впервые говорила со мной так резко. Я слушала и молчала, потому что понимала, что раз говорит, ей на меня не всё равно. Это давало иллюзию защищённости.

— А дальше... — продолжила она мысль и замолчала на полуслове.

Я смотрела в окно, хотя там и не было ничего интересного. Сквозь тёмную занавеску были видны только очертания пейзажа.

— А что дальше? — наконец решилась спросить я. Наверное, скажет, что я паду жертвой обольстителя. Если не Рыси, так кого другого.

— А дальше Непроторенный лес.

Глава 8

— Вы слышите? — шёпотом спросила я, когда день начал клониться к вечеру.

Экипажи, которых стало на один больше, чем когда мы выехали из Плауполиса, двигались медленно, то и дело останавливаясь, чтобы всадники, сопровождающие нас, могли разведать обстановку.

Наверное, Рысь очень опасался слежки, слишком уж неторопливым было наше продвижение. Может, ждал кого, кто должен был присоединиться к нашему отряду?

Вряд ли столичный Король мошенников опасался местных разбойников.

— Что такое, женщина? — мгновенно проснулся алхим, порядком отлежавший мне руки.

Ле Шатон оказался тяжёлым, но, соприкасаясь с его шерстью, я чувствовала, как мои невеликие способности обостряются. Или это тоже действие серебряного амулета-зеркальца?

Сейчас это было неважно, спать мне почти не хотелось, Сила переполняла меня, желая излиться вовне, я только ждала подходящего случая.

Ваанда, напротив, всё больше спала, будто хотела отдохнуть заранее, пока это ещё было возможно.

— Что ты там услышала? — спросила она, не открывая глаз.

— Шёпот. Это травы говорят. Но совсем по-другому, нежели в нашем лесу.

Ванда, кряхтя распрямила спину и посмотрела в окно, отдёрнув занавесь.

— Скоро Непроторенный лес. Я тоже его чую. Но слышать травы — это твоё умение. О чём они говорят?

— А я ничего не слышу, — обиженно заявил алхим и наконец слез с моих колен, устроившись на скамейке рядом. — Зачем слышать то, что не может тебе навредить?

— Это тебе не может, — огрызнулась Ванда, задёрнув занавеску ещё плотнее.

Хозяйка впервые обратилась к Ле Шатону напрямую. Наверное, если наше путешествие продлится достаточно долго, они даже подружатся. — А нам, так очень даже. Так что они говорят, София?

— Сейчас, — сказала я и закрыла глаза, аккуратно потёрла виски пальцами, чтобы не отвлекаться на посторонние шумы.

Лес впереди манил. Не напрямую, деревья почти ни о чём не говорили, только шумели кронами в небесах о том, что лето не бесконечно, и скоро всё здесь надолго замолчит.

А травы, кустарники всюду звенели и голосили. «Приди к нам и попробуй сладких чёрных ягод, они такие спелые, мои ветки ломаются под их тяжестью».

«Не ешь волчьих ягод, — шептал другой, тоненький голосок. — Путник, иди ко мне, мои ягоды дарят прохладу и утоляют жажду, и они вовсе не ядовиты. Ты просто останешься здесь навсегда. С нами».

«Они все останутся, — вторили им остальные. — Мы не решаем, кого пустить на наши тропы, но выпускаем не каждого».

Я быстро пересказала Ванде всё то, что услышала.

— Не страшно, — отмахнулась она. — Я пучки окопника нам по сумкам распихала, он защитит нас во время путешествия от нападения другой травы.

— О, я не знал, что на вас могут напасть травы? — удивился алхим и уставился на мою хозяйку.

Впервые не с пренебрежением, не как на слугу, он обычно так и глядел на любого постороннего человека, а с уважением. Конечно, не как на равного, но уже не как на «бесполезного двуногого».

— Как это возможно, у вас есть ноги, а у них нет, — продолжил окончательно проснувшийся алхим.

— А не всегда ноги уберегут от опасности, — Ванда снисходительно улыбнулась Ле Шатону. Так говорят с маленькими несмышлёнышами. Теми, кто не знает даже основ этого мира. — Они ведь могут нести не от беды, а к беде.

— Так голова на что вам, женщины? — фыркнул Ле Шатон. Шерсть на загривке у него встала торчком, его высочество алхим изволил нервничать.

Я аккуратно протянула руку и погладила его по голове, на что лвьёнок мотнул ей с целью попытаться отстраниться, но когда я почесала его за ушком, он растаял и позволил ласкать себя дальше.

— Не всё так легко, — примирительно сказала я. — Голова может хотеть одного, а сердце другого.

— Верно, — переливчато засмеялась Ванда. Совсем как девушка. — И ноги несут в ту сторону, куда хочешь прийти на самом деле.

Мы с хозяйкой переглянулись. А Ле Шатон только отвернулся к стене и, свернувшись клубочком, снова заснул. Видимо, думать о сложностях людей ему не хотелось.

— А ты дальше слушай, — напутствовала меня Ванда и, удобно устроившись, тут же задремала вновь.

Я старалась выполнить поручение хозяйки, но не за тем, чтобы выслужиться, а чтобы развить свои способности.

Слушать растения всегда было приятно, они не говорили попусту. Передо мной открывался целый новый магический мир трав, которые могли бесконечно выдавать знающему свои секреты.

Я сама и не заметила, как меня сморил сон. В нём я видела розовый куст, он протягивал мне свои бутоны, уверяя, что из их лепестков я приготовлю розовую воду. Стоит обмыть ею руки того, кого выберу, и он уже не сможет противиться чувствам.

А если добавить в неё и настойку омелы, то любовь непременно принесёт удачу нам обоим, но будет недолгой. И мятную ванну можно принять, потому что листки душистой мяты — мужской травы, они привлекают внимание достойной особы.

Травы знают много средств заставить если не полюбить, то привлечь внимание зазнобы, но ни одно из них не действует дольше лунного месяца. Опоить нужного человека несложно, опять-таки, если он не сильный Маг.

А если сильный, то опоить может он. Поэтому так уж мудро повелось с давних времён, Маги общаются с себе подобными, чтобы сохранить Силу и приумножить её.

Я проснулась на закате. Экипаж остановился, и Ванда, не дожидаясь приглашения, вышла на воздух. Я, схватив под живот сонного алхима, поспешила следом.

Непроторенный лес насуплено молчал. В наступающей темноте его высокие деревья казались стражами границы чудесной, но

жестокой страны, не допускавшей чужаков. Граница между лесом и полем проходила так чётко, будто её провели искусственно.

Вот здесь ещё были владения людей, виднелись их строения и путевые столбы, а тут начиналась непроходимая чаща. И тот факт, что лес молчал, не добавляла хорошего предчувствия.

— Вы когда-нибудь бывали здесь? — шёпотом спросила я Ванду.

Рысь и его соратники тоже вышли из экипажей, и косою помощник Кестера направился напрямиком к нам.

— Вы знаете, что делать, — сказал он Ванде, и та коротко кивнула, а потом махнула рукой.

Мол, отойди, не мешай.

Я же смотрела не на лес, хотя он и привлекал внимание, а на Ладу, стоявшую на подножке экипажа.

Её золотистые волосы, наспех заколотые с боков, разметались по спине и ловили последние лучи заходящего солнца.

И я поняла, что мне кровь из носа необходимо переговорить с ней. И как можно скорее.

Подходящий для этого случай именно сейчас. Кто знает, что случится позже.

Я решительно, видя, что Ванде моя помощь не нужна, направилась к бывшей приятельнице.

Глава 9

— Здравствуй, София! — улыбнулась Лада, как только я приблизилась к ней на расстоянии вытянутой руки. — Как поживаешь?

— Неплохо. Я всё-таки получила членство в гильдии травников, — ответила я и для чего-то закатала рукав платья, с гордостью показав переливающийся зелёный знак на руке.

— Очень за тебя рада.

Вот нравилось мне в Ладе, что она никогда не язвила и не была завистливой!

Со стороны всегда казалось, что она вполне довольна своей ролью. Послушать Ладу в те времена, так она чуть ли не благодетельницей и хранительницей семейного очага себя считала.

Мол, я и выслушать мужчину могу, и приголубить так, что все печали его развеются, а сам он, отдохнув душой и телом, возвратится в

семейное гнездо и к жене станет чуть добрее. Довольному мужу любая угодит.

— А ты как? — спросила я, чувствуя себя немного виноватой.

Всё-таки я добилась пусть не почёта и уважения, но вполне приличной и в будущем денежной профессии, а она так и осталась девочкой мадам Фик.

Хотя могло быть и хуже, я слышала, что в некоторых борделях девочки вынуждены обслуживать по семь клиентов за ночь.

Мадам Фик сама хвасталась, что у неё всё по-другому. Не более пяти клиентов за ночь. И не менее трёх.

— Прекрасно. Господин Робинсон выкупил меня на целый месяц, так что теперь я, почитай, почти достойная девица.

Я рассеянно кивнула.

— Очень рада, что мы встретились вновь, — сказала я искренне и протянула ей руку в знак дружбы.

Всё ещё испытывая неловкость и стыд, что не пыталась разыскать её раньше.

Никогда не была из тех, кто чурается девочек из борделя. Тем более, что Лада поддержала меня, предложила вместе снять комнату, когда я никого в Плауполисе ещё не знала. Даже начинать с чего обживаться, не ведала.

— Ладно, мне пора. Увидимся ещё и поболтаем, — произнесла я, краем глаза заметив, что Ванда пошла к Непроторенному лесу в одиночку с пустой корзиной наперевес.

Хозяйка меня не звала, но я почувствовала, что сейчас должна находиться рядом с нею. И Ле Шатон, которого перед тем как подойти к Ладе, передала Гастону, тоже поскуливал и колотил пернатым хвостом по животу толстяка.

— София, погоди минуту! Я слышала от Пьетра, что мы едем в Нортингс к каким-то важным господам. И тебя им везём.

— Прямо так он и сказал? Везём Софию Габелл?

Я нетерпеливо посматривала на удаляющуюся фигуру Ванды. Времени на разговоры совсем не было. Два дела сразу не сделаешь, как не разрывайся!

— Нет. Сказал, девушка им нужна. Заплатят они за неё чистым золотом. Не поскупят за ценой, какую ни назови.

— Я найду тебя, и мы ещё поговорим, — бросила я через плечо, уже повернувшись, чтобы бежать, подхватив юбки.

Работа с Вандой Многорукой стоит любых тайн Короля мошенников. Сначала обучение ремеслу, потом выяснение, стоит ли доверять сведениям Лады.

Общение с хозяйкой научило меня скептически относиться к словам любого. «Каждый может обмануть. И обманет, когда будет выгода», — ворчала она, дымя на террасе трубкой.

«И вы?», — обычно спрашивала я, прищуриваясь точь-в-точь, как она, когда хотела сказать что-то важное.

Ванда молчала и усмехалась, выпуская колечки дыма вверх.

— Я здесь, хозяйка, — задыхаясь, проговорила я, когда поравнялась с Вандой.

Шла она аккуратно, словно опасалась, что наступит на кого-то живого и очень сердитого.

— И хорошо, хотя я тебя не звала. Ты до обмена ещё не доросла.

— Это когда вы что-то даёте лесу и просите взамен ясной дороги и прямой колеи? — настало время показать Ванде свою образованность.

Я гордилась собой. Ритуал «обмена» был описан только в одной тонкой брошюрке, первой купленной на рынке столицы.

Упоминалось в нём и в книге, приобретённой в лавке старьёвщика. В ней говорилось, что для этого нужна ритуальная кукла, сшитая из атласа и шёлка.

Дорого стоил такой откуп, но и гарантировал беспрепятственный проход. А это иногда дороже всех богатств мира. Потому как речь шла о жизни путешественников.

— А зачем нам корзина? — я снова решила нарушить молчание.

Очень уж хотелось знать малейшие тонкости. В деле травницы один неверный шаг сводил на нет все усилия.

— А мы и свои дела поделаем. Заодно, — улыбнулась Ванда и, посмотрев на меня, подмигнула.

На границе Непроторенного леса было так холодно, что даже несмотря на дорожный плащ, я задрожала.

От деревьев-исполинов веяло суровой недоброжелательностью. Так стражи на воротах крепости смотрят на чужаков, прибывших издалека и с явно дурными намерениями.

Пустить поближе, чтобы допросить, или выпустить стрелу да и закончить на этом?

Вдруг нижние ветки ясеней и тополей дрогнули, и между ними показалось что-то белое. Я вскрикнула и поневоле схватила Ванду за руку, а потом, осознав, что стою, крепко вцепившись в запястье бедной женщины, пробормотала извинения и отпустила её.

Что бы там ни пряталось между ветвей, но оно затаилось. Затихло, но не исчезло.

Я так же ясно чувствовала это, как и то, что лес выжидает чего-то.

Ванда поклонилась ему и тихонько произнесла нараспев:

«К тебе во владение идём, хозяин лесной.

Ты от нас дар возьми, наш поклон прими.

Пособи в пути, чтобы все дороги пройти.

Чтобы всё ладно сложилось, дело со словом скрепилось».

Не дожидаясь, пока эхо её слов поглотит чаща, Ванда достала из кармана передника куриное яйцо и катнула его по земле к корням деревьев.

Я внимательно следила за всем, беззвучно шептала, повторяя за хозяйкой слова её песни, стараясь запомнить их, и они находили отклик в моей душе.

Казалось, я когда-то уже бывала здесь, но всё позабыла, а теперь лес, незримо шурша листьями веток, приветствовал меня, как давнюю знакомую.

Яйцо докатилось до корней первого дерева и внезапно ушло под землю. Пропало из виду, словно лесной покров поглотил.

Принял дар.

Я уже было хотела спросить хозяйку, зачем мы здесь стоим, ведь надо поворачивать обратно, как ветви деревьев зашелестели, и между ними показалось белое лицо.

Рыжие распущенные волосы кудрями ниспадали на плечи и спину незнакомки. Она была юной, почти девочкой, одетой в зелёное платье. Не успела я моргнуть, как девочка превратилась в девушку.

Она смотрела на нас без малейшего любопытства, и от её взгляда веяло чем-то чужим, нездешним, равнодушным. В груди шевельнулся страх.

Я впервые столкнулась с чем-то настолько мощным и одновременно разумным, что даже растерялась.

Ни Чёрные Тени, ни Ле Шатон не были столь сильны, в них всё же чувствовалось присутствие человеческой Силы, а то, что сейчас смотрело на нас, было абсолютно чужеродным.

Оно могло убить одним взглядом. Просто ради забавы.

Девушка поманила нас и исчезла, отступив под сень своих деревьев.

Глава 10

— Что нам делать? — прошептала я, хотя интуитивно понимала: идти следом.

Ванда посмотрела на меня и дала знак следовать за ней.

Я помнила, что нам обязательно надо зарыть под корнями одного из старых деревьев куклу, набитую свежей крапивой, в знак нашего почтения и как просьбу не чинить препятствия.

Но раньше я полагала, что лес пусть и живой, но не имеет столь материальной формы. Девушка, похожая на лесавку, духа той, кто сгинула в лесу много лет назад, пугала меня.

Лесавки безвредны, только пугать и могут, а от незнакомки веяло огромной Силой. Неведомой и недостижимой для человека.

Даже для сильного Мага, как Рысь. От последнего шло тепло, как от огня, который может быть ласковым, но и вмиг превратиться в пожар и пожрать всё живое.

Его огонь манил меня, как мотылька. Я не хотела и думать о нём, но мысли сами текли не в том направлении.

— Мы пойдём с вами!

Я вздрогнула, когда услышала слова Кестера за спиной. Он бесшумно подошёл сзади и выглядел столь решительным, что мне показалось, что он тоже видение.

Рядом с ним, чуть поодаль держался рябой. Увидев меня, он приподнял шляпу, с которой не расставался ни днём, ни, должно быть, ночью.

— Дух леса может быть против, — скривилась Ванда, но услышав, что это не так, возражать не посмела.

Наверное, у неё с Рысью и раньше бывали совместные дела, хозяйка понимала, что спорить с Королём мошенников себе дороже. Ещё и покровительства можно лишиться.

— Я понимаю язык животных, а Ленрок — отличный боевой маг. Мы сможем защитить вас.

У меня возникло чувство, что Кестер хочет объясниться со мной. Чтобы я не думала, что он просто следит, как бы мы не сделали что-то запрещённое. И не собрали те травы, которые могут ему повредить.

Например, кипарисовик. Ванда говорила, что стоит подлить его мужчине в чай с заговорёнными словами, как на сутки он потеряет силу. И мужскую, и магическую.

Иногда и минута решает судьбу, а в сутках много минут.

— Никто не сможет нас защитить, если Непроторенный лес решит отнять наши жизни, — ответила я словами трав, растущих вдоль широкой тропинки. Да я и сама это сразу поняла, стоило один раз посмотреть в светло-зелёные глаза рыжеволосого духа.

И Кестер не мог этого не знать, но вот он здесь. Рядом со мной, держится чуть в стороне, но надёжно прикрывает мне спину. С чего бы такая щедрость? Или Лада права, я нужна ему для каких-то дел на Севере.

Именно я, не Ванда.

Мы вступили в лес, и он заговорил, запел на разные лады. Откуда-то появились птицы, мелкие пичужки прыгали с ветки на ветку, смоляные вороны важно бродили вдоль тропы, склоняя головы на бок и внимательно следя, чтобы мы не уклонялись от курса.

Иногда они каркали, будто переговаривались: «Всё идёт по плану».

Когда я поделилась своими соображениями с Рысью, он не засмеялся, не сказал, что я фантазирую и от страха воображаю невесть что.

— Вороны кричат, что мы глупы, раз решили пойти за Форин. Это дух Непроторенного леса.

— Значит, вы не первый раз видите её? — догадалась я.

Конечно же, ведь Рысь уже путешествовал на Север. Вряд ли он ехал по объездной дороге, тогда можно обогнуть заколдованное место, но на путь уйдёт целый месяц.

— Первый. Раньше она никогда не показывалась, София, — произнёс Кестер, сделав упор на моё имя. Мол, это ты тому виной. Или наградой.

Ванда обернулась и цыкнула на нас.

— Соблюдайте тишину. Вы не на романтической прогулке.

Было в глазах хозяйки что-то такое, что заставило меня замолчать. Наверное, страх.

Я никогда не видела, чтобы Ванда чего-то боялась, даже когда мы обнаружили Чёрные Тени, она и то бесстрашно кинула им дымовую завесу. И подходила близко, чтобы убедиться, что всё кончено.

Дорога привела нас к раскидистому дубу. Я слышала, про Непроторенный лес, что дорог в нём столь много, что каждому путнику полагается своя. И кончается она по-разному. Некоторых ждёт награда, других — опала.

Ванда совсем не выказала удивления, что дуб, который минуту назад был почти сухим, стоило ей подойти к дереву, зазеленел. Я двинулась было следом за хозяйкой, чтобы подметить, как она общается с Форин, но Рысь схватил меня за запястье.

Я вырвалась, вернув ему осуждающий взгляд. Так и хотелось сказать: не лезь ни в своё дело! Я тебе никто, чтобы ты так обо мне беспокоился.

Ожидая, что мужчины останутся, где стояли, я двинулась вперёд, Сначала несмело, шепча охранные заклятия, которые выучила наизусть, читая книги в библиотеке приюта.

Тогда я и подумать не смела, что они мне пригодятся не в защиту от разбойников, а для умилоствления леса.

Сделав несколько шагов, я поравнялась с Вандой и так же, как и она, опустилась на колени. Из кармана белоснежного передника хозяйка достала крапивную куклу, похожую на невесту. Она была вся с ног до головы окутана атласом, даже фата имелась.

Жалко хоронить такую красоту, но необходимо.

Ванда подала мне лопатку, с помощью которой мы выкапывали корни растений, и я поняла её без слов. Надо сделать ямку. Достаточно глубокую и широкую, чтобы в ней поместилась кукла.

Я принялась за работу, чувствуя на себе взгляды мужчин, а когда закончила, опустила глаза и смотрела только на куклу, опускаемую в землю.

Мы преподносили лесу щедрый дар: крапивная невеста защитит лес от Магов. Плауполис давно хочет забрать Силу леса, подчинить её, но города строятся и разрушаются, а Непроторенный лес был здесь с самого начала времён.

Рысь самолично подал мне руку, чтобы помочь подняться с колен. Я отряхнулась и внимательно следила, как рябой помогает встать Ванде. И как хозяйка милостиво принимает его помощь, будто королева кивает вассалу.

Я глядела на них, чтобы не чувствовать волнения оттого, что Кестер положил мне руку на плечо.

Он хотел уберечь меня, убедиться, что я не исчезну, но в его заботе мне чудилась лишь личная выгода. Лада не просто так сказала: Рысь везёт меня на Север, чтобы продать кому-то. И только.

Мне надо выяснить все обстоятельства этого дела до того, как мы прибудем в пункт назначения.

«Иди ко мне, София, — услышала я грудной женский голос. Он нёсся откуда-то сбоку, из чаши со стороны, где цвёл дикий каштан. — Я научу тебя любовным зельям. Будешь вызывать любовь и гасить её. И ядам обучу. Сильным, быстрым и медленным, когда жизнь уходит по капле. Ты слышишь меня, София?»

На мгновение перед глазами встала крапивная невеста. Она лежала в яме, невинная дева, приносимая в дар по чужой воле, и сверху на её белоснежное платье падали грязные комья земли.

«Я слышу тебя, Форин, — мысленно подумала я. — Но я не могу остаться с тобой. У меня другая судьба».

«Путь долгий, дорога небыстрая. Люди недобрые», — было мне ответом, и шёпот в ветвях деревьев стих.

Мне дали время на раздумье.

Глава 11

— Ты любишь запах лаванды, София? — спросил меня Рысь, когда мы возвращались к экипажам и оставленным возле них людям.

Я вздрогнула от неожиданности, Кестер вторгся в мои мысли, нарушив их ход так же бесцеремонно, как и много дней назад этот Маг вошёл в мою жизнь. Сначала я сама пришла к нему по деловой надобности, но потом...

Иногда мне казалось, что с той поры он следил за мной.

— Люблю, — ответила я с лёгкой полуулыбкой кокетки.

Ванда и рябой шли впереди, они не разговаривали и держались друг от друга на почтительном расстоянии. Я вдруг подумала, что мужчина боится моей хозяйки не меньше, чем она его.

А вот Кестеру, кажется, неведом страх.

— Лавандовые ванны дарят вещие сны, — продолжил беседы Рысь. Он нарочно шёл так медленно, тем самым заставляя и меня подстраиваться под его шаг.

— Это ложь, — ответила я излишне резко. Близость мужчины меня тревожила. Вдруг он решит, что раз я так мило с ним беседую, то и согласна стать его любовницей на время пути? — Лаванда только дарит успокоение и здоровый сон.

Я покосилась на Рысь, но он шёл, засунув руки в брюки и смотрел себе под ноги.

Слава богам, он не стал продолжать мысль, что эта трава способна подарить двоим страсть и невероятно обострить телесные переживания любви. Хотя, конечно, разговор о лаванде зашёл не просто так!

У Кестера ничего не бывает просто так!

— Я знаю в Непроторенном лесу одну поляну, где она цветёт так буйно, что глаз радуется. Прости за высокопарность. И не сердись на меня. Но моё предложение в силе, я бы мог защитить тебя.

— А так не можешь? Просто по велению души? Только за услугу? — ответила я и остановилась, заметив, что незаметно перешла на «ты».

Настроение было хуже некуда, а в раздражённом состоянии я могу наговорить ужасные вещи. Те, что неприлично высказывать вслух, но о которых все думают.

— Зачем мне это? — пожал он плечами и обернулся с насмешливым взглядом. Его голубые глаза приняли хищное выражение. Так ведут себя те, кто знает цену своему покровительству. — В Плауполисе полно юных и прекрасных дев, понимающих правила игры. Думай, София. Я не всем делаю предложение дважды.

И он ушёл вперёд походкой оскорблённой добродетели. Мол, я тут с тобой вожусь, а ты ещё и губки дуешь да смеешь раздумывать. Ложись, вон, под меня на этом поле с лавандой и получай удовольствие!

В приюте часто говорят вслух такие вещи, от которых бы покраснела приличная барышня. Да только приличные туда не попадают, а раз подкинули, значит, судьба стать чьей-то содержанкой. И радуйся, если к тебе будут добры и щедры.

Так рассуждали все. И приютские ханжи-воспитательницы, они словно радовались, что им, старым девам, посчастливилось хоть на медную монетку, но больше.

Так рассуждала и директриса, важно кивая нам с трибуны во время очередного праздника. Я до сих пор помню её тонкие сиреневые губы и чёрную шаль, с которой дама не расставалась.

Смотрите, говорила эта накидка окружающим, я почтенная вдова и забочусь о сиротах, я не такая, какими, как бы я не старалась, станут эти девчонки с затравленным взглядом брошенного матерью лисёнка.

Я думала, что Кестер хотя бы постарается сделать вид, что он рассуждает иначе. Что он ценит мою настойчивость в достижении цели, моё стремление к знаниям и обретению ремесла, которое не полагалось по праву рождения. Нет, дулю вам с маслом!

Как и остальные, Рысь думал только о том, как бы попользоваться мной побыстрее.

Я оглянулась. Непроторенный лес манил, вон он, только руку протяни. «Каждому я воздаю по заслугам. Я — дерево правды», — шептал лесной орех, шелестя листьями.

— Пойдём скорее, здесь нельзя останавливаться, — увлекла меня за руку Ванда, хотя я уже хотела повернуть обратно в чашу.

Форин, или как там называли этого лесного духа, казалось, искренне заинтересована в моих способностях.

— О, вернулись, — принялся прыгать вокруг меня алхим, когда мы подошли ближе. — Я уже хотел на помощь бежать.

И Ле Шатон так посмотрел на державшего поводок Гастона, что тот немедля его отпустил.

— Что-то не очень торопился, — хмыкнула Ванда, и я впервые увидела, как львёнок смутился. Его морда из песочной стала пунцовой, а потом побледнела.

Я подхватила животное, а я предпочитала думать об алхиме, как о диковинном звере, а не сгустке магической энергии, под брюхо и подняла на уровень своих глаз.

— Ты боишься леса? — тихонько спросила я, и алхим только вздохнул.

Держа его на руках, я осторожно вернулась к экипажу и заняла привычное место внутри. В тишине да без посторонних глаз говорится легче.

— Боюсь, — признался алхим, чем заслужил мою ласку. И вовсе не потому, что как утверждала хозяйка, устроившаяся напротив, что я привечаю всех слабых, а потому что имел смелость сказать правду. Не каждый на это пойдёт.

— Я буду рядом. А почему боишься? — продолжала я расспрос, выразительно взглянув на хозяйку, чтобы та не вмешивалась.

Гладила алхима по бархатной шёрстке, чесала за ушками, увенчанными кисточками, и тот расслабился. Устроился на моих коленях и, зевнув во весь рот, издав что-то среднее между рыком и вздохом, произнёс:

— Я создан человеком. Мне чужда и непонятна магия леса. А здесь она такая...

— Мощная? — подсказала я, чувствуя, что сейчас услышу что-нибудь важное.

— Приворотная и вязкая, — ответил алхим и тут же заснул.

— Вот прав, стервец, — зашептала хозяйка, когда мы тронулись и медленно покатали в сторону леса. Ванда выглянула за занавеску и тут же плотно задёрнула её. — Непроторенный лес — место сильное, не сказать чтобы гиблое, но явно неприветливое.

Я быстро пересказала то, что говорила мне Форин, и Ванда только нахмурилась:

— Ничего хорошего не жди. Поняла она, что ты душа неискушённая, знала, чем завлечь. А ты не поддавайся! Никому!

Какое-то время мы ехали молча, а потом я решилась спросить напрямую:

— Скажите, вы, правда, не знаете, зачем Рысь взял в путешествие меня?

— Ты у него самого спрашивала? Ну так, что ты с меня хочешь?! — был мне недовольный ответ. — Я так тебе скажу, девонька, я потому всё ещё работаю да жильё справное имею, что не лезу в чужие дела. И тебе не советую.

— Это не чужое дело, оно касается меня, я чувствую это, — упрямо возразила я.

Ванда только усмехнулась.

— Значит, примечай детали. Раз Рысь ничего тебе не сказал, то и не скажет. В любом случае, София, даже не думай сбегать в

Непроторенном лесу. Дороги там круговые, захочет Форин, не найдёшь путь обратно. Навеки её станешь.

Глава 12

— Мы здесь надолго? — спросила я у амбала, когда экипажи, проехав полдня по относительно гладкой дороге, остановился у вполне обжитого домика, обнесённого крепким тыном.

Конечно, мужчина и знать не знал ответа на мой вопрос, но задала я его нарочито громко, надеясь, что тот, кто владеет сведениями, услышит и как-то даст о себе знать.

Ванда выбралась из экипажа последней, когда в двухэтажный дом уже начали вносить вещи, выгруженные из экипажей.

Ко мне снова подошла Лада, красавица заплела густые волосы в косу, толщине которой позавидовала бы любая и доверчиво шепнула:

— Пьётр сказал, мы здесь задержимся на пару дней.

— Надо же, — пробормотала я. — А нам говорили, что всё путешествие займёт несколько дней.

В поисках поддержки своим словам я оглянулась на Ванду, но та только хмуро пожала плечами и снова отвернулась к корзине и сумке, указывая амбалу, что с этими вещами надо быть предельно аккуратной.

Я видела только, как съехала на затылок её косынка, обнажив посеребрённые временем и припорошённые инеем волосы, уложенные на прямой пробор.

— Спасибо, что держишь меня в курсе, — обернулась я к Ладе, которая продолжала на меня смотреть с медовой улыбкой на полных губах. — Буду рада, если ты узнаешь о цели нашего путешествия чуть больше.

— Как пойдёт, София, — ответила она. — Я уже и так сказала тебе много. Продадут тебя, а кому, это и Пьётр вряд ли знает. Наш предводитель скрытен.

Лада говорила вполголоса, даря тем, кто кидал в её сторону взгляды, соблазнительные улыбки. Мол, стою, щебечу себе в удовольствие, как птичка. Рада солнцу и теплу. И сплетничаю ни о чём.

Девочка в борделе — профессия, предполагающая не только ублажение мужчин. В некоторых городах, включая столицу, девочки

получали жалование и от бандитов, и от полиции. Сведения, которые они добывали, порой спасли жизни, но чаще губили их.

Ладе такая жизнь была по душе, хотя я всегда думала, что моя добрая знакомая бы с удовольствием вела жизнь содержанки. Дамы полусвета, стоящая вне условностей, не обременённая обязанностями жены, свободная в рамках своей роли.

О будущем такие, как мы с ней, задумывались редко. Для нас оно не предусмотрено.

И лишь я посмела бросить вызов этому незыблемому правилу. Надолго ли? Вот продадут меня какому-нибудь извращенцу в городе, откуда и сбежать сложно, и поминай как звали! Так что, София, твоя цель — выяснить всё до того, как это случится.

«Тот, кто владеет информацией, — говорил сам Кестер, — владеет судьбой».

Однако Ванда права: бежать в Непроторенном лесу — затея плохая. Гибельная.

Если, конечно, ты не хочешь превратиться в лесавку — духа девы, сгинувшей в чаще, и теперь, пока кто-то не найдёт её тело и не предаст останки земле по специальному обряду, она будет скитаться и заманивать путников на потеху Форин.

— О чём ты печалишься? — спросил алхим, когда Лада отошла от нас, а Ванда кивнула мне, мол, давай двигайся за мной.

Я взяла львёнка на руки и погладила.

— О своём будущем.

— А что это?

Ле Шатон был жаден до знаний о людях, он питался магической энергией, которую брал от нас и прежде всего, от своего создателя.

Когда я гладила алхима по шёрстке, кончики пальцев горели, и на них вспыхивали золотистые искорки. Общение с Ле Шатоном шло мне на пользу.

Я так же, как и он, подпутывалась энергией. Или всему виной тот злополучный серебристый артефакт, так похожий на пудреницу? Впрочем, так ли это важно?

— Это то, что ждёт меня завтра или послезавтра. Может, на следующей неделе.

— Точно ждёт?

Вопрос застал меня врасплох.

— Я не знаю. Никто не знает, даже прорицатели не видят всей картины будущего.

— Тогда почему ты о нём печалишься?

Львёнок поднял голову и посмотрел мне в лицо. Его большие умные зелёные глаза светились любопытством.

Мне не осталось ничего иного, чем согласиться с таким подходом. Очень мудро. Жизнь — штука серьёзная, если ты принимаешь её всерьёз. И совсем иная, если получаешь удовольствие от происходящего в настоящем.

Как Лада, как Ле Шатон, как Рысь и компания.

Нам в Вандой была отведена огромная гостиная на первом этаже по соседству с лабораторией. Не знаю, кто здесь жил до нас, но дом и внутри был обжитым, словно хозяева только что покинули его ради прогулки по лавандовому полю, которое, как я и сама чувствовала, находится неподалёку.

В гостиной стояли два одинаковых дивана, застеленных шкурами животных. Я покосилась на алхима, но тот только чихнул.

Само наличие шкур и тот факт, что когда-то они кому-то принадлежали, не возмутил Ле Шатона. Всё-таки я забываю, что он совсем не животное, хоть и выглядит таковым.

— Не люблю бытовую магию, — забурчала Ванда, засучив рукава и скинув рабочий передник. — Но руками здесь отдраивать ничего не собираюсь.

Я уже было хотела возразить, что в уборке гостиная и не нуждается, но вовремя вспомнила, что хозяйка считает даже лёгкий беспорядок или само наличие пыли уже поводом для генеральной уборки. Ванда была патологической чистюлей, что меня, не приученную к подобному, потому как в приюте платье выдаётся девочкам на неделю, это удивляло.

— Помогать будешь? Или ты уже возомнила себя высокородной леди? — бросила хозяйка через плечо странную фразу, но расспрашивать её сейчас было не время.

Отвелась бы, прищурилась и сказала бы так, что охота задавать вопросы пропадёт надолго.

— Конечно, буду. Только и я в этой магии не сильна.

— И я, но посмотреть хочу, — отозвался алхим и спрыгнул с моих рук, тут же взгромоздившись на диван.

Ванда на него только рукой махнула, а мне принялась показывать различные бытовые заклички. Худо-бедно, но мне удалось заставить веник мести пол, а тряпкам протирать окна.

— Ничего не забыла? — сурово спросила хозяйка, когда я отступила на шаг, любуясь собственной работой.

В приюте бытовой магии не обучали, потому что бедной девочке ни к чему растрачивать свой мизерный магический объём на подобные вещи, которые можно и руками сделать. Да, долго, нудно, вредно для кожи рук, но кого это заботит?!

Родилась без роду без племени, так терпи. Не прачка, и то возблагодари судьбу!

— Не поняла, — обернулась я к хозяйке. — Вроде нет.

— А метла? Оно сама паутину снимет? Вот так, дотрагиваешься до черенка и говоришь: «Вымети живое и мёртвое, ползучее и живучее». И смотри внимательно!

Ванда оглянулась на дверь, потом проворно достала из корзины три листочка сухого лавра и сунула их в метёлку. Та мгновенно встрепенулась и принялась за дело. Даже дым пошёл.

Я вначале забеспокоилась, алхим поднял голову и принялся, но быстро успокоился. Дым рассеялся, а в воздухе запахло свежими травами.

— Теперь никакая чужеродная магия сюда не проникнет, — довольно заключила Ванда, потирая ладони.

И посмотрела на меня так хитро, словно приготовила кое для кого очень удачную шутку. Которую он, уверена, не оценит.

Глава 13

— К вам можно? — тихонько постучалась в дверь Лада и, не дожидаясь ответа, юркнула в гостиную.

Её глаза тут же расширились от удивления.

— Ого, это вы так быстро разместились и уже убрались? — произнесла она с восхищением. — Бытовая магия?

— Было б о чём говорить! — фыркнула Ванда, но искренняя похвала Лады была её приятна. Я видела, как она скрыла скупую улыбку под преувеличенно строгим выражением лица.

Хозяйка моя чужаков не любила и относилась к ним настороженно. Будь то амбал из компании Рыси, или девочка из борделя.

Ванда Многорукая не доверяла никому.

Я только сейчас поняла, что её хорошее отношение ко мне, то, как она быстро приняла меня в помощницы, более, чем подозрительно. Никогда не жаловала любопытных, а тут, на тебе! И приют дала, и работу подкинула, и даже в квалификации не усомнилась.

Будто всё равно бы взяла!

— Женщина, ты, которая светловолосая, а ты кто? — вдруг поднял голову алхим.

До этого он спокойно лежал, растянувшись во весь рост на обтянутом шкурой волка диване, даже глазом не повёл, когда вокруг начала летать метла, из которой повалил травяной дым.

— Меня Ладой зовут, — моя приятельница покраснела ещё больше, даже уши порозовели.

Несмотря на прошлое и настоящее, Лада не утратила некой невинности в повадках. Наверное, это и манило к ней мужчин всех мастей.

— Я с вами путешествую.

— Это хорошо, но я хотел спросить, почему ты пуста? Все люди, которых я видел, были полными сосудами. Кто огромным, кто малым, но вот так, чтобы ничего, впервые встречаю.

Львёнок зевнул и присел на задние лапы.

— Много ты перевидал, — заворчала на него Ванда, даром что грязной тряпкой, которую держала в руках, не кинула. — С порога на человека накинуся.

Незнакомцев хозяйка не жаловала, но алхима и вовсе на дух не переносила. Сгусток магической энергии слишком силён и неподконтролен, чтобы с ним дружить.

Терпела его только из-за меня, но лишней воли давать не собиралась. Мол, знай, что люди — это люди, не чета тебе. Даже пустышки.

— Магия во мне не живёт, — тихо ответила Лада и опустила глаза.

К сожалению, пустышки в Плауполисе совсем не ценились. Можно быть проституткой, можно воровкой, деньги, приобретённые после, смоят позор прошлого, но для пустышки всё не впрок. Даже благородная миледи вынуждена будет выйти замуж за человека, гораздо ниже себя по положению.

И тот станет попрекать её при случае, как будто в этом есть её вина.

Я взяла себе на заметку, что надо будет расспросить Кестера о том, возможно ли вырастить магию на неплодородной почве. Раньше мне бы и в голову не пришло такое спрашивать, да только вот с тех пор, как серебряный артефакт попал в мои руки, крошечный магический объём увеличился раза в три. А и это считалось невозможным.

Я бы хотела помочь Ладе и ей подобным. Просто так, потому что не понаслышке знакома с тем отчаянием, с которым они борются по ночам, когда никто их не видит.

— Плохо, — тем временем вздохнул Ле Шатон. — Это как же ты восстанавливаешься после болезни?

— Ой, можно подумать, ты на что-то годен, кроме как мои булочки да творожные ватрушки уничтожать? — снова вставила реплику Ванда, коршуном кружившая вокруг дивана, на котором устроился Ле Шатон. Одновременно она сделала знак Ладе войти и плотно прикрыть за собой дверь.

Я села на диван, погладив львёнка. Мне почему-то казалось, что Ванда хочет не то чтобы обидеть алхима, но проверить, на что тот способен.

— Я могу уничтожать змей, но булочки, старшая женщина, особенно твои, мне нравятся больше. Сделай ещё с той белой нежной начинкой.

Мордаха Ле Шатона стала такой милой, что у меня сердце зашло. Так и захотелось его затискать!

— А ещё что можешь? Или на этом всё? — Ванда походила на инквизитора. Я читала об их дознаниях, когда они хотели уличить Мага в деяниях, направленных против короны. К счастью, такие процессы в настоящее время большая редкость.

— Ещё плююсь ядом. Он способен убивать таких, как ты, медленно и мучительно. Останавливает дыхание, и магия в вас умрёт.

«Всё остальное тоже», — подумала я и уже хотела было прекратить этот разговор, как Ванда добродушно рассмеялась.

— Конечно-конечно, верю. Тогда вопросов больше нет.

Похоже, она узнала то, что хотела.

— Так зачем ты пришла, девонька? — спросила она между тем у Лады. — Если тебя послали приказать нам убраться в остальном доме, то передай, что я не служанка.

Лада ожила и тут же принялась уверять Ванду в обратном:

— Нет-нет, уважаемая, что вы?! Господин Робинсон просил передать вам просьбу нашего предводителя. Ему нужно приготовить ядовитый сок, — Лада покосилась на меня, а потом снова подобострастно уставилась на мою хозяйку. — Чтобы хватило на троих человек. Его запасы почти истощены.

«Интересно, — подумалось мне. — На кого он их истратил?»

— Хорошо, мы с Софией сходим в лес и соберём то, что нужно, — ответила Ванда, берясь за пустую корзину для сбора трав. Она говорила так, словно была королевой и отдавала приказы подданным. — А провожать нас не надо, все знают, что бывает, когда любопытные заходят в лес слишком далеко.

Никто точно этого не знал, по крайней мере я так думала, но спорить с Вандой желания не возникало. Ни у меня, ни у Лады, которая стояла ни жива ни мертва и теребила завязки пояса. Наверное, ждала знака, когда можно будет уйти.

— Иди, Лада, не надо так на меня смотреть! — махнула Ванда. — Передай там, мы выходим немедленно.

После того как испуганная девица удалилась, хозяйка махнула мне, сидящей на диване рядом с Ле Шатоном. Алхим снова свернулся калачиком и заснул.

— Идём, да не цепляйся ты за него! Ничего с нечистью не случится. Вон, бока только отъел. Он неглупый, в лес сам не сунется, а нам бояться Форин не следует. Если, конечно, ты тверда в решении стать отравительницей.

О, я была тверда. Как никогда!

Наконец-то Ванда научит меня не простым составам эликсиров или мазей, а чему-то более сложному. Опасному.

— А правду говорят, что вы сами составили рецепты сложных ядов? — спросила я, когда мы с ней вышли за забор. Никто нас не остановил.

Дорожные плащи, рабочие передники, пустые корзины — ясно, куда и зачем мы отправились.

— Ты вот слышишь голоса трав и растений, а я чую, как их скомпоновать так, чтобы пользу принесли. Ну, или вред, это как пойдёт, — улыбка Ванда стала недоброй, кривой.

Спрашивать дальше я не решилась. Пока не время. Но примечать надо.

Составление ядов, это знание дорогого стоит. Страх окружающих и репутация отравительницы даст мне то, чего не смогло дать происхождение — уважение и богатство.

Бежать в Непроторенный лес расхотелось. Надо держаться людей, а не лесных духов.

Глава 14

— Как это вы не боитесь углубляться в лес? Сами говорили, дорога может завести куда угодно, — спросила я Ванду, когда мы вышли на чудесную поляну, полную крупной, спелой земляники.

Хозяйка не разрешила мне собирать её, только есть столько сколько влезет. И я с удовольствием воспользовалась разрешением: дикая земляника сладкая и такая вкусная, что остановиться невозможно.

Я села посреди поляны, отставив корзину в сторону, и принялась поглощать собранные в подол платья ягоды. Их сок испачкает мне одежду, но они того стоят, а вот моя одежда для путешествий — нет. Её, по-хорошему, выбросить надо.

И купить новые платья. Со шляпками. Но сначала я стану богатой и свободной.

— Завести может, но ничего в мире не творится просто так, — ответила хозяйка и, глядя на мою довольную мордашку, засмеялась и села рядом.

Ванда сняла головной платок и нарвала землянику прямо в него, чтобы после спокойно сесть на солнышке и кушать ягоду за ягодой, пока во рту не сделается земляничная каша, похожая на джем.

— Ты пойми, это у людей намерения меняются ежесекундно, а у Форин, да здравствует её лес на долгие века, не так. Поэтому и не моем мы её ягоды, это оскорбит лесного духа. Всё, что даёт эта земля, даётся нам во благо и для Силы.

— И все равно не пойму, где это вы столько узнали? — не унималась я.

Сидела на траве, вытянув ноги, и ела землянику, чей красный цвет напоминал о крови этой земли. Сути леса.

— Я вот ни в одной книги, а я их читала много, такого не встречала.

— Это моя Магия. Рысь, вон, к примеру, может животными повелевать. Алхимов творить, артефакты ему опять-таки подвластны, а здесь его Сила ослабевает. Среди людей, там другое дело, но не здесь, — сказала хозяйка и посмотрела на меня так, будто в её словах был заключён какой-то шифр. Совет, который нельзя произнести вслух.

— Думаете, не стоит мне ехать с ним на Север?

Я склонила голову набок и прислушалась к внутренним ощущениям. «Стоит», — говорили они. Только можно ли им верить?

— Почему же нет? Человеку хорошо среди людей, а здесь Сила другая. Ты с ней не уживёшься, поглотит она тебя, уничтожит всё человеческое. Ничему и никому нельзя отдаваться полностью, — пожала плечами Ванда, смотря куда-то в сторону.

У меня возникло такое чувство, что хозяйка говорит не со мной, а беседует с призраками своего прошлого. Хочет убедить их и себя, что тогда поступила правильно. И что ни о чём не жалеет.

А мой мизерный, но жизненный опыт говорил обратное: иногда стоит рискнуть и пожалеть. Только делать надо с чувством и с умом.

— Я к тому говорю, что слушай всех, кто хочет тебе помочь, — встрепелась хозяйка, вдруг осознав, что пауза затянулась, а день не бесконечен.

Она встала на ноги, отряхнула подол и взялась за корзину.

— Даже если они только делают вид, что хотят мне помочь? — снова спросила я, наморщив лоб. Все эти намёки, как я от них устала!

Вот хоть кто-нибудь сказал бы прямо: София, хочу от тебя того-то и этого. Впрочем, кое-кто уже и сказал.

Прямо и безо всякого смущения.

А я смутилась. Глупо всё!

— Это не означает, что они тебе не помогут, — ответила хозяйка, посмотрев на меня как на неразумное дитя.

Кажется, она уже начала терять терпение от моей беспросветной тупости. Это как в детской сказке про учёного сома: «Ходит важно, шапку ни перед кем не снимает и намёков тоже не понимает».

Я последовала за Вандой, с сожалением оглянувшись на земляничную поляну. Ягод на ней стало ещё больше, но смотрела я отнюдь не на них.

Посреди залитой солнцем лужайки стояла девушка с распущенными рыжими волосами. На голове у неё был венок из мелких ромашек.

Я даже моргнула, чтобы убедиться, что не сплю. Потом отвернулась и снова посмотрела через плечо. Форин стояла там же, где я её увидела.

Она прижимала к груди букет из розовых цветков олеандра и смотрела так пронзительно, что я почувствовала першение в горле и слабость в ногах.

«Твоя дорога ведёт ко мне, София. — услышала я её голос в голове. Он был завораживающе — певучим. Ноги совсем ослабели и хотели повернуть обратно, усилием воли я заставила себя идти прочь. Вслед за хозяйкой, которая даже ни разу не обернулась. Будто не слышала ничего. — Ты невинна и искусна. Я обучу тебя, как вызывать любовь. И как жизнь отнимать»

— Я не останусь с тобой, — шептала я, отвернувшись от видения, но чувствовала, как в спину смотрят изумрудные глаза лесного духа.

«Ты всем отомстишь. Возвысишься. Все богатства леса твоими будут», — шептала Форин вослед.

Я понимала, почему она так вцепилась в меня: почуял лесной дух смятение в моей душе. Сомнения в тех, с кем я связана дорогой.

Разочарование.

— София, мечтать будешь потом, когда дело сделаем, — донёсся до меня раздражённый голос хозяйки.

Она как раз рассказывала о том, что такое ядовитый сок, и для чего он надобен.

— Планетарное время мы, травники, учитываем мало. Травы сильны сами по себе.

Я кивала и старалась вслушиваться в слова Ванды, заглушив шелест разнотравья. Они все как взбесились разом: устроили перешёптывания, спорили, кому из них я стану служить, когда в лесавку обращусь.

— Вот здесь можно травы собирать? — остановилась, как вкопанная, хозяйка возле ясеня с полусожжённым стволом. Наверное,

молния в него ударила, вон как скрючился, бедный.

Или Форин не угодил.

— Нет, в нечистых местах сбор не ведут. Это на кладбищах, в побитых насекомыми полями, на пепелищах, — затараторила я, словно на экзамене была. Да и была, строго говоря.

Разочаровать Ванду я боялась больше всего на свете. Чуть больше, чем перестать интересоваться Кестера.

Не знаю, что мне в нём понравилось, наверное, просто льстило, что сам Король мошенников заинтересовался моей персоной. Как женщиной.

— Правильно. А ядовитый сок мы забираем... Почему сейчас, в дневное время?

Вопрос застал меня врасплох. Мне вдруг вспомнились голубые глаза Рыси, и холодом мазнуло по шее. Будто он сам прикоснулся ко мне.

Да что же такое? А ещё говорят, любовная магия — враки! Вот легко поверю, что Кестер приворожил меня. Иначе бы я и думать о нём забыла.

— Потому что Слюна Загробного Пса достаточно сильна сама по себе, — ответила я почти не задумываясь.

И тут же увидела то, за чем мы пришли.

Глава 15

— Так значит, мы будем готовить отраву? — спросила я, когда Ванда с моей помощью собрала цветы и стебли волчьего корня.

Я много про него читала, обычные травники использовали аконит лишь для оберега. Считалось, что он, носимый в мешочке на груди, приносит удачу. А ещё не всякий прикрывш, как иногда называли эту траву, годился в дело.

Если растёт близ пещеры, это значит, охраняет вход в другой мир. Я не очень верила, что где-то существуют другие миры, но многие брошюры и талмуды уверяли, что это именно так.

— Про яды в книгах почти не пишут, — словно оправдываясь, сказала я, видя, что Ванда молчит и на вопросы не отвечает.

— Ясно дело, так каждый захочет их приготовить! Все, кто ко мне приходит, говорят, что мышей травить собрались, а дозу берут такую, что на всё мышье царство Плауполиса хватит, — усмехнулась

хозяйка, обернувшись и вытерев пот со лба испачканной в землянике косынкой.

Я кивнула. Понятно, всяк старается выглядеть в глазах травницы лучше, чем есть. Даже если перед ним всего лишь презренная в глазах приличного общества отравительница.

И я задала тот вопрос, который давно вертелся на языке:

— А если вас просят изготовить такой яд, чтобы долго убивал жертву? Ну, чтобы помучить её, как вы поступаете?

Я остановилась и вся обратилась в слух. Есть издержки ремесла, это и так понятно, и всё же послушать Ванду было крайне интересно.

Она снова прервала сбор травы, распрямилась, потёрла поясицу и ответила, глядя на меня:

— Так и делаю такой. Например, из белены можно отвар приготовить. Пропитаешь перчатки и кожная сыпь руки покроет, да такая, что долго не сойдёт. И некрасивые пятна навсегда оставит. Или эликсир из дурмана, он судороги и боли даст, сутки мучиться жертва будет, да на это немногие идут, не бойся. Сутки — время достаточное, чтобы к травнику обратиться, к той же отравительнице, а она противоядие даст.

— Да, я много о противоядиях читала, — кивнула я и снова задала вопрос: — А почему родственники отравленного к целителю не обращаются?

— Дорого, — бросила хозяйка нахмурившись. — Иногда бесполезно. Отравители лучше прочих знают симптомы принятия той или иной травы. Да родственники чаще всего и травят. Иногда брошенные возлюбленные. Ну что, ещё не передумала становиться отравительницей?

Ванда посмотрела на меня в упор и, усмехнувшись, снова присела, чтобы собирать аконит. Я бросилась ей на помощь, дабы хозяйка не подумала, что я только болтать горазда, а как до дела, так ищу отговорки.

Обычные люди собирали прикрыш в перчатках, но травник не мог того себе позволить. Надо чують траву на кончиках пальцев, чтобы и она тебе подчинилась.

Магические свойства раскрываются по-разному. Соберёшь в перчатках, так отвар почти бесполезен будет. Понос вызовет или отрыжку.

— Заканчивай, нам ещё алтарь искать.

У меня аж мороз пробежал по коже. Ветерок остудил покрасневшиеся щёки.

— Прямо здесь? В Непроторенном лесу? — прошептал я, оглядываясь по сторонам.

Я как раз в новой книге, приобретённой в лавке старьёвщика, читала про это. Как искать алтарь для приручения травы, для закрепления связи с ней.

Для этого годится любой плоский камень, стоящий на втором. Только надо найти такие, воззвать к лесу, чтобы место указали.

Искусственно такое не сотворишь, обман трава не простит. Навек силы свои для тебя скроет.

— А что такого? Или ты предлагаешь вернуться в Плауполис и поискать алтарь в лесу близ него? — бровь Ванды взметнулась вверх.

Когда она говорила так отрывисто и резко, то я понимала: недовольна. Травница не имеет права на глупость, отравительница тем более.

— Нам надо будет Форин просить, — полуутвердительно сказала я, облизывая пересохшие губы.

В лесу было тихо, где-то неподалёку тенькала пичужка. Ветер стих. Листья деревьев неподвижно застыли на ветках.

Но Форин всегда рядом, я это чувствовала.

Ванда кивнула и дала знак молча следовать за ней. Я облегчённо выдохнула, хотя бы меня хозяйка не попросила договориться с лесным духом. Я знала, что Форин поможет, но что потребует взамен?

«Возьми вот эти ягоды, они внушают любовь», — стоило подумать о ней, как я сразу услышала голос Форин в голове. И обернулась.

Первое, на что упал взгляд, была омела. Белые невыразительные ягоды покрывали кустарник, висящий на нижней ветке дуба.

«Бери красные, — был дан мне совет. — Они внушают любовь. Засушишь, разотрёшь и в вино добавишь. Тот, кто его выпьет, навек твоим будет».

Соблазн был большим. Такие ягоды целое состояние будут стоить. Красная омела — редкость. Я ещё ни разу её вживую не встречала.

Но у меня в корзине уже лежал аконит, а правило травников гласило: собирать зараз только один вид травы. Опустись в корзину

другую, потеряешь свойство обоих. А вторую корзину брать не следует, оскорбишь траву возможным соседством.

Но выход нашёлся быстро. Много ли для собранных ягод требуется места? Про карманы в книгах ничего не сказано, надо бы Ванду спросить, да не хотелось. Шла она в задумчивости, медленно, а мне бы только ягод десять нарвать.

Я и решилась. Остановилась рядом с дубом, поставила корзину на землю и принялась аккуратно срывать красные ягоды, выискивая их между ветвями и белыми собратьями.

Насчитала ровно двенадцать, спрятала в карман, отвесив поклон омеле и мысленно поблагодарив Форин, а потом, подхватив корзину с аконитом, бросила вслед за хозяйкой, скрывшейся за поворотом тропинки. К счастью, Ванда ушла недалеко.

Некоторое время мы шли молча рука к руке.

— Ну что, — нарушила хозяйка молчание первой, когда мы каким-то чудом набрали на место, пригодное для травяного алтаря. Не иначе Ванда слово какое знала! — Все ягоды омелы собрала? Противоядие готовишь? Или ты птиц на них ловить собралась или кого покрупнее?

Я поняла намёк хозяйки. Ягоды омелы ещё называли птичьим клеем, пичуги на них слетались, если клейстер сделать, только так!

— Только учти, София, они ядовиты, — бросила через плечо Ванда и опустилась перед каменным алтарём на колени.

Я сделала то же самое. Теперь надо смотреть в оба, грядёт самое интересное.

А то, что омела ядовита, так я это знаю. Жаль, Форин не сказала, сколько ягод для бутылки вина требуется. И можно ли будет его потом пить мне. Но ничего, разберусь, книгу свою у старьёвщика приобретённую почитаю.

Мне ведь надо влюбить кое-кого, так, просто для интереса, чтобы о целях пути выведать, а не отравить. Ну а там, как пойдёт, Кестер, как пойдёт!

Глава 16

— Не зевай и смотри! — прикрикнула на меня Ванда, хотя я и так была само внимание.

Стояла позади хозяйки и ловила каждое её движение, стараясь запомнить всё до мельчайших подробностей.

Вплоть до того, как падает свет на каменный алтарь. Возможно, это и не имеет значения, но пока я запомню, а потом, когда будет благоприятная обстановка, спрошу.

Ванда жестом показала, чтобы я достала аконит из корзины и положила на алтарь. Выполнив всё молча, я отошла на место и наблюдала, как хозяйка начала рвать стебли руками.

Рвала она долго, в полном молчании, не обращая внимание на пот, выступивший на лбу, не заправляя выбившуюся из пучка на затылке прядь волос.

Измельчив траву, хозяйка сжала её в кулаках так сильно, что на руках выступил сок. Ядовитый, едкий, у меня даже в глазах зарябило. А когда я вытерла их платком, то Ванда уже собирала жмых обратно в корзину.

— А как же сок? — решила спросить я, когда хозяйка поднялась с колен и вытерла руки всё тем же платком, в который некогда собирала дикую землянику.

— Дома изготовим, здесь только первый этап выполнили, а потом сок приготовим и кому надо отдадим. Ещё до заката управимся. Пойдём, в Непроторенном лесу долго оставаться опасно.

Обратно мы возвращались почти в полном молчании. И на меня вдруг накатило такое отчаяние, что хотелось бежать куда глаза глядят, чтобы ноги устали, а после сесть на поляну и заплакать.

Было даже мгновение, когда я на полном серьёзе хотела выкинуть ягоды омелы и отказаться от своего плана.

Кого я хочу в себя влюбить?! К кому так стремлюсь, как мотылёк на свет? К убийце? Какие бы ни были благородные мотивы у Кестера, это его не оправдывает. «А Ванду? А тебя?», — спрашивала я мысленно и не находила ответа.

— Уже почти дома, — произнесла хозяйка, оборачиваясь и пристально на меня смотря. — Что, тошно стало? Это всё она творит, Форин. Заманить тебя к себе хочет.

— Вы так свободно об этом говорите! Не боитесь? Мы ведь в её владениях.

— А чего мне бояться? — усмехнулась хозяйка и поманила рукой, чтобы я подошла ближе. Мы поравнялись,

Ванда взяла меня под руку и пошла тише. Со стороны, должно быть, мы походили на двух приятельниц, вышедших в лес подышать и

нарвать свежих ягод.

— Я помогаю ей, она — мне. Всё честно. Травниц Форин не трогает, потому что благодаря моему ремеслу люди ходят в лес. Кто в надежде обрести могущество, кто хочет любовь привязать, иные просто из любопытства. Думают, всему сами научатся.

— А я ей зачем?

— Игрушка новая. Дурманит лесной дух, проверяет стойкость, может, просто хочет пополнить свою свиту новой девушкой. Лесавки — её глаза и уши. Заманивают одиноких путников, их тела потом удобряют лес, дают травам новую жизнь. Так испокон веков было, а если прекратится, то Непроторенный лес отступит, как наш близ Плауполиса. Там теперь и лесавку-то не встретишь.

Пока мы разговаривали, тоска отступила. Словно рука, сжимавшая сердце, истаяла, дышалось снова легко, хотелось жить и любить. Подставлять обнажённые плечи яркому солнцу и тёплому ветру.

И быть любимой.

Уже подходя к дому, мне снова пришла мысль отказаться от идеи влюбить Рысь силой. Но уже совсем по иной причине: нужна ли такая любовь-дурман?

Впрочем, я быстро себя одёрнула. Надо думать о будущем, дорога рано или поздно приведёт нас в Нортингс.

К тому, кто с нетерпением ждёт со мной встречи. Беда в том, что я не знаю, не навредит ли мне она.

А знать хочу. Заранее, чтобы обдумать, стоит ли встречаться. И на каких условиях.

Мысли мои ходили по кругу, прервало эту круговерть только появление в поле моего зрения господина Робинсона, встречавшего нас у калитки. Заложив руки за спину, он ходил туда-сюда вдоль забора и с тревогой посматривал то на солнце, то на дорогу, ведущую в лес, по которой мы и вернулись.

— Он ждёт ядовитый сок к исходу дня, — бросил косою и поспешил в дом, опустив голову и пиная мелкие камни.

Ему тоже было не по себе в лесу.

Ванда кивнула. Мол, идём, делом займёмся.

— Зачем он ему так скоро? — спросила я, стоило переступить порог гостиной и плотно прикрыть за собой дверь. Вряд ли это

поможет от прослушки, но мне так спокойнее. — Кого он травить собрался?

— А ты что? — усмехнулась Ванда и снова покачала головой. — В книгах своих только картинки рассматривала? Не знаешь, зачем Слюна Загробного пса Магам надобна? Я вот в твои годы столько не читала, не было ни времени, ни денег, а и то, примечала, слушала свою хозяйку. Мадам Норс была сурова, за любую провинность по рукам палкой била. Но читать меня, пятнадцатилетнюю, она научила.

Я присела на диван, поставив у ног корзину с аконитом. Ванда впервые рассказывала о себе, и мне было до жути интересно узнать, как так вышло, что такую профессию себе выбрала.

То, что в услужение к травнице отдают с началом первой крови, я знала. Это в приюте всем было плевать, как ты станешь на жизнь зарабатывать, им лишь бы деньги отработать, что государство на сирот с магическими способностями выделяет, а как они дальше станут жить, проблема самих девиц.

— Так что притихла? Не знаешь? — вздохнула Ванда, засучив рукава и повязав волосы чистой косынкой. У неё их была целая дюжина: одинаково белоснежные безо всяких опознавательных знаков.

Руки мы с хозяйкой помыли сразу, как пришли. Это первое правило травников: не жалеть щёлочь до общения с травами и после него.

— Аконит помогает расстаться телу с душой, — выпалила я, по рассеянности процитировав первое что на ум пришло. Где-то читала, но вот где, раздери меня подземный мировой червь, не помню!

— Точно. Маги высшего уровня используют ядовитый сок, чтобы на время покидать свою телесную оболочку, — захлопала в ладоши Ванда, словно это было очень забавной шуткой. — Иди помогай, надо растолочь жмых, чтобы соку было в четверть чаши.

— А зачем им выходить из тела? — спросила я спустя несколько минут, в течение которых я усиленно растирала траву пестиком в каменной чаше. Порция за порцией.

— Говорят, силы так можно подпитывать. Но я-то не Маг, не знаю, — был дан мне недовольный ответ, который послужил сигналом. Молчи и работай.

Я так и поступила. Управились мы в две руки быстро. К запаху, чуть терпкому, оставляющему сладость на языке, я быстро привыкла.

А когда закончили, хозяйка приказала проветрить комнату и выгнала меня во двор.

Но отдохнуть снова не удалось. Только присела на резную деревянную скамью, как меня позвали наверх. Лично в покои господина Рыси.

Глава 17

— Удивлена, София? — спросил наш доблестный предводитель, лично встретив меня у порога.

Это уже настораживало, конечно, я не настолько была знакома с Кестером, чтобы делать о его нраве далеко идущие выводы, и всё же таким предупредительным и любезным он бывал только когда собирался просить об услуге.

Представив всё так, будто не просит, а позволяет себе оказать мне честь и допустить к делу. В котором, само собой, для меня выгоды кот наплакал.

— А куда пропал Ле Шатон? — прежде чем сесть за стол спросила я. — Мы вернулись, а его не было в гостиной.

— Он сам себе хозяин. Наверное, охотится на змей где-нибудь за домом. Не бойся, он не отойдёт далеко, лес ему чужой, — беспечно ответил Рысь.

По его, бесспорно, красивому лицу пробежала судорога, словно он делал над собой усилие, чтобы и дальше казаться просителем, а не жестоким хозяином, приказывающем тем, кто не в силах отказать.

Да только просить не привык, вот и не мог долго притворяться!

Я сидела, положив руки на стол. Если бы сейчас меня увидели кто-нибудь из воспитательниц приюта, только бы закатили глаза и процедили сквозь зубы: «Даже воспитание не может исправить то, над чем трудилась природа».

Это означало: свиное рыло не превратится в оленью голову, даже если обзаведётся красивыми ветвистыми рогами.

— Помнишь, я показывал тебе свою шкатулку с артефактами? С тремя пластинками?

Он продолжал ходить вокруг, время от времени останавливаясь за моей спиной. Наверное, ему доставляло удовольствие смотреть на меня снизу вверх, когда я находилась в таком наиболее уязвимом положении.

Даже зверьё не позволяет противнику или чужаку зайти себе с тыла. Мало ли, вцепится в шею, и всё. Приехали.

— Помню. Говори, пожалуйста, прямо. Что от меня требуется?

Вместо ответа Рысь в один шаг оказался рядом на соседнем стуле, который ещё подвинул так, что наши головы почти соприкасались над столом. Два заговорщика обсуждают планы.

— Ты знаешь, зачем мне ядовитый сок аконита?

— Слышала от хозяйки, — ответила я, пытаюсь высвободить руку, но Кестер ловко завладел ей, поглаживая большим пальцем тыл моей кисти. Эти движения можно было назвать лаской, но мне её не хотелось.

Не такой.

Вернее, может, я бы и приняла ухаживания, если бы те не были столь прямолинейно-откровенными.

Правда, когда он так смотрел на меня, разум туманился. Я вспомнила все намёки Ванды, она говорила, что Кестер способен заставлять людей делать то, что ему надобно. Не всех и не всегда, если только они сами расположены сказать «да».

— Мне надо покинуть тело, чтобы перед прибытием в Нортингс напитаться Силой. Наполнить магический объём до краёв. Но без помощника в таком деле не справится.

— Можешь попросить своих, — язык у меня еле ворочался, я смотрела в насыщенно-голубые глаза и думала о том, что мне хочется узнать о нём много больше, чем Кестер готов мне показать.

— Не могу. Они тоже сильные Маги. Рано или поздно захотят занять моё место. А если я не вернусь, Сила перейдёт к ним, а ты — другое дело. Ты не Маг, и я доверяю тебе.

И снова он смотрел так, словно хотел проникнуть в душу. Не запугать, не вызвать жалость, а бросить вызов моему природному любопытству.

— Это будет полезно и тебе. Сможешь узнать обо мне чуть больше, чем известно всем остальным.

— А зачем? — упрямылась я и всё-таки убрала руки под стол.

Сердце колотилось в горле, настолько ситуация была необычной и волнующей одновременно. Вот сейчас самое время, чтобы попросить расспросить о цели путешествия. И не надо будет к омеле прибегать. Обман был мне не по душе.

Не верила я в любовь, вызванную зельем. Не любовь это, а наваждение.

Дурман.

— Считай это жестом доброй воли. Я раскрываюсь перед тобой, даю сведения, которые никому не разглашал. Даже мои соратники знают обо мне меньше, чем узнаешь ты. А чего ты ещё хочешь? Давай говори, я послушаю! Денег, наверное?

Рысь начал за здоровье, а потом, видя, что его подарок не оценили, ощетинился и разобиделся. Ох уж эти мужчины! Верно правду говорят, как малые дети, которым отказали в подарке!

— Хочу знать, кому ты собрался меня продавать в Нортингсе? — выдохнула я и подняла на Кестера глаза.

Он стоял рядом, сложив руки на груди, и смотрел задумчиво, прикидывая, сказать правду или солгать. То, что он раздумывал, уже давало надежду.

— Все женщины — сороки! Да и некоторые мужчины тоже! — усмехнулся Рысь и отошёл к окну.

Некоторое время он молчал, рассматривая что-то на заднем дворе. А потом взял в руки ту самую шкатулку с тремя артефактами-пластинами и аккуратно поставил передо мной, не открывая крышки.

— Договорились, моя травница. Ты поможешь мне, а я удовлетворю твоё любопытство. Отвечу на три вопроса, честно отвечу, но только на три.

— Почему на три? — осмелела я, чувствуя неловкость и одновременно какое-то волнение, когда он вот так нависал надо мной со спины. Его руки покоились на спинке моего стула, если бы Кестер захотел, он вполне мог бы коснуться подбородком моей макушки.

От этой близости, от связанной с нею опасности, меня бросало в пот и в холод. Хотелось говорить с ним, обсуждать цель путешествия, спросить совета, в конце концов. Отчего-то, не иначе как по глупости и по неопытности, я доверяла этому мужчине.

Королю мошенников! Ну не смешно ли?!

И не хотела, чтобы наше путешествие закончилось скоро.

— Почему не два? — голос Рыси раздался над самым моим ухом, и я вздрогнула. Он почти обнимал меня, заключив в кольцо рук. — Считай, что я к тебе равнодушен.

— И поэтому хочешь продать другому мужчине? — вся горечь, которую принесла мне эта новость, едва я услышала её, выплеснулась наружу.

Я резко встала, выскочив из силков, расставленных на дурочку без роду без племени и отступила, как назло, зацепившись за стул. Упала бы, если бы Кестер не оказался таким проворным и не подхватил меня, обняв за талию.

Я испугалась и в первое мгновение даже не пыталась вырваться, но вскоре вспыхнула и отчеканила:

— Пусти!

— А то закричишь?

С Кестером никогда нельзя было понять, шутит ли или говорит серьёзно.

— Нет, а то откажусь! — ответила я как можно громче. Собственный голос придавал сил и помогал справиться с предательской дрожью в коленях.

Надо запомнить и записать, чтобы читать перед сном после молитвы: «Он тебе никто. Ты сама по себе. Всегда помни это, София».

Дрожь прошла, и меня наконец отпустили.

— Хорошо, договорились. Приходи вечером после заката. Да ядовитый сок не забудь. Хозяйка тебе скажет, сколько надо принести.

Глава 18

— Я не причиню тебе вреда, — звучал у меня в ушах голос Кестера, когда я медленно спускалась по лестнице.

Казалось, он говорит искренне, но я уже никому не верила. Только начнёшь доверять, так обязательно обманут. И всё же без веры в дружеское или не очень, но заботливое плечо рядом жить становилось совсем тоскливо.

Я и Ванде доверяла, и Ладе. Потому что это были те люди, которые в трудный для меня момент протянули руку помощи. Неважно, от одиночества ли, по приказу или потому что боялись.

— София, как хорошо, что я тебя нашла! — улыбнулась Лада, стоящая у подножия лестницы. Она ждала, пока я спущусь и не начинала говорить о деле. — Ты сейчас свободна?

И она покосилась в сторону гостиной, за чьими закрытыми дверями всё ещё ворожила Ванда. Я знала, что как бы хозяйка ко мне хорошо ни относилась, а время от времени ей требовалось побыть

одной, чтобы готовить такие отвары или настойки, знать о которых мне пока рано.

Ещё Ванда любила сидеть над чистым листком бумаги с огрызком грифеля и думать, смотря в одну точку перед собой. В эти моменты она напоминала мне творца или Мага, изобретающего нечто волшебное.

В какой-то мере так и было, Ванда составляла зелья. И что самое удивительное, они работали не хуже общеизвестных!

— Свободна, — уверенно ответила я. — Ты хотела прогуляться по опушке леса?

— Как ты догадалась? Это какая-то магия?

На лице Лады мелькнул испуг. Как всякий лишённый Силы, она наделяла тех, кто ею обладал, беспредельными возможностями.

— Нет, просто я помню, как тебе было тяжело долго сидеть взаперти.

— Верно, — расслабилась она и засветилась от счастья, что я согласилась на прогулку.

Делать и вправду было нечего. В дальнем зале собрались мужчины, туда соваться точно не следовало. Судя по громким голосам, доносившихся с их половины, выпито там немало.

Ванде моя помощь сейчас без надобности, войти в гостиную нельзя. Так бы я могла взять какую-нибудь из книг по травоведению или ядам и посидеть на скамейке, но тревожить хозяйку не хотелось. Все мои деньги, которые я предусмотрительно возила с собой, я пересчитала ещё в дороге.

Хватит их ненадолго. Если сбегу в Нортингсе, то надо будет найти работу. Травницей становиться пока рано, да и искать меня будут. Потом подкоплю и домик приобрету, дело открою. Если сбегу...

За сохранность имущества в сумке я не переживала. На ней было зачарованное заклятие, которому меня научила хозяйка. И лично его наложила, так что теперь никто, кроме меня, не мог к этой сумке прикоснуться.

Да и имущество у меня небогатое: деньги, завёрнутая в платок цепочка из белого золота и дешёвые золотые серёжки. Ещё книги. Тряпки — дело наживное, их можно не считать.

Поэтому гулять с Ладой я отправилась с лёгким сердцем, заодно и отвлекусь.

До заката оставался час или около того.

— Заходить далеко не будем, — сразу сказала я, и Лада молча кивнула. Может, она хочет что сообщить мне вдали от посторонних ушей?

Мы вошли под сень дубов и замедлили шаг. Лес молчал.

Он подавлял волю и желание говорить, но всё же я начала расспрашивать Ладу о том, что она слышала о моей будущей участи, но знала она и вправду немного. Везут для какого-то пожилого господина, богатого, одинокого.

— Ты не расстраивайся, — пыталась утешить меня на свой манер бывшая приятельница. — Это хорошо, что он богатый и одинокий. Хозяйкой в его доме станешь, денег проси на подарки, их потом продать можно. Скажи, что украшения любишь.

Советы лились из уст Лады, как кисель из мифической реки благоденствия, я уже было хотела остановить её, как внезапно услышала знакомый рык.

Дала знак спутнице замолчать, и Лада застыла на месте, так и не закончив свою мысль о том, как правильно выпрашивать подарки.

Осторожно, стараясь не шуметь, я раздвинула ветви деревьев и выглянула туда, откуда мы с Ладой только что пришли. Не обманулась!

Ле Шатон охотился за змеей, проворно уползающей из-под его когтей. Хвост с длинными перьями на конце сердито колотился по земле каждый раз, как полоз выскальзывал и уползал прочь, явно нацелившись спастись от преследования в лесу.

— Эй, малыш! — радостно и негромко вскрикнула я, но лес заглушил мой голос, словно и не кричала я вовсе, а шептала.

Лёгкое беспокойство, родившееся в груди с того момента, как я поняла, что и выйти из леса не могу, словно натыкаюсь на невидимую стену, переросло в панику, потому что я услышала шёпот трав: «Не спорь с Форин, — говорили они. — Это её добыча. Лучше иди к нам, мы расскажем тебе свои тайны».

— Что происходит? — очнулась от оцепенения Лада и принялась жаться ко мне, боязливо озираясь по сторонам.

— Молчи и держись рядом. Ни на шаг не отставай, — бросила я через плечо, но говорить это Ладе было излишним, она и так от ужаса почти вцепилась в мою руку.

Объяснять сейчас времени не было.

«Не мешай, он и не человек вовсе», — прилетел шёпот Форин. Я всё ждала, что владычица леса выйдет к нам, но она не хотела тратить время на разговоры с людьми.

Они глупые и не поймут разумных объяснений: всё в мире взаимосвязано, всё должно питаться, Сила, протекающая в тонком мире, не безгранична. Поэтому сильный поглощает слабого.

— Отпусти его! — закричала я. — Всех нас отпусти!

— Тогда оставайся сама.

И я перестала ощущать присутствие Форин. Тем временем полоз просто исчез в густой траве, а Ле Шатон находился в опасной близости от границы леса.

Он очнулся и помотал головой, зашипел и ошетинился, но ожившие ветки дубов уже тянулись к малышу. Что делать, я не знала.

— Может, это поможет? — зашептала в ухо Лада, и тут же вложила в мою ладонь кинжал.

Стоило прикоснуться к холодной рукоятке, как я сразу почувствовала источник Силы. Своей, человеческой, близкой по крови.

Выставив лезвие вперёд, я ударила им по веткам, и они сразу расступились. Выпустили нас.

На морде Ле Шатона, собиравшегося драться до последней капли крови, если она вообще в нём имелась, проступило такое изумление, что если бы не обстоятельства, я бы захохотала.

Но смеяться будем потом, когда окажемся под крышей дома.

— Не отставай, — крикнула я Ладе и, подхватив алхима, бросилась наутёк.

— Подожди меня, — пыхтела сзади моя спутница, упав, потому что наступила на подол платья.

— Её можно бросить, в ней нет Силы, — вставил своё слово алхим, за что тут же легонько получил по носу.

— Всех можно. Тебя же не бросили, — ответила я и подбежала к Ладе, помогая ей встать.

Как только мы добежали до дома, на лес и на наш домик, стоящий в нём, опустилась ночь.

Глава 19

— Что вы там делали? — тряс меня за плечи Кестер, когда опасность миновала, и вся наша честная компания оказалась в безопасности в стенах временного убежища. — Зачем ушли от дома?!

Что случилось после того, как я помогла Ладе подняться, запомнилось плохо. Кажется, куда-то бежали, я кричала, и на крик, больше похожий на сдавленный стон и хрип, высыпали мужчины.

Ванда пыталась протиснуться вперёд, разгоняя свиту Рыси, локтями, но он опередил её.

Побежал навстречу и в два прыжка очутился рядом. Подхватил меня на руки и, не давая ничего объяснить, понёс в дом. Ладе помог её кавалер, я бы ни за что не позволила бросить её.

Чувствовала спиной, затылком, что Форин в ярости, ощущала, что она протягивает руки-ветви, чтобы схватить алхима, который, к слову сказать, спокойно свернулся клубочком в моих руках и даже замурлыкал. Прикрыл глазки и притворился спящим.

Мол, у меня нервы и всё такое. Не троньте, дайте отлежаться.

Стоило нам переступить порог дома, как Рысь толкнул ногой дверь в гостиную и опустил меня на диван и, бесцеремонно схватив Ле Шатона за шкирку, поставил его на пол.

На четыре мягкие лапы, и львёнок недовольно фыркнул.

— Скройся с глаз, пока не уничтожил, — бросил Кестер в сторону и повернулся ко мне.

В гостиной мы с ним остались вдвоём, никто, даже Ванда, не смели зайти в комнату. Кестер не поленился и собственноручно плотно закрыл створку двери, приказав посторонним не беспокоить нас.

— Ты знаешь, что этот дом — своеобразная нейтральная зона для путешественников через Непроторенный лес? — начала он издалека, присаживаясь в кресло напротив.

Кестер посмотрел на стол у окна, на котором были разложены травы для просушки. Ванда слыла аккуратисткой даже в мелочах, а когда дело касалось ремесла, тут уж она доходила до педантизма: каждый пучок был разложен на отдельный лист бумаги. На нём строго посередине листа сверху была сделана надпись на тайном языке травников.

— Она тебя не обижает, София? — внезапно спросил он, и я удивлённо посмотрела в его сторону.

— Нет, что ты! Благодаря хозяйке я теперь знаю не в пример больше...

— ...чем ничего, — закончил за меня Рысь. — Ты не знала о ремесле травницы ничего, София. Я помог тебе получить лицензии

гильдии, помог устроиться в помощницы к одной из лучших травниц Плауполиса...

Тут он, видимо, осознал, что сболтнул лишнего и поспешил добавить:

— Так сказать, замолвил за тебя словечко.

— И за это я должна тебя отблагодарить? Согреть в постели холодными ночами?

Я резко присела и перед глазами поплыли радужные круги. Мой магический объём значительно уменьшился и теперь напоминал чуть недопитый бокал, на дне которого плескался мутный осадок.

— Зачем согреть создателя? Его и так греют очень часто, — вставил фразочку Ле Шантон, подбежав к моим ногам и уткнувшись в них мордой.

Погладь, мол, хоть ты, а то все на меня злятся. А змеи, они такие вкусные.

Алхим поднял мордочку и уставился на меня из-под прикрытых век. Замурчал, когда я почесала его между ушей, но в следующую минуту уже болтал всеми четырьмя лапами в воздухе.

Кестер схватил Ле Шатона за шкурку и выбросил за дверь.

— Что ты делаешь? — вскочила я и бросилась следом, услышав жалобное мяуканье, но натолкнулась на спину Рыси.

— Пусть скажет спасибо, что не в окно.

— На правду не обижаются, — фыркнула я и тут же пожалела.

Кестер обернулся с таким видом, будто услышал что-то до крайности забавное.

— А почему тогда ты обиделась, когда я сделал тебе честное и открытое предложение? И не раз его делал, или ты считаешь, что достойна только принца?

Рысь стоял напротив, скрестив руки на груди и смотрел с вызовом и улыбкой, никак не вязавшейся к его тону. Мне кажется, или он подсмеивается надо мной?

— Может, и достойна. А, может, мне просто хочется отношений не «продай-купи», а основанных на взаимном уважении и...

Тут я запнулась и почувствовала, что краснею. Ох уж этот Кестер! Он специально дразнит меня!

— Любви, ты это хотела сказать?

И снова эта улыбка в глазах. Я хотела отвести взгляд, отступить, но понимала, что он попал в самую точку. В конце концов, почему я должна стесняться того, что мечтаю о взаимной любви?!

— Да, именно, — упрямо протянула я. — Я не хочу быть ничьей грелкой.

— Даже моей?

— Тем более твоей, — хмыкнула я и улыбнулась, а потом случилось то, что я до сих пор не могу себе объяснить.

Ещё мгновение назад мы стояли и ссорились, и кто-то сделал первый шаг. Его губы коснулись моих, сначала несмело, а потом требовательно, и я почувствовала, что стала невесомой.

Взлетела под потолок, как пёрышко, подхваченное сильным ветром, ворвавшимся в распахнутое окно.

Ветра не ждали, поэтому ставни не затворили. Может, хотели впустить свежего воздуха.

Мне, к примеру, не хватало этого чистого глотка другой жизни, чтобы обрести почву под ногами. Да, я хотела любви, я жаждала её, пусть не так, не сейчас, но от этого мужчины!

Имела право хотеть даже запретного. Неразумного.

Наверное, с этого начинается падение добродетели.

Я просто мало знала мужчин, никогда не подпускала никого так близко, как Кестера. Глупо, но мне ничего о нём неизвестно, кроме имени. Но хотя бы оно настоящее.

— Мы останемся здесь до завтрашней ночи, — прошептал он, целуя, даже не так, касаясь губами мочки уха. — Тебе надо отдохнуть. А завтра после заката я жду тебя у себя.

— Я не приду, — выдохнула я, замирая и чувствуя, как сердце останавливает бег.

Он посмотрел в глаза и отошёл на шаг.

— Как это не придёшь? — холодный тон подействовал на меня, как ушат ледяной воды, вылитый за шиворот.

В первую минуту даже дышать стало больно. Но я быстро взяла себя в руки и набрала воздуха в лёгкие, чтобы сказать что-нибудь. Острое, колкое, возможно, надменное.

То, что ранит не меньше, чем его холодный приказ, а вымолвить ни слово не могла, словно кость в горле застряла.

Стояла и тарасилась, как рыба, вытасченная на берег

— Мы с тобой договаривались, София, — продолжил говорить он, избегая смотреть в глаза. Зато бережно поправил прядь моих волос, заправив за ухо. — Ты помогаешь мне с ядовитым соком, а я отвечаю на твои вопросы. Не на все, конечно.

— А, ты об этом! — радостно выдохнула я.

— А ты думала, что так просто попадёшь ко мне в постель? Нет, я делал тебе такое предложение, и ты его не приняла. Не думала же ты, что я буду вечно молить тебя о столь желанной для многих роли?

И, не обращая внимания на моё изумлённое выражение лица, вышел прочь. И хорошо, потому что стоило ему закрыть сворку двери, как я метнула в неё первым, на что упал взгляд.

Подушкой.

Глава 20

— Так, хватит уже мечтать, запоминать будешь? — бурчала Ванда, когда настало утро. — Вроде проворна ты, но рассеянна, постоянно в облаках витаешь. Мадам Норн меня бы за такое давно палкой по спине отходила.

— Простите, хозяйка, — я опустила голову и постаралась не думать о словах Кестера. Например, о том, что Ванда взяла меня на работу исключительно по его просьбе.

Я-то относила эту удачу на свой счёт! А теперь получается, кругом должна.

— Ещё раз! Слюна Загробного пса образует магический крест, — говорила Ванда, перебирая высушенную накануне траву. Мы сидели в гостиной у стола. — Она соединяет тело и душу.

— И разъединяет, — вставила я, вспомнив недавний разговор с Кестером. Я должна ему помочь!

Хотя и сомневаюсь, что эта помощь ему надобна по-настоящему. С Королём мошенников держи ухо востро! Обманет, и глазом не моргнёт!

— Не перебивай! Толки лучше и слушай!

Я подчинилась и, закусив нижнюю губу от усердия, продолжила орудовать пестиком в каменной ступке.

Работы предстояло много: надо перетолочь почти весь собранный запас аконита, а ещё поставить на огонь протирку с травой, в которую долить винный спирт наполоам со спаригической настойки самого Кестера.

— Он зовёт тебя, чтобы следила. Доза ядовитого сока большая, когда он его примет, то не сможет различить, вышел из тела, или нет. Не будет этого видеть, вот и просит тебя подсобить. А то выпрыгнет твой суженый в окно, к жизни не вернём.

— Он не мой суженый, — возразила я без особого энтузиазма и склонилась к чаше ещё ниже, чем прежде. Не хотела, чтобы кто-то видел, как пылают щёки.

Не настолько я наивна, чтобы верить словам мужчины, прямо заявляющего, что хочет затащить меня в постель, а потом сплавить подальше. Наверное, чтобы не ходила за ним после и не клянчила продолжения!

Ле Шатон же сказал: много девиц его постель греют, почему мой случай должен стать особым?

— ...вот и говорю, совсем не слушаешь! Никому ты не верь, живи сама, так проще! — вздохнула Ванда, легонько толкая меня локтем в бок. И улыбнулась так грустно, что спрашивать дальше о её жизни я посчитала нетактичным.

Должно быть, всё мои переживания хозяйке знакомы, и она знает точно, с чем в итоге остаётся девушка, поддавшаяся им.

Больше в этот день мы о Кестере не разговаривали. Вернее, не так, говорили только в связи с предстоящим делом.

— Слышала о том, что Маги летать могут? — хитро, с фирменным прищуром посмотрела на меня Ванда.

— Да.

Я аж позабыла обо всём на свете. Говорили, что могут, но только женщины не тяжелее сорока пяти килограмм, потому что иначе метла в воздух не поднимется.

А ещё в приюте нас страшали, что в ночи полнолуния, особенно по осени, Магини воруют детей, обычных, без сильных способностей, чтобы передать их травницам, а уже те готовят из их сердец зелье, наделяющее безграничной властью.

Об участии травниц в этом чёрном деле я благоразумно умолчала. Понятно, что сказки для запугивания непослушных воспитанников.

— Не совсем это так, — с видом всезнающей и довольной этим фактом хозяйки сказала Ванда. — Сок Слюны Загробного пса при малом разведении видения вызывает. Душа от тела отделяется, но ещё не полностью. Вот и возникает обманчивое ощущение лёгкости тела,

словно взлетишь, душа-то уже рвётся вверх. Если рядом никого не будет, не миновать Магу беды. В окно выйдет, все кости так переломает, что не срастить.

— Да, я читала, что даже целители не могут помочь, если повреждение тела вызвано магией, принятой на себя добровольно.

— Вот, молодец, и читай больше, зря время не трать. До Нортингса многое узнаешь, — обронила со вздохом Ванда, и я поняла, что спрашивать у хозяйки надо сейчас.

— А что меня там ждёт? Я бы не хотела с вами расставаться.

Работу свою я закончила и поставила ступку на стол. Хозяйка осторожно ссыпала остатки измельчённой травы в прозрачную колбу и долила жидкостей до двух третей, чтобы пару места оставалось. Закупорила деревянной пробкой и лишь тогда, поставив колбу в штатив, обернулась ко мне:

— Ничего плохого не ждёт, не переживай. Наоборот даже. Да не волнуйся, чуть что — в обиду не дам.

Больше она ничего не сказала, настаивать я сама не стала, чуюла, что бесполезно. Лучше сосредоточиться на задании на предстоящую ночь.

Видеть Мага в действии — такое счастье и честь выпадает не каждому. Несомненно, Ванда права. Я от неё научилась многому, конечно, освоила далеко не всё, но даже с этими знаниями не пропаду.

Простые яды составлять умею, целительные отвары худо-бедно тоже, от жара и боли лопух да крапиву с прочими составляющими смешаю мастерски. И травы слышу гораздо лучше.

Вон, даже бытовой магией капельку овладела, порядок быстро, если надо, наведу, не истратив при этом весь магический объём.

Этого было мало, чтобы успешно практиковать. Конечно, и книги, особенно та, что у старьёвщика, до конца не изучены, но всё же я не была готова к тому, что обучению настал конец.

Значит, Ванда права, надо сосредоточиться на ремесле и не терять ни секунды. Помогу Кестеру — глядишь, он и расскажет, что меня ждёт.

— Достань свечи, фиолетовые, на дне сумки в чёрный бархат завёрнутые, — сказала Ванда. Когда она работала, то не говорила на посторонние темы. Силу направляла на дело.

Я выполнила всё, как она велела. И косынку свежую на голову повязала и переделалась во всё чистое, подпоясавшись новым передником. Даже свежий воздух впустила.

Приложив палец к губам, тем самым дав знак, что любые разговоры неуместны, хозяйка жестом велела зажечь свечи, поставила на стол чистую глиняную миску. Когда отвар прокипел, я щипцами сняла его с держателя на штативе и осторожно, стараясь не пролить ни капли, вылила в миску.

Пар от отвара был насыщенно-синего цвета, никогда такого не видела, и жару он почти не давал.

Ванда накрыла своей ладонью миску и, взяв меня за руку, мою ладонь тоже поднесла к поверхности отвара таким образом, что между пальцами заструился синий дым.

Что делать дальше, она не сказала и знака не подала. Закрыла глаза, и я поступила так же, копируя её во всём. Никаких особых заклинаний в этот раз не требовалось.

Я постаралась обратиться к магическому объёму, снова наполненному до краёв. Сила бурлила, как вода при закипании, дым будил во мне что-то такое, какие-то неясные видения, о чём я и сама не догадывалась.

Например, я так ясно увидела Кестера, лежащего в белоснежной рубашке под моим окном.

Вокруг была ночь и тишина. Я смотрела, высунувшись из окна второго этажа, и видела его застывшие глаза.

Маг лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в небо. Глаза заволочла посмертная пелена. Он был где-то в других краях, куда мне пока не было хода.

— Кестер, — позвала я его. — Вернись ко мне. Не уходи так. Я на всё соглашусь.

И в его синие глаза вернулась жизнь. Он посмотрел на меня и довольно улыбнулся.

А я подумала о том, что для благого дела солгать не грех

Глава 21

До заката я просидела за книгами.

Не для того, чтобы вычитать про предстоящий магический ритуал, в моих талмудах такого написано не будет, а чтобы почерпнуть новое и систематизировать то, что уже знаю.

Ле Шатон дремал тут же на диване, сверху кинутой шкуры, я не тревожила львёнка, понимая, что после пережитого, ему необходимо отоспаться.

Признавать, что алхим сам виноват в сложившейся ситуации и чуть было не лишился материального тела, он не хотел категорически.

— Это кинжал создателя меня спас, он всегда следит за моей безопасностью. Дорожит мной, — важно произнёс Ле Шатон и вернулся к вылизыванию пушистого бока.

Временами он вёл себя как кошка, чаще как глупый детёныш, считающий себя настолько уникальным, что и учиться ничему не надо.

— Если бы я и Лада не оказались рядом, ты бы погиб.

— Если бы у тебя в руках не появился кинжал создателя, я бы всё равно истаял, — заметил он и, крутанувшись пару раз на одном месте, улёгся и закрыл глаза.

Вот ведь маленький негодник! Обидно, что даже алхим не считал меня за сильного человека, чего тогда ожидать от Магов?!

С наступлением сумерек я переделалась, положила в сумку через плечо колбу с ядовитым соком, фиолетовую свечу, завёрнутую в чёрный бархат, и уселась рядом с дрыхнувшим без задних ног алхимом, приготовившись ждать.

В дверь гостиной постучали через полчаса. Я была в комнате одна, Ванда час назад отправилась в Непроторенный лес за лавандой, сказав, что мне лучше пока с ней не ходить.

А напоследок проронила:

— Форин не злопамятна, ей всё равно, что ты защитила алхима, это закон жизни: кто сильный, тот и может править чужой судьбой. Но у тебя сегодня другая работа, а я без дела сидеть не привыкла.

Я посмотрелась в маленькое зеркальце и встала, чтобы открыть.

— Собралась? — спросил Ленкок, рябой помощник Рыси. — Пойдём.

— Мы завтра уедем? — тихонько спросила я, пока мы поднимались по лестнице на второй этаж.

— Конечно, давно пора, — слышалось недовольное бурчание мне в спину. Из-за шляпы, надвинутой на глаза мужчины, я не видела выражения его глаз. — Мы из-за тебя только задержались. А места здесь дикие.

Казалось, он вполне неплохо ко мне относится, хотя вряд ли это имело значение. Скажет предводитель продать меня, рябой и глазом не моргнёт, исполнит приказ.

— Заходи, ждёт тебя, да смотри, — тут Маг несильно ухватил меня за плечо, — не вздумай выкинуть какую-нибудь штуку. Живой не уйдёшь. Ни ты, ни твоя хозяйка.

Это было сказано почти спокойно, никаких нахмуренных бровей или зловещего шёпота, и тем не менее, от этого будничного тона, словно они здесь каждый день людей жизни лишали, по спине забегали мурашки.

— Пусти, а то пожалуюсь! — выпалила я и поспешила войти.

Внутри горело множество свечей. Все они были поставлены в тяжёлые подсвечники, какие только нашлись в доме.

— Давай начнём, я устал, — Кестер выступил из дальнего угла комнаты, как приведение.

Его лицо было бледным, наверное, это игра света и тени, но сейчас он казался мне мертвецом, восставшим из могилы.

— Я всё принесла, — зачем-то сказала я, всё так же цепляясь за матерчатую сумку, висевшую на плече.

— Доставай. Вот сюда клади.

Кестер повернулся и достал из шкафа пузатый бокал на короткой ножке.

— Будь добра, наполни до краёв.

Он медленно подвинул бокал к моему краю стола. А сам сел на диван, закинув ногу на ногу и, откинувшись на спинку, закрыл глаза.

Я выполнила приказ, но встала так, чтобы загородить бокал собой. Не то чтобы я собиралась жульничать, просто не хотела показать, как дрожат мои руки.

Всё знаю, Ванда рассказала, что надо делать, и всё же я жутко боялась. Вдруг что-то пойдёт не так, и я буду виновна в его смерти?

Не прощу себе, не смогу с этим смириться, тогда одна дорога -- в Непроторенный лес. Стану лесавкой, буду мстить всем живым, потому что среди них нет его.

Страх на секунду парализовал волю, и я пролила несколько капель на столешницу, которая тут же впитала сок. Он оставил на гладкой поверхности пятна, похожие на чернильные кляксы.

В воздухе разлился густой запах горечи и леса.

— Давай скорее!

— Ты уверен? — спросила я, не оборачиваясь, Флакон, в котором я принесла ядовитый сок, опустел, я спрятала его обратно и достала фиолетовую свечу, завернутую в чёрный бархат.

Пальцы не слушались, я чуть не выронила её на пол. Но зажгла от горячей свечи.

— Уверен, не бойся, сегодня ты узнаешь обо мне больше, чем я бы хотел, но такова цена.

— Пообещай мне кое-что, — решила я произнести, когда уже, держа наполненный бокал, приблизилась к Кестору.

Он продолжал сидеть на диване, не меняя позы. Внешне выглядел до безобразия расслабленным, у меня даже закралась мысль, не разыгрывает ли он меня с этим ритуалом, чтобы испытать, стану ли беспокоиться, выполню ли свои обещания.

Не попытаюсь ли от него избавиться, наконец.

Но я сразу отогнала эту мысль: Ванда не стала бы в этом участвовать, она относилась к ремеслу травницы и отравительницы, как к священнодействию.

Ни за что хозяйка бы не позволила устраивать этот спектакль ради глупой проверки! Травы обидятся, перестанут служить, силы не отдадут.

— Ну что ты, волнуешься? — Кестер схватил меня за свободную руку и прижал её к своим губам. — Тебе ничего не угрожает.

— А тебе? — спросила я торопливо и вспыхнула от смущения. Выдала себя с головой, надо быть осторожнее. Я откашлялась и продолжила как можно равнодушнее: — Зачем тебе это?

— Нужны силы для предстоящего дела. Помнишь, я показывал тебе три артефакта в шкатулке? Скоро придёт время ими воспользоваться.

— Это стоит того?

Я, наконец, выдернула руку из его горячих, крепко стискивающих мои пальцы ладоней.

Он ничего не ответил, молча принял бокал и осушил его до дна, не сводя с меня синих глаз, в полутьме, несмотря на горевшие повсюду свечи, казавшихся почти чёрными, провалами, из которых на меня смотрело чудовище.

Оно сожрёт и не подавится, а я даже не стану сопротивляться.

— Обещай мне, Кестер! — внезапно сказала я, почти выдернув из его руки опустевший бокал. — Когда всё это закончится, ты выпьешь со мной красного вина. И больше никогда не заставишь это повторять. Я не хочу ничего знать о делах Магов.

— Когда ты так просишь, София, то я не могу тебе отказать, — на его губах мелькнула одна из тех улыбок, которые обещали многое, но ничего конкретно.

Кестер медленно опустился на спину, вытянул ноги и закрыл глаза, всё ещё продолжая улыбаться. Я села рядом, подвинув стул, и приготовилась ждать.

Смотрела на его заострившийся хищный профиль, наблюдала, стараясь не вскрикнуть, за тем, как глазницы вваливаются, кожа сереет, и ничего не чувствовала, кроме дикого желания немедленно всё прекратить.

Я взяла с собой противоядие, умолила Ванду приготовить его.

Цветы ромашки. Стебли мятлика лугового и растолчённый корень мандрагоры. Всё смешать и вскипятить на воде.

Это было универсальным средством, но хозяйка предупредила: может не сработать. Против Слюны Загробного пса нет настоя.

Я уже потянулась за заветной бутылочкой, как свет вокруг помер, словно огромное существо задуло свечи лёгким дыханием.

Наступила тьма, а потом, спустя непродолжительный миг, я увидела свет, услышала музыку вальса и пошла на него. Чтобы при следующем вздохе очутиться в танцевальном зале среди кружившихся пар.

Глава 22

— Передайте это письмо ему, — услышала я женский шёпот откуда-то справа.

Я стояла и смотрела, а меня никто не замечал. В разгаре бала никому нет дела до призраков.

Девушки были в светлых платьях с пышными юбками, шуршащими от любого движения.

Повсюду горели свечи, весело трещали дрова в камине. За высокими окнами стояла промозглая поздняя осень, заглядывала в них и удивлялась, царапая оголёнными ветками деревьев в стёкла: «Как? Вы не слышали, скоро зима!»

— Ах, Лизнет, ты неисправима, он давно не отвечает на твои письма, — другой, спокойный и полный печали девичий голос вывел меня из задумчивости. — Сказано же, вам не быть вместе. Ему наследство не достанется.

— Передай, я умру без него, зачакну.

Пары кружились, широкие юбки на плотных каркасах мешали двигаться легко и проворно, делая девушек неповоротливыми, а их движения — скованными.

Эта мода давно прошла. Я видела такие наряды в журналах, выставленных в витринах Торгового квартала. Их носили раньше, много раньше.

— Я без него пропаду, зачакну, — повторила тоненькая девушка с пронзительно-синими глазами. Она казалась воздушной бабочкой, чуть тронешь крылья — полетит.

И это случилось. Девушка неловко оступилась и задела рукой подсвечник с тремя толстыми оплывшими свечами.

Неповоротливое, хоть и красивое платье из светло-голубого кринолина, вспыхнуло в один миг. Кто-то закричал, другие дамы всплеснули руками, матери скорее оттащивали дочерей в стороны, иные сами быстрее отпрянули, чтобы огонь не перекинулся на их наряды.

А девушка побежала к балконной двери.

— Письма, сохрани его письма! — кричала она застывшей от ужаса в кухне. И летела на свет.

Никто не остановил, знали, что всё равно сгорит. Это было уже не раз.

Девушка, похожая на свечу, наконец распахнула балконные двери. Осенний ветер бросил ей в лицо тяжёлое дыхание осень, и платье вспыхнуло ещё сильнее.

— Сгорела от любви! — шептали в толпе, а жертва моды и красоты рухнула на пол, продолжая пылать.

Дамы охали и зажимали носы, падали в обморок, музыка стихла, кто-то из мужчин попытался накинуть на несчастную пальто, но было слишком поздно.

Оставалось порадоваться, что я не чувствую запаха горелой плоти. Горькая радость от осознания окончания мучений.

Потом картинка сменилась, и я переместилась в небольшой, стылый домик у реки.

По гостинной ходили двое мужчин, одетые в чёрное. Они казались большими стервятниками, ожидающими неизбежных известий о смерти.

— Она уже четыре дня в таком состоянии, целители говорят, надежды нет, — словно заводная кукла произнесла та самая девушка, кузина сгоревшей, и прижала руки у груди.

Глаза были сухими, но красными, наверное, даже она смирилась с судьбой.

Мужчины хмуро переглянулись, но ничего не ответили и продолжили ходить. Когда один оказывался у окна, другой становился у скрипучей лестницы, ведущей на второй этаж.

— Надо что-то решать с ребёнком, — упрямо говорила девушка. — Я не смогу содержать его на свои средства.

Мужчины снова промолчали. Оба они были немолодыми, в чём-то похожими между собой, ходили, опираясь на толстые трости с золотыми набалдашниками.

— Он ведь вашей крови, — настаивала девушка.

На этот раз она повернулась и прямо посмотрела на них. С кузиной, умирающей наверху, девушки были в чём-то похожи, но говорившая казалась лишь блёклой копией сгоревшей.

Часы в коридоре проббили пять ударов.

— Всё закончилось, — произнёс сразу после того, как затих последний, один из двух важных господ.

Мужчины снова переглянулись, и второй произнёс со вздохом, обращаясь к девушке, как обращаются к экономке, выполнившей свои обязанности, но в чьей помощи больше не было нужды:

— Смею поставить вас в известность, госпожа Вислоу, что ваш племянник переходит под нашу протекцию. В пансионате он не будет ни в чём нуждаться, ему даже дадут отцовское имя, но род Уквийских никогда не примет его как равного. Вы понимаете, незаконнорождённый и всё такое.

Ответа девушки я не услышала, хотя успела заметить облегчение, отразившееся на её лице.

Холодный ветер пронёсся между пальцами, и я снова очутилась в комнате Кестера.

Он по-прежнему неподвижно лежал на спине на диване и почти не дышал. Я достала маленькое круглое зеркальце и поднесла к его губам. Оно осталось незамутнённым.

Дотронувшись до холодного лба, я испытала настоящую панику. Уже достала зелье-противоядие, накапала в стакан двенадцать капель, как учила меня Ванда, смешала с вином, найденном в шкафу, и влила жидкость в рот Кестера.

Снова поднесла зеркальце к его губам, но ничего не изменилось. Передо мной было лишь безжизненное тело.

Я ощущала, как стучат молотки в висках, как бьётся жилка на запястье, словно кровь желала вырваться наружу и искала выход. Во рту пересохло, а в грудь вонзилась невидимая заноза.

«Что делать?!» — билось набатом в висках. Я чувствовала, что Кестер сейчас далеко, но его можно вернуть. Конечно, разумнее сесть и ничего не предпринимать, чтобы не навредить, но вдруг Рыси пора вернуться, а он не может найти дорогу?!

Я уже ринулась у двери, схватилась за ручку, приготовившись кричать во всё горло, как сзади послышался шорох.

Я обернулась. Всё было по-прежнему. Неподвижный профиль Кестера, свечи, при взгляде на которые мне вспоминалась картинка горящей девушки, всё ещё цепляющейся за ручки балконных дверей.

Только сейчас я поняла, что они с Кестером чем-то похожи. Взгляд у погибшей был мягче и мечтательнее, и всё же это были его глаза!

Застыв от сделанного открытия, я быстрым шагом вернулась к дивану, похлопала Кестера по щекам и, убедившись, что всё бесполезно, высыпала содержимое сумки на стол.

Была не была! Глотнув противоядия, чтобы убедиться, чтоб без разведения оно вполне употребимо и не слишком опасно, я вылила оставшуюся жидкость Кестеру в рот.

Приложила ухо к его груди, ощутив аромат горьких трав. Аконит, он же Слюна Загробного пса, силён, он ведёт души туда, откуда им нет возврата.

«Никто не знает, вернётся ли Маг из такого путешествия, София», — вспомнились слова хозяйки, но, увидев на моих глазах слёзы, она поспешила уверить, что никто не рискует зазря.

Если Рысь решил такое дело проверить, то всё будет хорошо. Он совершает эти путешествия с завидной регулярностью и возвращается сильнее, чем был.

Однако сейчас что-то шло не так. Или мне всё это казалось, но я не могла просто сидеть и ждать.

И бросить Кестера вот так тоже не выход. Помогут ли ему внизу ещё большой вопрос. Раз он доверился мне, значит, и выход искать надо самостоятельно.

В голове созрел безумный план. Он не вписывался ни в какой здравый смысл, но я решилась.

Рука сама потянулась к лежащим на столе завязанным в носовой платок красным ягодам омелы.

Глава 23

«Нет омелы — нет удачи», — всплыла в памяти строка из учебника, приобретённого в книжной лавке старьёвщика.

Эти ягоды обычно использовались не только для приворота, но и для хорошего обучения, ясной головы, для охраны дома. Даже можно талисман от непогоды сделать, чтобы в пути не застала.

Обычно для этого брали белые или жёлтые ягоды, красные росли только в Непроторенном лесу, но это лишь означало, что сила их гораздо больше, чем у растения, произраставшего в иных местах.

Никто не обещал мне, что настой из высушенных и истолчённых ягод, поможет даже в приготовлении приворотного зелья. Форин так сказала, но, возможно, после того, как я отстояла Ле Шатона, лесная ведьма сменила милость на гнев.

И всё же попробовать стоило. Омела приносит удачу, а мне она сейчас нужна как никогда прежде.

Правда, требовались растолчённые ягоды и вино. Вино тут, а вот ступки и пестика нет.

Вернее они есть, в гостиной внизу, но мысль оставить Кестера одного хотя бы на минуту причиняла невыносимую боль. Решила, что обойдусь подручными средствами.

Ещё в приюте первая учительница-травница говорила, что ступка и пестик необязательны, можно обойтись бутылкой или винным прессом, да любым предметом поблизости.

Она и обходилась, поскольку средств на подобные предметы специального назначения приютским начальством не выделялось.

Мол, пользуйся тем, что есть,

Небеса помогут, а если нет, то сирот в Плауполисе полно. Может, и к лучшему, что их земной путь прервётся раньше, чем они хлебнут горя во взрослой жизни.

Если бы не эта дама, которая по находчивости дала бы десять очков вперёд любой столичной травнице, я бы сейчас впала в отчаяние. Ещё большее, чем то, что уже владело мной.

Пока я лихорадочно металась, чтобы скорее приготовить настойку по рецепту Форин, думать и горевать времени не было. Схватила бутылку того самого вина, в который и собиралась добавить ягоды, разложила их на белом платке, потому как подходящей чаши на глаза не попало, а искать — время терять, и принялась давить сок, прокатывая по ним бутылку на три четверти наполненную вином.

Если бы мне требовался именно сок, то затея была бы обречена, но я буду использовать жмых их ягод. Взмокнув от усердия, хотя никаких сверхсил не применяла, старалась не отвлекаться и не оборачиваться на Кестера, но порой ловила себя на том, что постоянно прислушиваюсь: не пришёл ли он в себя, я справилась за четверть часа.

Ягоды оказались незрелыми, или мои навыки не такими хорошими, как я себе возомнила, но повозиться пришлось. То ягоды, словно живые, разбегались в стороны, то не поддавались и казались каменными, но всё же я победила.

Ссыпала, перепачкав платье и пальцы соком, в горлышко бутылки и хорошенько взболтала. Наверное, надо было дать настояться, но время, время, оно утекало. Или нет, и если нет, то Кестеру не поздоровится.

Так я утешала себя, стараясь не думать, что если ничего не сработает, и он, этот сукин Маг не вернётся ко мне. Совсем не вернётся. Наверное, тогда, а если быть точной, то так я и поступлю, отправлюсь искать средство, чтобы вырвать его из-под стражи Загробного Пса.

Я налила вино в бокал и залпом опрокинула его, прислушавшись к ощущениям. Ничего не изменилось, наверное, Форин просто смеялась надо мной, или средство работает лишь с её благословения. Отогнав тревожные мысли, я плеснула в бокал ещё вина и подошла к дивану.

Аккуратно села на край, погладила Кестера по холодной руке, накрыла её ладонью, желая согреть хоть на толику. И пользуюсь платком, чтобы не сильно облить его одежду, поднесла бокал к посеревшим губам. «Работай же!» — мысленно приказала я себе, чувствуя, что сейчас разревусь.

Влила половину, вытирая вино, стекавшее по краю его рта, и приготовилась ждать. Долго, если понадобится, я останусь здесь до утра.

Кестер не мог вот так уйти, не хотелось думать о том, что ему стоило добиться положения пусть и в мире мошенников всех мастей, как он пережил трагическую смерть матери и равнодушие родного отца, не видевшегося с ним только потому, что отпрыск не рождён в законном браке.

Я сидела, слушая тишину и держа его руку в своих ладонях, а потом решила погладить его по щеке, уговорить вернуться.

Старая Сэра, нянечка в приюте, всегда рассказывала малышам перед сном, что если разговаривать с тем, кто близок, он услышит и придёт. Малышки говорили с мамами, которые их бросили.

Но ни одна из них не вернулась за дочерью. Не для того отдавали. Но ведь это не значит, что нас не слышали!

Вот и я надеялась достучаться до души Кестера.

— Хочу, чтобы ты рассказал мне о себе, — говорила я, глотая слёзы, сдерживать которые больше не было ни сил, ни желания, ни необходимости. — Только возвращайся, и я отпою тебя всеми отварами, которые знаю. И узнаю ради тебя ещё больше.

Я склонила голову ему на грудь и говорила, очерчивая пальцем пуговицу жилета.

— Я многому научилась, так что смогу сделать невозможное. Даже отвар из руты, разгоняющей кровь, смогу приготовить, — я говорила и говорила, потому что боялась замолчать и уступить Кестера тишине. Смерти. — Настойку, чай могу заварить, крепкий, дающий силы.

— Так и знал, что ты всё-таки хочешь меня отравить, София, — слышала я слабый, но ровный голос Кестера и, встрепенувшись, подняла голову. Посмотрела в лицо того, кого уже не чаяла увидеть среди живых. — Рута крайне ядовита, это даже я знаю.

Он улыбался и гладил меня по волосам.

— Не плачь, что на тебя нашло?!

— Ты не умер? Или это я вернула тебя?

— Той отравой? Только вино испортила, — засмеялся он и присел на диване.

Я хотела было встать, пригладить волосы, отряхнуть одежду и вообще сделать вид, что просто выполняла свой долг. Делала то, о чём меня просили.

А теперь готова удалиться.

— Я всегда возвращаюсь, София, — Кестер взял меня за руку и силой удержал на диване. — А когда меня ждёшь ты, делаю это в два раза быстрее.

Улыбка его была слабой и слегка печальной.

— Ты видела всё? Впрочем, да. И я видел то, что ты скрываешь.

— Я не понимаю, — ответила я, вспыхнув от гнева и растерянности. Неужели он всё это затеял только, чтобы проникнуть в мою душу?! Нет, блефует.

— Сама всё знаешь, — прошептал он и привлёк меня к себе. — Ты тоже дорога мне, хотя и не понимаю, что в тебе такого.

— Отпусти, — пыталась я вырваться, чувствуя его дыхание, тёплое, живое, немного пьяное, на моём лице и сама пьянела ещё больше, не нуждаясь в продолжении распития вина. — Ты притворялся?

— Нет, но я тебя слышал. Я пришёл, вернулся раньше, как ты и хотела. И я ужасно голоден. По тебе голоден, моя травница. Отравила мне кровь, вот теперь и расплачивайся.

Он целовал меня и продолжал говорить, прерываясь на то, чтобы посмотреть в мои глаза, одновременно расшнуровывая лиф моего испачканного соком оелы и вином платья.

— Я соскучился, София. И я расскажу тебе всё, только позже.

Я и сама не понимала, как оказалась рядом с ним на диване, как мои пальцы начали торопливо расстёгивать ворот его рубашки. Всё, даже мои опасения, ушли на второй план, стёрлись, словно были сделаны из пыли.

— Я должна расплатиться с тобой за помощь? — задыхаясь, проговорила я, пытаюсь рассердить его. Чтобы спастись хоть так. Прежде всего от самой себя.

— За то, что ты есть, да. За всё, София, за всё, — ответил он, и ткань моего платья затрещала, сдаваясь на милость сильных мужских рук.

И я сделала то же самое.

Глава 24

— Не бойся, София, я всегда был на твоей стороне. И не причиню тебе зла, — шептал Кестер, целуя меня в шею и продолжая освобождать от остатков одежды.

— Это неправда, ты хочешь продать меня, — говорила я, пытаюсь его оттолкнуть. Из последних сил, собирая остатки разума.

— Ш-ш-ш, не будем сейчас об этом.

Его руки скользили по моим бёдрам, защищённым лишь чулками и тонкими кружевными панталонами. Я таяла под его пальцами, он играл на мне, как на струнном инструменте, и я зачарованно слушала мелодию, не обращая внимания на вора, шарящего по карманам.

Я устала сопротивляться, хотя всё ещё не верила, что сдамся вот так, без обещаний и даже без надежды на то, что мы и дальше сможем быть вместе. Конечно, а он прямо об этом говорит, это невозможно.

— Пусти меня, пожалуйста! Я потом пожалею, — взмолилась я в последний раз.

Глупо, должно быть, выгляжу: лежу на диване полураздетой, бесстыдно поддаюсь на ласки мужчины, соблазняющего меня по прихоти и от скуки, а сама говорю о чести!

Мямлю, как благородная институтка, и мечта, чтобы он продолжил. Чтобы не отпускал, соврал о будущем, но сделал так, как мы оба хотели.

Кестер отстранился и заглянул мне в глаза:

— Нет, я не допущу, чтобы ты пожалела. Просто поверь.

Больше мы не разговаривали: я отдалась ему безропотно и с радостью, словно сегодняшняя ночь была последней в моей жизни.

Кестер прав: счастье, что он выжил и вернулся, неужели ради такого, я бы не пожертвовала честью?!

И это не было пошлым и не казалось развратом, скорее добровольной жертвой, слиянием двух усталых борющихся за положение в мире людей, почти равных в стремлении обрести Силу, чтобы жить так, как мы хотим, а не так, как предназначено для нас чужими.

Я осознавала, что вступила на скользкий путь, что теперь, потеряв девичье сокровище, буду вынуждена либо согласиться на брак с тем, кто станет унижать и попрекать меня этим, либо останусь одна, как Ванда.

Но даже если бы мне сейчас сказали, что ночь, проведённая с Кестером, в итоге приведёт меня в бордель мадам Фик, я бы и тогда от неё не отказалась.

Посредине Непроторенного леса я получила то, о чём и не чаяла, когда отправлялась в это путешествие. Любовь и признание.

— Неужели ты думала, что я просто так нахожусь рядом и уберегаю тебя от неосторожных слов и поступков? — спросил Кестер, когда мы лежали обнявшись после довольно нежного и бережного с его стороны акта любви. -- Это я сказал Ванде, чтобы взяла тебя и учила.

Он дотронулся губами до моего лба, и я посмотрела в его глаза:

— Наверное, ты всегда хотел, чтобы я отработала твою помощь?

— Снова стараешься обидеть меня, София? Я могу рассердиться и уже не заботиться о твоём комфорте, по крайней мере, некоторое время, — улыбка Мага стала такой, к какой я привыкла. Дерзкой, самонадеянной.

И когда я уже хотела ответить в тон его признанию, он закрыл мне рот поцелуем.

— Не бойся, я не стану тебя преследовать, — ответила я, когда снова обрела способность говорить и размеренно дышать.

— Я этого не боюсь, но сам такого пообещать не могу, — рассмеялся он и крепче прижал меня к себе.

Вышла я из комнаты Кестера уже на рассвете, отказавшись от его первоначального предложения остаться здесь до самого отъезда.

— Твоя хозяйка уже собрала вещи, свои пожитки ты сложила накануне, я же знаю. Так к чему эти прятки?!

— Нехорошо, если твои люди подумают...

Я запнулась на полуслове и сделала вид, что вожусь с крючками на платье, чтобы не выдать своего смущения. Я провела ночь с мужчиной, но стесняюсь об этом сказать вслух! Всегда ненавидела подобную двойную мораль, и на тебе!

— Я вниз! — бросив через плечо и схватив сумку, бросилась я вон из комнаты, не дав Рыси вставить и слова. Все эти прощания у порога

отдают пошлым водевилем.

Всё кончено, больше нам нечего сказать друг другу. Кестер, правда, обещал посвятить меня в свои планы, но сейчас я хотела остаться одна.

Спокойно пережить свой позор и учиться дальше, пока мы не окажемся в Нортингсе.

Если наш предводитель сочтёт нужным, сам расскажет, зачем меня туда везёт, а нет, так и унижаться не стану. Всё равно это ничего не изменит!

Скользнув призрачной тенью в дверь так, что даже алхим только зевнул и повернулся на другой бок, я в чём была, легла на диван рядом с мохнатым наглецом. Ванда спала на соседнем диване, к счастью, я её не потревожила.

— От тебя пахнет моим создателем, — громко сказал Ле Шатон, стоило улечься и подумать, что угроза раскрытия моей тайны миновала.

— Тише! — шикнула я и прикрыла его рот двумя руками. Львёнок сипло задышал, потом обиженно фыркнул и попытался прикусить мне палец. — Я сейчас тебя выгоню за дверь!

Угроза подействовала, любопытный алхим перестал вырываться, лишь посмотрел с укоризной: мол, что такого я сказал, правда ведь?!

— Спи давай, я была наверху и помогала ему в ритуале.

— Каком? — шёпотом, но всё равно довольно громко спросил алхим, наострив ушки с кисточками и посмотрев невинным зелёным взглядом.

— Я завтра тебе расскажу о ядовитом соке, — клятвенно пообещала я, чтобы только непоседа успокоился.

Выдыхая, пока меня не было, вот и готов теперь доконать меня расспросами. Алхим хоть и имел физическое тело, но восстанавливал магическую энергию за считаны часы.

Я же чувствовала себя так, словно работала неделю без сна и отдыха. Мой магический объём был почти пуст.

— И зачем было меня толкать?! — чихнул алхим и повернулся ко мне спиной, сжавшись в комочек. — Оставалась бы там до утра.

Я уже хотела было ущипнуть его за пухлый бочок, как с соседнего дивана послышалось недовольное бурчание Ванды:

— У алхима умишка-то с куриный ноготь, а и тот дело говорит. Сама не спишь и другим не даёшь. Утром, всё утром.

Я вспыхнула и прикусила язык, а потом обняла алхима и задремала. Хотя клялась себе, что теперь не смогу сомкнуть глаз до следующей ночи.

— На вон, выпей, девонька, — окликнула меня Ванда, когда мы в последний раз перед отъездом проверяли, всё ли собрали.

Я обернулась и посмотрела на стакан, появившийся на столе, откуда мы уже убрали все предметы для травоизмельчения и зельеварения.

— Да не бойся, я сама варила, когда ты ушла, — вздохнула хозяйка в ответ на мой удивлённый взгляд. — Пей — сразу лучше себя почувствуешь. Зверобой, мята, кориандр. Всё, как в книжках твоих написано. После еды принять да и забыть обо всём.

— Я себе рябину хотела заварить, — тихо промолвила я после того, как опустошила глиняный стакан и спрятала его в сумку, обернув тканью.

Опустила голову, потому что перед Вандой мне сделалось стыдно. Она всё сразу поняла, как только я поднялась к Кестеру.

И кориандр — дорогое, но действенное средство от нежелательного бремени достала. Ради меня.

Рябина тоже годилась, если верить моим книгам, а я им верила. Цветущие шапки цветков измельчить и залить кипятком. Только пропорцию соблюсти: столовая ложка на стакан кипятка и настаивать на паровой бане сорок минут. Правда, принимать неудобно: три раза после еды в течение нескольких дней после события.

— Да всё, что нахмурилась! Забудь, о будущем и настоящем думай, прошлое, оно осталось позади.

Ванда, обычно скупая на объятия и ласки, потрепала меня по плечу и тут же, видимо, смутившись моего пристального взгляда, прикрикнула на алхима, засунувшего нос в одну из сумок.

— Я сейчас тебе задам, стервец. Будем проезжать по лесу — выкину втихаря, и поминай как звали! То-то Форин порадуется!

Я огляделась по сторонам, схватила сумку, чтобы перекинуть через плечо, потому что остальные уже подхватил молчаливый амбал из компании Рыси.

Шум в доме затих и выплеснулся наружу, где люди рассаживались по местам и собирались продолжить путь, который приведёт меня куда-то дальше. От него, от Кестера дальше.

Мой любовник, которого я оставила так внезапно, не звал меня, и это даже хорошо. Стыдливые и неискренние объяснения после ночи страсти, закончившейся с рассветом, не смогут дать утешения тому, кому они предназначены.

Я покидала дом последней, очень хотелось послушать, как он погружается в сон и тишину. Остановилась у лестницы, ведущей на второй этаж, коснулась перил, желая запомнить шершавое прикосновение неполированного дерева, и отвернулась. Резко, словно хотела поскорее уйти, чтобы больше не тянуло оборачиваться.

Ванда права: прошлое прошло, надо жить настоящим. И не думать о будущем, потому что одним богам известно, каким оно будет.

Часть третья. Глава 1

— А вот и не достала меня, вот и получи! — скакал алхим по скамейкам экипажа, когда поздно вечером Непроторенный лес остался позади.

Мы ехали весь день, прерываясь на маленькие остановки. Казалось, Кестер спешил наверстать упущенное время, он совсем не выглядывал из экипажа, пока мы стояли на приколе. Да я старалась и не смотреть в эту сторону.

— София, возьми, — мелодичный голос Лады вывел меня из задумчивости. — Просили тебе передать.

Ванда изнывала от духоты и всё присматривала у дороги травы, но больше по привычке. Каждому известно, что хорошую сочную траву у дороги брать нельзя, а пожухлая для дела не годится.

Я же коротала часы, читая книги по травоведению, делая острым грифелем пометки на полях, совсем как моя хозяйка, по пути спрашивая её мнения о том или ином средстве. Да слушала травы.

После близости с Кестером мой магический объём снова вырос, на этот раз почти на четверть. Если так пойдёт и дальше, то вскоре страну вполне сносной отравительницей.

Но дальше так не пойдёт, я больше не позволю никому к себе притронуться. Хватит с меня этой горькой настойки, только отдающей приторной сладостью, а на дне её — яд!

— Что это? — спросила я Ладу, не спеша притрагиваться к протянутому конверту. Предчувствие было недоброе.

— Говорю же, передать просили. Меня просил Пьетр, а уж как к нему эта бумага попала, я не знаю. — ответила красавица и снова протянула серый незапечатанный конверт. Мол, бери, и сама думай, как с ним поступать будешь.

— Спасибо.

Я взяла, потому что ситуация и так выглядела странной, ещё немного, и на нас внимания станут обращать.

Привал мы сделали на окраине Непроторенного леса. Последняя остановка перед выездом на Снежную равнину. Я старалась не думать о том, что случилось, но мысли всё равно крутились вокруг прошлой ночи. И тут Лада с письмом!

Как ответ на мои незадаанные вопросы.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что Ванда занята, а остальным и дела до меня нет, я бросила через плечо:

— Спасибо. Извини, мне надо побыть одной.

— Да, конечно, — Лада при всей её социальной распушенности не была любопытной.

Кому как не бордельной девочке знать, что у каждого есть такие тайны, в которые посторонним опасно совать нос. В лучшем случае его откусят.

— А я думал, ты потерялась! — обиженно произнёс невесть откуда взявшийся алхим. По мере того как лес редел, Ле Шатон всё чаще дерзил и проявлял своенравность.

— Не боишься заходить в лес? Уже смеркается.

— С тобой, нет. Лихо ты тогда разобралась с ней. С лесавкой.

— Она не лесавка, а лесной дух. Лесавки раньше были людьми, а она просто всегда была. С незапамятных времён.

Я шла вперёд, не разбирая дороги. Хотелось зайти поглубже, сесть на прогретую солнцем корягу и в одиночестве поплакать над прощальным объяснением Кестера.

Наверное, Лада бы сказала, что мужчин надо отпускать, они всё равно уйдут, вот только ещё и обзовут напоследок, да только я пока не была столь опытной, как прелестная куртизанка. И мудрой, как Ванда, тоже.

— Откуда ты это знаешь, София? — спросил алхим, воспользовавшись моей задумчивостью и тем, что я всё-таки нашла пенёк, куда можно присесть.

— Да что тут не знать?! Всё понятно, провели время вместе, и всё, разъехались, — я заревела. Некрасиво, не стесняясь слёз, потому что они омывали душу и очищали её.

Алхим прыгнул мне на колени и с тревогой заглядывал под руки, в которых я спрятала лицо.

— Ты так её любишь? Она тебе кто? Твой создатель? Так я тебе скажу, необязательно их любить! Привели в этот мир, не спросив, а надо ли мне быть здесь.

Только сейчас до меня дошло, что мы говорим каждый о своём. Я даже плакать прекратила, отмахивалась от нашёптываний трав, тихим фоном звучавшим у меня в голове.

— Форин? Нет, конечно. Я не о ней.

— Тогда об этой хмурой толстухе? Хочешь, я её укушу?

— Нет, Ванда ко мне добра. Неважно, о ком я плачу. О родителях. Я в приюте выросла, не знаю их совсем. И они подбросили меня, как котёнка или щенка к дверям, даже не пытались никогда о моей судьбе разузнать! Наверное, решили, что не выжила.

Я говорила с горечью, алхим даже пару раз лизнул мне руки, правда, потом фыркнул и наморщил нос, совсем как ребёнок, которому вместо сладкой конфетки досталась солёная.

— Ты плачешь о тех, кому до тебя и дела нет?! Вы, женщины, очень странные. Вот мужчины почти не плачут, и это правильно. Мой создатель часто говорит своим: можешь и хочешь что-то сделать — делай, а нет — так и не вспоминай.

«Вот он обо мне и не вспоминает», — въелась в голову мысль, и слёзы вновь покатались по щекам.

— Ты прав, — улыбнулась я алхиму. — Только давай договоримся, посидишь тихо, а я кое-что прочту. Это важно. Потом скажу.

Алхим внимательно посмотрел в глаза, чихнул и свернулся на моих коленях клубочком. Понятливый!

А я достала из сумки смятый конверт без надписи и задержала дыхание. Первой мыслью, когда я только его получила, была: «Порву к подземным силам!»

Так будет легче, я смогу думать, что Кестер хотел со мной сблизиться, попросить прощения или предложить помощь. Не написал того, что обычно пишут обманутым (хоть меня никто и не обманывал!) девицам.

Но сейчас решила нырнуть в омут с головой и узнать правду. Достала сложенный вчетверо листок и принялась читать, не сразу понимая смысла написанного, хотя он и был предельно ясным. Слова Кестера будто звучали у меня в ушах:

«Ты убежала слишком быстро, и я не успел тебе рассказать о том, зачем мы едем в Нортингс. Не спорю, у меня там есть и собственный интерес, София, и я очень рассчитываю на твою помощь с артефактами. Теми тремя, в шкатулке.

И от ядов очиститься, и внешность изменить придётся. Надеюсь, хоть до ближнего боя не дойдёт.

Но всё это не главное. Я еду в Нортингс ради тебя, София. Ради того, чтобы ты, наконец, обрела родовое имя.

Род Визатисов, конечно, не такой древний, как мой, но не всем же быть Уквийскими! Надеюсь, ты не сердишься на меня за это скромное проявление тщеславия. Я чувствую, как ты улыбаешься, и мне становится радостно.

Не стану скрывать, скорее всего, ты не имеешь никакого отношения к старому вдовцу Трону Визатису, похоронившему жену пару лет назад и с тех пор, проживающему одиноко на окраине Нортингса в трёхэтажном доме.

Все знают, что двадцать лет назад у них с женой украли новорождённую дочь, и больше детей у пары не было.

Я мог бы сказать это тебе в глаза, но уже предвижу твои возражения. И могу сказать на них, что таким, как мы, не стоит быть излишне щепетильными.

Старик Визатис проживает в полном одиночестве, он будет тебе рад, и его богатства не достанутся жадным родственникам или губернатору, у которого и без того полна кошница.

Да, я рассчитываю, что ты не осудишь меня за то, что я попрошу десятую часть твоего наследства. Поверь, это лишь малая доля».

Я подняла голову и прислушалась. Всё было тихо, даже лес замолчал, а Ле Шатон сладко посапывал на коленях.

Перевернув листок, я продолжила жадно читать:

«Ты сейчас снова пытаешься мысленно возразить, что я просто тебя использую. Поверь, можно было найти любую девушку и подправить её биографию. Сирот в Плауполисе предостаточно.

Но я хочу дать тебе другую жизнь. Ту, что не смогу подарить иначе.

А ещё, София, я хочу обладать тобой, пока могу это себе позволить. Вот такое эгоистичное желание, в котором мне совсем не стыдно признаться.

Настанет день, и я буду вынужден тебя отпустить. Но пока ты никуда от меня не денешься. Как бы ни старалась».

Глава 2

— Ну, и что там написано, София? — Ле Шатон лениво открыл один глаз и зевнул.

— Какая тебе разница?! Зачем вообще Кестер тебя создал?!

Настроение у меня было ничуть не лучше, чем до того как я прочитала письмо. Оно могло быть стать величайшим утешением, если бы Рысь прямо не написал, что задумал обмануть господина Визатиса с моей помощью.

Нашёл дурочку, обольстил, и с присущим ему нахальством написал, что «всё равно ты никуда от меня не денешься».

Наверное, решил, что раз я потеряла девственность, то и совесть мне больше ни к чему.

И вот теперь праведное негодование изливалось на ни в чём не повинное магическое существо, ради прихоти человека приведённое в этот мир. Кестер даже не обращал на Ле Шатона никакого внимания. Поигрался, пока в диковинку было, и бросил. Забыл.

Должно быть, так он поступает со всеми. С теми девушками, которые грели ему постель. И со мной так поступит. Вознаградит и скажет, что в расчёте.

— Странная ты сегодня. Вы все такие странные, человеки! — Ле Шатон спрыгнул на землю и поочерёдно вытянул каждую из задних ног. — Я же магическое существо. Как артефакт, только живое. Хотя и они живые, не говорят просто. С вами не поговоришь. То смех, то слёзы, то это... как её там называть? Любовь. А если хочешь знать, то я для дела призван. Но для какого, тебе не скажу!

Львёнок встряхнул ушками и громко фыркнул, а потом, не взглянув на меня, скрылся среди густой изумрудной травы. Совсем

обнаглел, малышня!

Оставшись одна, я отказалась от первоначального плана порвать письмо Кестера на мелкие кусочки, и забыть написанное. Доехать до Нортингса и сказать бывшему возлюбленному, что он во мне ошибся.

Я не такая, как он. Пусть приютский безродыш, но всё же не обманываю людей, не бью им прямо в сердце.

По мелочам, это да, бывало. Иначе не выжить. А здесь увольте!

Словом, насчёт обмана я была категорична и менять мнение не собиралась, что бы Кестер мне ни пообещал, как бы ни запугивал, а вот письмо сохраню. Просто так. Как доказательство.

Я разглядела его и, аккуратно свернув по сгибам, засунула обратно в конверт, а тот положила в сумку.

«Конечно, оно нужно тебе только для защиты, а не чтобы перечитывать последние строки!» — проснулся внутренний голос, но я с досадой от него отмахнулась.

И вообще, надо сделать вид, что в чащу я ходила не порыдаты на пенёчке, Ле Шатон не болтлив и меня не выдаст, а собрать траву.

Дала себе зарок научиться составлению ядов. Вот сейчас наберу любой травы и при случае приступлю к практике. Надо не только за Вандой повторять, но и по книге самой учиться составлять яды.

Я огляделась в поисках подходящего материала. Благодаря артефакту Кестера и дальнейшим событиям я теперь не только слышала нашёптывание трав, а могла определить, кто это мне говорит.

Вот неподалёку в низине за тремя дубами притаилась одурь-трава. Белые цветы, похожие на лютики или колокольчики отяжелели от веса семян, созревших в зелёных коробочках с шипами.

«Они тяготят нас. Освободи, возьми чёрные плоды, они врагов твоих устранят, будущее изменят».

— Иду, — зачем-то сказала я вслух и направилась в сторону, откуда шёл призыв.

Форин я больше не боялась, теперь лесавка из меня не выйдет, слишком за жизнь цепляюсь. Лесной дух поняла это и больше мне не показывалась.

Одурь-трава, она же шальное зелье, известна каждой травнице. Ягоды настолько ядовиты, что вокруг растения ничего больше не растёт. Так и живёт оно одиноко, источая неприятный запах, в грязи низин, где всегда царит полутень и сырость.

Нашла я её быстро, белые крупные цветы видны издалека, они словно служат оправданием ядовитости. Создают обманчивое впечатление: мол, я для благих дел, сладостные видения могу насылать, а если вы мною травите друг друга, так не моя в том вина.

Подойдя к траве и поклонившись, как Ванда учила, я достала перчатки и ножницы, чтобы аккуратно собрать нераскрытые коробочки с семенами. Остальные части без надобности.

Справились быстро и до темноты вернулась к месту привала. Ле Шатон уже крутился вокруг Ванды, стараясь не замечать моего появления. Кестера нигде не было видно.

— Где была-то? Не ходила бы, девонька, по лесу одна! Заманит он тебя, потом не найдём, — сказала Ванда, когда я показала ей собранную одурь-траву.

Но я видела, что говорит это хозяйка по привычке, вчера сломалась её любимая трубка, и теперь Ванда была не в настроении, потому что до самого Нортингса другой такой не купить.

Чуяла она, что я уже достаточно осторожна, чтобы не потеряться даже в Непроторенном лесу.

Вскоре амбал передал приказ садиться по экипажам, и к ночи мы миновали границу Непроторенного леса. Дальше шли Бескрайние равнины, миновав которые мы и достигнем цели путешествия.

Я никогда не бывала в Нортингсе раньше, но не раз слышала от воспитательниц приюта, что у меня кожа такая белая, какая бывает только у уроженцев Севера.

— Что молчишь? Сказать хочешь, так скажи, нечего вздыхать, сон мне нарушишь, — ворчала Ванда, закутавшись в плед. — И ты не скачи, как пустынный сайгак. Что тебе не ездится в экипаже своего хозяина? Что к нам прицепился? Следишь да слушаешь?

Я взяла Ле Шатона на руки и погладила по голове.

— Ты потяжелел, — произнесла я, осторожно дотрагиваясь до его ушек-кисточек.

— Во мне магия скопилась, а ты её медленно отбираешь, как тут не отяжелеть?! Так и разорваться недолго!

Моя рука, занесённая над головой алхима, чтобы в очередной раз пропустить между пальцами его мягкую шёрстку, остановилась на полпути, я вся окаменела, решив, что весь этот разговор мне чудится.

— Что это значит? — Ванда никогда не терялась и сразу переходила в наступление. В этот раз она закидала вопросами полульвёнка с видом полководца, допрашивающего пойманного лазутчика. — Говори, а то выброшу на ходу!

И для острастки Ванда приоткрыла дверцу, но так, чтобы это было не очень заметно из других экипажей.

Ле Шатон, устроившийся рядом, только сверкнул зелёными глазами. Мол, знаю, что не выбросишь, я всем нравлюсь, такова моя миссия в этом мире.

И лениво ответил моей хозяйке, полизывая переднюю лапу:

— Мой создатель посадил меня к вам, чтобы я её энергией подпитывал. Её магический объём вырос, неужели и ты, мудрая женщина, этого не заметила?

— Заметила, — Ванда прикрыла дверцу кареты и выразительно посмотрела на меня: — А теперь, София, рассказывай, что к чему. Я тоже знать права имею. Меня, видимо, напрямую касается.

И, вздохнув, я принялась пересказывать содержание письма, опустив, конечно, некоторые подробности.

Глава 3

— Подумай ещё раз, что тут ломать комедию, когда за душой ни гроша? Хорошее дело, угодное богам, сироту пристроить во все времена считалось честным поступком, — Ванда, как услышала о предложении Рыси, увидела в нём только положительные стороны.

И в предложении, и в том, кто его сделал.

— Даже если для этого придётся обмануть человека? Не просто надурить на сеул, а так, что и всей жизнью потом не искупить обмана?!

Я говорила излишне резко, не хуже Ле Шатона фыркала на любые попытки хозяйки воззвать к моему «спящему за чувствами» разуму. И чтобы не чувствовать себя запертой в клетке не с дикими зверями, нет, но с птицами-пересмешниками, которые теперь поворачивают каждое моё слово и мысль так, что они и впрямь кажутся смешными и наивными суждениями.

К утру мы уже были в Тиждане — маленьком городке, от которого до Нортингса день пути. Но интересен он был не поэтому.

Здесь располагался один из самых больших рынков трав и сопутствующих травницкому делу товаров. Отсюда были родом самые

сильные травницы, поэтому когда Ванда упомянула, что училась ремеслу именно здесь, я ни капельки не удивилась.

— Пойдём с тобой прогуляемся и приобретём кое-что, здесь такие травы, которые в других частях страны не купить.

Я с готовностью согласилась. Во-первых, будет интересно послушать замечания хозяйки по тому или иному делу, во-вторых, я хотела осмотреться в городе, потому что твёрдо решила, что как только Кестер и компания, убедив господина Визатиса в обретении дочери, откажут восвояси, я кинусь ему в ноги и во всём признаюсь.

Можно было бы и раньше, но всерьёз опасалась того, что мне не дадут сказать и слова, а просто заменят на другую девушку, поговорчивее и менее совестливую.

Или скажут, что тронулась умом, Ванда опять-таки с ними заодно, она легко подольёт мне сонное зелье, чтобы я не мешала господам решать дела. Она считала, что я пока не понимаю, от чего так легко отказываюсь.

— Мне бы в своё время такого покровителя, София, уж я бы не стала ломаться! — говорила она при каждом удобном случае, желая воззвать к моему разуму. — Ты не знаешь, как тяжело выбранное тобой ремесло. В одиночку не выстоять, всё равно покровитель нужен. Товарки как прознают, что у тебя берут зелья лучше, чем у них, так натравят полицию по ложному доносу или бандитов подговорят проучить тебя и сказать, чтобы не забирала всех клиентов. А Чёрные Тени не забыла ещё? Вот, это клиенты иногда хотят заставить тебя молчать. Справишься с таким одна?

Я молчала или говорила, что буду решать проблемы по мере их возникновения, а сама утаивала, насколько вырос мой магический объём от первоначального уровня. Ле Шатон наедине во время очередной стоянки показал, как скорее отбирать у него излишек магии.

— Вот так положи руку и сосредоточься, — чихал и пытался укусить меня за большой палец руки, которая никак не желала открывать магический поток. Но у меня всё равно не выходило.

Что-то такое я чувствовала, даже потихоньку отбирала магические крохи, но удержать это ощущение прохладного ветра в лицо, не могла. Не получалось, как ни старайся.

Я снова углубилась в книги и вычитала рецепт для лучшего сосредоточения, возможно, мне это поможет.

Итак, мне был нужен шалфей и розмарин. Эти травы всегда хранятся в запасе у травницы, помогают женщинам и тем, кто унять кровь хочет. Не то чтобы они обладали какими-то особыми силами, как мандрагора или волчья ягода, но и вреда они не принесут, значит, можно купить настой или масло у любой травницы, без оглядки на то, что отравишься.

Конечно, будь мы в Плауполисе, всё было бы проще, но здесь у Ванды запаса трав не было. Она взяла с собой редкие сборы, которых просто так на углу не купишь.

Поэтому визита на рынок трав в Тиждане я ждала с нетерпением.

Он был и вправду не в пример больше столичного, только травницы здесь продавали товар, не утруждая себя пояснениями и расшифровкой названий. Кто знает, увидит по цвету и листьям, а кому не положено, тот пусть идёт мимо. На редкий товар и без него охочие найдутся.

— Что-то травы у вас больно жухлые...

— А это и вовсе не заячья губа.

Угодить Ванде было делом трудным. Она придирчиво осматривала товар, разложенный на прилавках, разворачивала готовые бумажные кулёчки, в которые запаивались травы, боящиеся открытого воздуха. И торговалась за каждый сеут, видя хорошо высушенную и измельчённую траву.

Шалфей и розмарин тоже помогла мне выбрать и даже оплатила их, несмотря на мои ярые протесты.

— Будешь вспоминать меня добрым словом. Жаль, за такой короткий срок научить тебя стоящим вещам я не смогла. Ну да, тебе теперь, может, они и без надобности. Деньги открывают такие двери, которые все магические знаки не сумеют даже отворить.

— Прекратите! Я там долго не задержусь.

— И то верно, надо поскорее замуж выйти, муж станет твоей защитой от отца в случае чего.

Я только вздыхала. Похоже, все вокруг, включая Ладу, которая каким-то чудом прознала о моём новообретённом родителе, решили, что моя дальнейшая судьба predetermined.

— Я ещё не знаю, отец он мне или кто, — ответила я Ладе, которая кинулась меня поздравлять, стоило сделать остановку в Тиждане.

— Ну, это неважно, — легкомысленно пожала плечами куртизанка. — Главное, чтобы он в это верил. Счастливая ты, София, пусть всё и дальше так сложится. Не противься воле Небес, раз они так решили, значит, надо покориться. Мы не видим полной картины на полотне своей жизни.

— Кто тебя этому пафосу научил? — спросила я, уже предчувствуя ответ.

— Пьетр, конечно. Но он ведь прав, София!

Спорить я не стала, решив потратить время на дело. Мы остановились в Тиждане в двухэтажном доме в тихом квартале купцов, там, где не любят рассказывать о себе и не подглядывают за соседями.

На втором этаже я по-прежнему делила комнату с Вандой и была этому очень рада.

— Спокойно отдыхать не даёшь. После этой тряски в экипаже все кости перемешались, — ворчала хозяйка, но я видела, что она довольна моим усердием в ремесле.

Заварить розмарин, добавив туда две чайные ложки шалфея, и настоять полчаса, — всё сделала, как она сказала. В книге было написано не так, но Ванде я доверяла больше.

Принимать надо было по чайной ложке три раза в день натошак, но я решила поторопить события. Ле Шатон изнывал от излишка магии, а у меня был по ней вечный голод.

Поэтому две столовые ложки зараз я посчитала безопасной дозой. Выпила их и села ждать, сложив руки на коленях. А потом для верности хлебнула настой прямо из горла.

Времени оценивать полноту дозы не было. Завтра к вечеру я окажусь в Нортингсе.

Спустя полчаса в голове зашумело, и я подумала, что вот он, знак. Теперь надо найти Ле Шатона.

Алхим по обыкновению лежал на диване, а в этом доме мягкая мебель была повсюду, но так как полульвёнок не любил понапрасну утруждать себя лестницами, то предпочитал первый этаж. Туда я и отправилась, пользуясь временем послеобеденного отдыха, когда большинство из нашей компании отдыхало в своих комнатах.

Оно и к лучшему, меньше разговоров будет. С тех пор как мы покинули Непроторенный лес, я не встречалась с Кестером,

одновременно испытывая от этого облегчение и разочарование, которое я маскировала ежеминутной бурной деятельностью.

Медленно спустившись и игнорируя лёгкое кружение перил перед глазами, я позвала алхима, и он вмиг оказался рядом. К счастью, как и кресло, в которое я рухнула от накатившей слабости.

— Ты болеешь? — алхим заглянул мне в лицо, запрыгнув на колени, но я уверила его, что всё уже в полном порядке. Так оно и было, голова прояснилась, и я протянула обе ладони к Ле Шатону.

Он этого и ждал, подставив мне оголённый живот.

— Давай, а то всё зудит внутри, сейчас лопну.

Я закрыла глаза и попыталась представить магию, как сияющий луч света, текущий от алхима в мои руки. Потом он поднимался выше, пока я не оказалась в коконе света, такого ослепительного и яркого, что он обжигал кожу и мешал дышать.

Я перестала чувствовать своё тело, и уже не могла прекратить ритуал, а свет всё вливался широкой струёй, и я захлёбывалась им, как потоком воды, льющимся откуда-то сверху.

Ещё мгновение, и я пропаду. Сгину, сгорю в огне, и от меня не останется даже мокрого места. Слишком поздно, магия, с которой я не могла бы справиться при всём желании, уничтожала меня.

«Мне даже не слишком больно», — последнее, что я подумала, прежде чем свет растворил меня.

Глава 4

— Пей, говорю, плевать на потом будешь! — услышала я голос Кестера, пробившийся ко мне сквозь глухую темноту.

— Что это за гадость?! — удивилась я, несмотря на сильную слабость, не позволяющую даже разлепить веки. Казалось, на них вылили сахарный сироп, и ресницы склеились навечно.

Напиток мало того что обжигал язык и нёбо, так ещё и горчил, словно хинная трава, а пах как прокисшее молоко. Давно прокисшее.

— Не тошнит? — участливо поинтересовался Кестер над самым моим ухом и аккуратно поправил подушку под спиной.

Надо же, клянусь, он надо мной издевается!

Я прислушивалась к звукам вокруг, но все они доносились с улицы, а в комнате, где мы находились, было светло и тихо.

— Где я?

— У меня. Снова. Здесь твоё место, София, просто ты никак этого не хочешь признать.

И снова к губам поднесли горький напиток. Я смогла сделать лишь пару глотков, и в горле сделалось так гадко, что сдержаться не было сил.

— Вот, правильно, пусть излишки магии выйдут. Не знал, что ты такая жадина, София.

Рука Кестера соскользнула по моей щеке и придержала растрёпанные волосы, чтобы я не запачкала их содержимом желудка. Судя по звукам, меня вывернуло в пустое ведро.

— Что со мной?

— Слишком много магии забрала, твой объём чуть не лопнул, но скоро придёшь в норму. Обещаю.

Последнее слово он произнёс шёпотом, и я почувствовала, как наши губы соприкоснулись. Всего на миг, и снова между нами возникла пустота.

Но я потянулась ему навстречу.

Чувствовала себя маленькой и слабой, совсем как в детстве, когда болела и получала к обеду блюдце малинового варенья. Я ела его чайной ложечкой, не наполняя её даже на треть, чтобы растянуть удовольствие. А если зажмуриться, то удавалось представить, что я сижу дома. В настоящем доме среди любящих родителей.

И не надо будет возвращаться к серой униформе и застиранному перештопанному постельному белью. Вот и сейчас мне не хотелось снова становиться сильной, побуду слепой и жалкой, может, удастся что выпросить.

На самом деле, я хотела просто поговорить по душам, никуда не торопясь.

— Я не могу открыть глаза.

— Это скоро пройдёт, отдыхай. Мне нравится видеть тебя такой, — и он снова дотронулся губами до моей руки.

— Какой? Слабой и безвольной?

— Ты себе льстишь, дорогая, — губы Кестера скользнули по предплечью вверх. Медленно, я ощущала их прикосновение и вздрагивала, а сердце замирало от предвкушения развязки.

Мне хотелось обнять его за шею и сказать, что пока я вот такая, он может делать со мной всё что угодно. Позже всегда можно сделать вид,

что я не понимала, что говорю.

И вообще, он мной нагло и беспардонно воспользовался.

— Ты никогда не была ни той ни другой, — ответил он и накрыл ладонью мои глаза.

Я снова погрузилась во тьму, а когда очнулась, то находилась в своей комнате, а за окнами шумел белый день.

— Выспалась? Быстро он тебя вернул, — произнесла Ванда, помешивая травяной настой. — На, выпей, это зверобой. Быстрее в себя придёшь.

Я с благодарностью приняла чашку из рук хозяйки и спросила о том, сколько я проспала.

— Пару часов, не больше.

— А где Ле Шатон? — спросила я, предчувствуя недоброе.

Я оглянулась, но львёнка нигде не было видно, обычно он всегда скачет поблизости.

Ванда молчала и ухмылялась, от этого тревога только усилилась, и я рывком, откинув одеяло, поднялась на ноги.

Против ожиданий, сил у меня было хоть отбавляй. Дайте разъярённого быка да поставьте на моём пути, я его одной рукой, не прикасаясь, смету. Или он меня.

Сила бурлила во мне, золотистым огнём бежала по венам, оставляя сияние на коже вместе тонких синих дорожек.

— Ишь как, заискрилась! — присвистнула Ванда, и я впервые за всё время нашей встречи услышала в её голосе восхищение. — Так и Магом станешь.

— Нет, не стану, это сейчас пройдёт. Кестер объяснил, что через несколько минут после пробуждения часть Силы уйдёт, потому что она не моя, а его, — я говорила быстро, тем временем заглядывая под кровать, даже кресла отодвинула.

— Где же он?!

— Я его выгнала пока, возмутился, стервец, да потом Рысь взял его за шкуру и в кладовой запер, чтобы он дал тебе отдохнуть, а не поминутно лез в лицо.

Резко распрямившись, я чуть не упала в только что поставленное на место кресло. Всё-таки Сила моя преувеличена.

— Выпустите его, пожалуйста!

Поняв, что Ле Шатон жив и здоров, и я не убила его своим неловким опытом, я разревелась, как ребёнок, потерявший на ярмарке мать. И теперь толпы чужих пальто и сюртуков лишали его последнего шанса найти родные руки, уткнуться в пахнущий сладостями и домашним уютом передник.

— Хорош сырость разводить! Эта зверушка того не стоит, — махнула в мою сторону Ванда, но отправилась освобождать пушистого и мохнатого пленника тёмного чулана.

Я же всё продолжала всхлипывать, прижимая руки к груди, уже и сама не зная, почему. Мне вдруг показалось, что вот сейчас всё настолько хорошо, что может измениться только к худшему. Да, с Кестером не всё гладко, но я ощущала, насколько мы становимся ближе друг к другу, а к большему оба пока не готовы.

Скоро он позовёт меня на разговор, будет убеждать в необходимости обмана господина из Нортингса, тогда я и скажу ему, что думаю и почему не могу поступить иначе. А пока...

Пока в комнату влетел Ле Шатон и, с разбегу запрыгнув мне на колени, принялся лизать лицо горячим шершавым языком.

— Хорошо, что ты здорова. Я вот тоже стал легче, посмотри насколько!

Мне пришлось взять алхима на руки и убедиться, что тот и вправду вернул себе вес двухмесячного котёнка.

— Верно, — улыбнулась я и чмокнула львёнка в розовый носик, на что тот сердито расфыркался, правда, с опозданием секунд на двадцать, позволив мне роскошь потискать его.

— Ну хватит, женщина, я не люблю, когда меня много трогают люди, вы нарушаете моё магическое поле.

Тут на помощь алхиму пришла Ванда, не забыв упомянуть о том, что от всяких существ можно нахвататься магических червей. Мол, потом их и дустом не вытравишь, и зверобой не поможет.

— Даже свиные бобы не сработают, — закончила она свои угрозы и многозначительно замолчала. А потом спохватилась и принялась искать нарядное платье.

Их у Ванды было три. В этот раз настала очередь фиолетового наряда, больше похожего на одеяние давшей обет целомудрия. Закрытые рукава, застёгнутое на все пуговицы до самого горла, моя хозяйка выглядела в нём строгой жёсткой, хоть и состоятельной дамой.

К такой просто так, без целования ручки, не подойдёшь.

— Свиные бобы всегда пригодятся, — заключила она и, подмигнув, показала на выход.

Мы снова отправлялись на рынок трав. На этот раз за крайне ядовитым растением, называемом в моих книгах, беленой.

Глава 5

— А теперь расскажи мне, девонька, — обратилась ко мне Ванда, когда мы наняли открытую повозку, чтобы с шиком прокатиться до местного рынка трав. — Что ты вычитала про свиные бобы? Это очень важное растение, ты должна знать о нём всё.

Мы ехали по оживлённым улицам, и я с удовольствием смотрела по сторонам. Тиждан отличался от прочих городов, в которых мне довелось побывать. Суэта на мостовых здесь не походила на праздное шатание столичных жителей, на их вальяжные променады ради того, чтобы показать наряд или богатство, или и то и другое.

Тиждан был городом мастеров, его чистые улицы являлись воплощением заботы о собственном комфорте, серые однотипные домики украшались яркими надписями о наступлении того или иного праздника.

И хоть домишки даже в центре не имели излишней вычурной архитектуры, которой гордилась столица, они производили впечатление уютного мирка, где каждому отведено своё место, где нет бездельников или праздношатающихся граждан.

Символом Тиждана был раскидистый дуб с переплетающимися искривлёнными корнями. В воздухе, даже на окраинах, пахло специями, пряностями и разнотравьем.

— Свиные бобы используются как приворотное средство.

— Опять за своё? Ты только о любви и способна думать? Забудь! — шикнула Ванда. — Нету никаких приворотных средств, это всё яды, вызывающие иллюзии.

— Белена может язвы, насланные магией вылечить, если растолочь её и приложить как повязку на пару дней, — продолжила я, старательно вспоминая, что я читала об этом растении. Мощное, крайне опасное не только для клиента, но и для составителя зелий.

— А почему так называется, знаешь? Если скажешь, нет, то стукну ручкой веера по ветреной голове.

И в доказательство своих слов Ванда сложила веер так, чтобы при случае быстро и точно выполнить угрозу. Никогда раньше не видела, чтобы она пользовалась этим предметом, более подходящим знатным дамам, чем таким простым труженицам, как мы с ней. Но сейчас хозяйка оделась так, что я вполне могла сойти за её служанку.

Как выяснилось позже, так оно и было задумано. И открытую коляску Ванда наняла не просто так, чтоб с её природной бережливостью, граничащей со скупостью, вот так сорить деньгами ради чужого глаза? Нет, у хозяйки была вполне определённая цель.

— Отвечать будешь?

— Буду, — я была упрямой. Всегда такой славилась и неспроста. Сдаваться на полпути — не дождётесь, в начале — тем более. — Это любимое растение волшебницы Кирки, которая могла с его помощью превращать людей в свиней.

— Или внушать им мысль, что они ими стали, — миролюбиво добавила Ванда и усмехнулась. Я видела, что она мной вполне довольна. — Можно алхимов самой призывать, если знать, как с ним работать. И как принимать. А не так, как ты, эх, выпью половину настой, а там посмотрю, что будет.

Хозяйка подтрунивала надо мной всю дорогу, но зато я узнала, что алхимы, включая моего чудесного Ле Шатона, это чистая магическая энергия, принявшая по воле создателя определённую форму. И рано или поздно, они должны вернуться в энергетические воды всемирного магического океана, пронизывающего наш мир и поддерживающего в нём жизнь.

— То есть Ле Шатон просто исчезнет? — спросила я, чувствуя, как в горле собирается ком.

— Ничто не исчезает бесследно, но в общепринятом понятии, да, — кивнула хозяйка и тут же окрикнула возницу, который начал уже прислушиваться к нашему разговору.

Знатные дамы обычно о нарядах болтают, о магазинах, где они продаются, на крайний случай, распекают прислугу за нерадивость, но чтобы вот так разговаривать со служанкой о магии, да ещё проверять, запомнила ли девица травы и прочие пакости, которые приличной даме и знать не положено, это уже слишком. Таких возить ни за какие сеуты не захочешь: навлекут порчу — и разоришься.

— Сворачивай в переулок и через три дома справа остановитесь. Вон у той крашенной двери, — рывкнула на него Ванда, не дав бедняге выразить праведный гнев.

Возница, мужчина средних лет, пожевал губы, хотел что-нибудь сказать, да и сплюнул на землю.

Что тут спорить, себе дороже!

— Разве мы не рынок едем? — забеспокоилась я. Ванде доверяла безоговорочно, но вся необычность этой ситуации начала вызывать смутную тревогу.

— На обратном пути заедем, а пока кое с кем переговорить надобно, ты сиди рядом и молчи. Спросят — ответишь.

— А что отвечать?

Хозяйка только усмехнулась:

— Что захочешь, воля твоя. А ты, милоч, подожди нас, внакладе не останешься.

— У меня, госпожа, дела тут, далеко ездить, боюсь, туда-обратно, вовремя не обернусь, — мужичок как-то сник, начал мямлить и прятать глаза. Боялся Ванды, понял, что с нею лучше по-доброму, а как ноги утащить, да коляску с лошадьёю сберечь, не знал.

Наверное, проклинал тот час, когда согласился взять заказ, да чего уж теперь говорить!

— Посиди, отдохни и не спеши никуда, а то морок наведу, дорогу домой не найдёшь! — по-доброму, ласково, с улыбкой произнесла хозяйка, но зыркнула на возницу так, что тот только вздохнул и вжал голову в плечи.

Ванда кивнула мне и прогулочным шагом направилась к двери двухэтажного домика.

Обычно богатые предпочитали дома покрасивее да в хорошем месте, чтобы маленький садик был, забор кованный всем на зависть, а здесь не могли жить такие господа. Тогда зачем мы сюда приехали, разрядившись словно состоятельные госпожи?! Конечно, последнее больше относилось к Ванде.

Я хоть и оделась по её приказу в самое чистое и парадно-выходное, но всё равно выглядела достаточно скромно. Видно, что барышня приличная, из образованных и с чистыми руками, не привыкшими к тяжёлому труду, но стеснённая в средствах. Обедневший знатный род, должно быть.

Эх, когда я разбогатею, а это обязательно случится, буду одеваться с шиком и роскошью, принятой в свете и полусвете! И шляпки носить стану дорогие, и перчатки им в тон. А пока не надо выпячивать то, чего нет, чтобы не привлекать различных господ. Ищущих содержанок или любовниц на краткий срок.

Ванда позвонила в дверь, и вскоре она отворилась.

— Скажи, милая, что к господину пришли, — и хозяйка протянула золочёную табличку, которыми обычно пользовались знатные господа и дамы, чтобы их имя и репутация бежали впереди них.

Только у Ванды-то такая откуда?! В Плауполисе её и так знали.

— Ничему не удивляйся, София, я буду говорить от твоего имени. Для твоего блага. А то, оставь тебя на произвол судьбы, натворишь дел.

— Я не глупая.

— Знаю, но неопытная и доверчивая. Даже если ты считаешь иначе, — отрезала хозяйка со вздохом, и молоденькая горничная в белом переднике пригласила нас в гостиную.

Мне сразу бросилось в глаза белоснежное пианино. Оно было наскоро поставлено в комнату, видно, что его купили совсем недавно, ничья рука ещё не открывала крышку и не дотрагивалась до его клавиш.

— Нравится, госпожа? — услышала я позади приятный мужской голос. — Это куплено для вас и будет вскорости доставлено в Нортингс.

Глава 6

— Кто вы? — я обернулась и увидела высокого тщедушного молодого человека в красивых очках с золотистой оправой.

Его большие серые глаза поблескивали за тонкими стёклами, выдавая какой-то внутренний огонь, очень схожий с тем, что горит в очах фанатика.

— Я Велимир, госпожа, к вашим услугам, — он прижал руку к впалой груди и изящно поклонился. — Служу в доме вашего родителя. Скажите, вы играете?

— Нет, совсем не умею, — я посмотрела на руки и испытала неловкость, щемящее чувство ущербности.

Все знатные барышни обязаны музицировать, иногда их начинали обучать музыке раньше, чем они заговаривали. Считалось, что именно

простые гаммы помогут развить тонкий вкус, который позже укрепитя разучиванием гораздо более сложных произведений.

Всё правильно. Девушка должна быть украшением дома сначала отца, а потом и мужа. Ей не положено лезть в дела земные, всё равно в них ничего не смыслит, а коли муж о них говорит, так пусть слушает, открыв рот, и кивает.

В приюте нас готовили к более приземлённой жизни, в которой умение стирать, готовить или считать, значило гораздо больше, чем бесполезное пикиканье на скрипке или освоение нотной грамоты. Да и где приютская девочка найдёт музыкальный инструмент?

Им, неумехам, бесталанным детям со скромным магическим объёмом, лучше освоить профессию швеи или прачки.

В поисках поддержки я посмотрела на Ванду, уж она-то была со мной одного поля ягодой, и должна была понимать, что я чувствую. Но хозяйка старалась рассматривать висящие на стенах картины и делать вид, что наш с Велемиром разговор её не касается. И это после того, как велела мне больше помалкивать!

— Не думаю, что я освою эту науку, — твёрдо сказала я и с вызовом посмотрела на собеседника.

Его внешность я бы никогда не запомнила, повстречайся мы на улице, но сейчас, когда он с жаром принялся доказывать, что ничего сложного в музыке нет, его лицо наполнилось светом, какой я видела только у служителей храмов во время религиозных праздников.

— Я слышала, что неумелая игра вредит пианино, — сделала я последнюю попытку, но уже понимала, что сдамся.

— Верно, однако, я ещё и настройщик, госпожа, так что не извольте беспокоиться.

— София не из беспокойных барышень, — подошла ко мне Ванда и, взяв за руку, увела к дивану, заставив сесть рядом. — Сперва мы хотели бы убедиться, что ваш господин действительно тот, кого мы искали.

«Странное дело, — подумала я. — Это он должен беспокоиться, не подсунет ли Рысь ему под видом дочери самозванку».

— Конечно, госпожа. Мне велено передать вам письмо. Прочтите сейчас и дайте ответ.

Свет в лице Велемира погас, теперь в серых глазах за дорогой красивой оправой отражалась лишь скука, мужчина нёс тяжкую

повинность, но не мог от неё отказаться. Из внутреннего кармана сюртука он достал письмо в голубом конверте и передал его в руки моей хозяйки.

— От вас уже приходили, — буркнула она, не спеша заглядывать внутрь. И продолжала пристально смотреть на Велемира. — Сядьте уже, господин. Вы меня нервируете, а когда это происходит, я могу наделать ошибок.

Так она беседовала с клиентами, когда те пытались обращаться с Вандой Отравительницей, как с обычной прислугой, которую при случае легко заменить.

Её грубоватая манера говорить без обиняков всегда производила нужное впечатление. Вот и сейчас Велемир быстро заморгал, словно ему соринка в глаз попала, но сел в кресло напротив.

— Я ничего об этом не знаю, госпожа.

— Знаете. Или вы не тот, с кем мне следует обсуждать условия.

Велемир снял очки и долго тёр переносицу, а потом водрузил их обратно и произнёс равнодушным тоном:

— И что, что приходили? Господин хотел убедиться, что София и вправду его дочь.

— И не хотел платить посредникам, понимаю, — усмехнулась Ванда.

Я смотрела на них со стороны и думала о том, что выступаю в роле статуи или фарфоровой куклы, которую вот-вот продадут то одни, то другие. А до того, что хочет она сама, и дела нет.

— Я сомневаюсь, что я дочь господина Визатиса. Меня подбросили в приют далеко отсюда, — я не смотрела на хозяйку и говорила твёрдо, сцепив руки в замок. Надоела эта ложь, им-то легко, обманули и уехали дальше, а мне жить всю жизнь?

— Господин сам разберётся, — мягко ответил Велемир, в его глазах я прочла нечто очень похожее на жалость, смешанную с лёгким интересом.

Не каждая на моём месте стала бы упускать шанс на новое имя!

— Знаете, молодой человек, — продолжила Ванда, накрыв мои руки ладонью. Я только сейчас поняла, насколько сильно дрожат мои пальцы. — Мне стало известно, не спрашивайте, как, что вы приехали сюда не только за личной встречей с моей помощницей, но и для того, чтобы купить плакун-траву.

— Я не интересуюсь травами, — быстро сказал Велемир, словно оправдывался.

— Вот и хорошо, а мы с Софией, — тут хозяйка выразительно на меня посмотрела, — в них разбираемся. И хотим предупредить вас и вашего патрона, чтобы не усердствовали, да отвар не делали. Хотите правду узнать, спросите. София вам и так всё рассказала, она не хочет оставаться в Нортингсе, но ради господина Визатиса и его горя согласилась приехать в такую даль за личной встречей, но вот портить девку я вам не позволю.

— О чём вы? Это просто средство от бессонницы, — Велемир пытался казаться холодно-равнодушным, но даже я заметила, что он постоянно посматривает на дверь, ведущую в прихожую. Хочет, чтобы мы скорее ушли или ждёт кого?

— Нет, господин хороший, мне-то вы это можете не рассказывать. Я знаю и как усыпить человека, и как вернуть его, даже как с его духом разговаривать. Вы не Маг, полагаю, господин Визатис, тоже. Тогда не стоит баловаться с плакун-травой. Так и отравить человека можно.

Ванда говорила спокойно, словно беседа была о вполне обыденных вещах, быте и списке покупок для кухарки. И всё же даже у меня её слова вызывали мороз по коже. Плакун-трава нужна для тех, кто хочет заставить человека раскаяться и рассказать неприятную правду.

— Это так, — вставила я слово, глядя мужчине в глаза. — Не нужно тратить деньги. Я и сама вам всё расскажу, может, скорее всего, так и есть, я не дочь вашего покровителя. Не знаю, почему он решил, что я ему подхожу. Позвольте нам уйти, мы сразу же уедем обратно.

Я встала, желая попрощаться, но Велемир вскочил на ноги и схватил меня за руку, будто давний знакомый. Затараторил, глотая окончания и постоянно сбиваясь:

— Простите, София. Вы честны со мной, я бы хотел отплатить вам тем же. Покойная бабушка несчастной жены господина Визатиса обладала даром разговаривать с цветами и растениями. Мы слышали, вы тоже это можете. Редкое умение обычно передаётся по наследству. Мой патрон долго искал вас, умоляю, встретьтесь с ним. Пару раз, это вас ни к чему не обяжет!

И посмотрел умоляюще, что я оторопела.

— Хорошо, а теперь позвольте нам уйти.

— Да, господин хороший. Нам надо ещё на рынок успеть. За свинными бобами. Слышали, они входят в состав шестичасового зелья для воскрешения? Так вот, не верьте. Врут всё. Воскресить мёртвых никому не под силу, — произнесла Ванда, беря меня за руку и чуть ли не силой ведя к выходу.

Я всё оборачивалась и смотрела на порывистого молодого человека, чьи волосы, казалось, жили своей жизнью. Сейчас они оказались всколочены, хотя во время нашего разговора он до них не дотрагивался. Не Маг, но однозначно не так прост, как хочет казаться.

Ладно, разберусь позже. Сейчас надо крепко расспросить Ванду о том, что мне рассказал Велемир. О родне жены господина Визатиса.

И о том, почему Ванда так и не прочитала письмо в голубом конверте, который тут же спрятала в дамскую сумочку.

Глава 7

— Не хотите прочитать письмо?

Я еле дождалась, пока мы сядем в коляску, и испуганный нашим поспешным возвращением, больше похожим на бегство, кучер не прикажет лошадям припустить рысью. Благо, широта улиц позволяла никого не задеть, хотя прохожие, особенно женщины в цветастых платках, жались к домам и бормотали что-то нам вслед.

— Позже, приедем, Рыси покажу, он и прочтёт.

— Так вы здесь по его поручению? — протянула я, чувствуя, что перестаю что-либо понимать. Зачем он приказал Ванде привезти меня в этот дом? Хотел заинтриговать помощника господина Визатиса?

Чтобы даже если у этого господина и возникли сомнения относительно моей особы, то теперь он во что бы то ни стало захотел меня видеть лично.

— И да, и нет. Рысь не сказал, что конкретно надо делать, да мне бы он и не посмел указывать напрямую, но упомянул, что ты, София, должна сама увидеть, от чего хочешь отказаться. И верно сказал.

Да, Кестер всё продумал. Мой характер, возможные осложнения из-за упрямства, даже на любопытстве умело сыграл. И всё же у меня был свой план.

— На рынке продаётся хмель?

— Хмель? Конечно, этого добра везде навалом.

На Тижданскую ярмарку мы попали уже под закрытие. Ванде, как богато одетой даме, наверняка не смыслящей в товаре, а желавшей

приобрести чудо-зелье для возвращения молодости, пытались продать самые дешёвые травы под видом дорогих. Но они плохо знали, с кем имеют дело.

— Нет, этот дурно пахнет, не возьму! — капризничала моя хозяйка, перебирая чабрец и можжевельник. — Ай, жжётся!

Это она «случайно» укололась листом крапивы.

— Зато силу имеет, госпожа, огромную. Поэтому и в руки не даётся, но вас он выбрал, — соловьём заливалась приятная дама средних лет в огромном белоснежном чепце. Она норовила улыбнуться, показав отсутствие переднего зуба, и только портила этим всё впечатление.

— Какую же силу, милая? — Ванда очень натурально скруглила глаза, что я еле удержалась, чтобы не хихикнуть.

— Мужчину от загулов отваживает, кровь останавливает, отворот сопернице делает, — тут же принялась перечислять товарка, загибая тонкие узловатые пальцы. — Сон оберегает, вашей дочке очень пригодится. И удачу в битве приносит.

— Ох, какая трава! Жаль, что я не полководец его королевского величества! — в конце прыснула Ванда, а потом, нахохрившись, сказала по-военному чётко. — А ну, милая, убрала свой бурьян и достала мне свиные бобы. Я за ними к тебе пожаловала, Ярина. Или ты не та, кто мне нужна?

Женщина скривилась, словно проглотила что-то кислое, и пятернёй почесала волосы под чепцом, но быстро пришла в себя. Всё-таки травницы умели приспособливаться к любой неожиданности.

— Так бы и сказала, что благородную из себя строить?! — бурчала Ярина, но под прилавок залезла и долго там копалась. Я уже было подумала, что-либо она решила там пересидеть, пока нам не надоест ждать. И мы не отправимся восвояси, либо в земле у неё был тайный ход от таких вот придирчивых покупателейниц.

Но вскоре женщина вынырнула, не торопясь вытерла лицо чистым белоснежным полотенцем, и протянула Ванде небольшой полотняный мешочек, легко помещающийся в раскрытой ладони.

— Сто двадцать пискалей!

Ого, двести с меня содрал Рысь, когда продавал лицензию в гильдию! Цена очень приличная, за такие деньги эти бобы и впрямь обязаны превращать людей в свиней.

«Впрочем, — подумала я, глядя на мужичонку, шатающегося между рядами и выпрашивающего деньги на попойку, — некоторым и бобы для этого не нужны».

— Восемьдесят, — отрезала хозяйка и протянула торговке деньги, заранее отсчитанные и уложенные в платок. Чтобы у той не было времени передумать или возмущаться.

— А хмель у вас есть? — вставила я, видя, что вопреки прогнозам Ванды, товарка сдаваться и уступать ценную траву за бесценок не собиралась

— А тебе от бессонницы или для того, чтобы забыть сердечного друга? — уставилась на меня Ярина.

— Для всякого дела, — ответила я, как учила хозяйка. И только вздохнула.

В итоге всё у нас сладилось, больше Ярина расспрашивать и торговаться не стала, но домой мы всё равно вернулись затемно.

Я сразу отправилась помыться. Конечно, здесь на Севере отдельная ванна была роскошью, в основном мылись в тазах или чанах, но я уговорила Ладугу нагреть воду для нас обоих. На целую ванну не хватило, но зато мы помылись по очереди, полностью меняя воду после купания каждой из нас.

Я вышла из ванной комнаты, находившейся на втором этаже, последней. Наскоро высушила волосы, но они всё ещё оставались влажными, поэтому скрутила их сзади в хвост, перетянутый лентой. Высушу в комнате, а пока простоволосой ходить неприлично.

— Я мог бы нагреть для тебя воды, София, одним прикосновением, — услышала я голос Кестера секундой раньше, чем почувствовала его за своей спиной.

А спросить, прикосновением к чему, так и не решилась. Заигрывать с Рысью опасно, можно ощутить себя маленькой мышью в когтях хищника.

— Спасибо, я справилась.

— Нет, София, пока нет, — вкрадчивый голос Мага подавлял всякое желание сопротивляться. Ох, вовремя я купила хмель, сейчас спущусь и заварю его от греха подальше.

Я хотела было пожелать Кестеру спокойной ночи, но язык не слушался, а мысли сделались тягучими, как сладкая патока. Предупреждала же Ванда, что Рысь обладает способностью вызывать

в человеке нужные эмоции! Ненадолго, но может подавить волю, если, конечно, объект и сам желает того же, что и Маг.

Хмелю мне, хмелю да побольше! Чтобы заглушить голос сердца и забыть его, отвыкнуть от мысли, что Кестер, пусть и ненадолго, мой мужчина. Маг не принадлежит никому, даже если женат. А тут и говорить не о чем!

— Пойдём ко мне, я хочу вернуть тебе то, что подарил, и от чего ты так бездумно отказалась. А я не принимаю отказов.

Руки Кестера гладили мои плечи, и через тонкую влажную ткань платья я чувствовала тепло, исходящее от них. Его дыхание на затылке, губы на моей шее — всё, на сегодняшнюю ночь я пропала с потрохами.

— Это твоё, — протянул Кестер знакомую шляпную коробку, когда привёл к себе в комнаты.

Поставил её на стол, застеленный скатертью, и повернулся ко мне.

— Не хочешь выпить вина?

Я покачала головой, чувствуя себя кроликом перед удавом.

— Отпусти меня.

Хотела добавить, что «наиграешься и бросишь», но смолчала. Ничего не изменится от моих слов.

— Нет, пока нет, — вздохнул Кестер и посмотрел в окно. — Не могу. И не хочу. Иди сюда, София, поверь, я на твоей стороне. На столе письмо, прочти сама, вы привезли его сегодня, оно ещё не распечатано.

Глава 8

В эту ночь я позволила себе не думать о последствиях и следовать зову сердца.

Шла босиком по лунной дорожке, оставляемой холодным светиллом на воде. Смотришь на неё и кажется, что она так же реальна, как и прочие пути, можно бесконечно плыть по ней до самых звёзд и никогда не достичь цели. Луна холодна, далека, это только иллюзия, что она зовёт тебя.

Ей никто не нужен.

Утром мы расстались так, словно вечером соединимся вновь.

— Ты же понимаешь, что привязываешь меня к себе, — обернулась я на пороге, чтобы высказать давно терзающую меня мысль.

Синие глаза Кестера смотрели, как обычно, с лёгкой насмешкой, но сейчас я заметила в них такую теплоту, что захотелось погреться около неё, как у костра.

Приютским вечно не хватает людского участия, искреннего и яркого. Поэтому мы тянемся к теплоте и снова доверяем тому, кто ещё вчера готов был нас продать. Несмотря на всё, что я знала про этих людей, я верила им всем: Ванде, Кестеру, даже Ладе.

— Этот процесс не бывает односторонним, София. Ты права, но стоит ли что-то с этим делать?

— Не понимаю.

Я хотела бы броситься к нему в объятия и снова почувствовать поцелуй на горячих, не остывших с ночи губах, но боялась, что тогда уже не смогу уйти.

— Пока нам по пути, не стоит сворачивать в сторону. Я давно понял, что такие демарши не приводят к счастью. Резать по живому не надо, а потом всё устроится. Так или иначе.

Я кивнула и вышла в коридор.

Куда уже понятнее: не забивай голову и не думай о будущем, пока оно не настало!

А коробку со шляпкой я забрала, обрадовавшись ей, как ребёнок. До отъезда в Нортингс даже успела примерить её и покрутиться перед маленьким настольным зеркальцем.

«Если это что-то годное и само плывёт в руки, никогда не отказывайся» — универсальное правило приюта.

Вот и поездка в Нортингс была следствием этого правила. Я просто посмотрю на дом господина Визатиса, погощу там и отправлюсь обратно, рассказав ему правду. Родителей своих я не знаю, да и не узнаю никогда, а мой дар говорить с травами, если подумать, не такая уж и редкость.

Была в приюте девочка моего возраста, так у неё он был развит гораздо больше. Мы даже почти сдружились на этой почве, хотя она и сторонилась всех, как пугливый оленёнок. Глаза ещё такие у неё были: влажные, большие, тёмные.

Дружили мы недолго, едва достигнув возраста первой крови, Винона, так называли её в приюте, заболела чахоткой и больше не поднялась. Я ухаживала за её могилой, пока не уехала.

— Что так смотришь? Плакать по мужчинам не следует, не оценят они, а красоту лица слёзы губят, — поучала Ванда, радуясь возможности поговорить.

С тех пор как у хозяйки появилась я, она полюбила разговоры и поучения. Даже Ле Шатон мог теперь спросить что-либо, не боясь попасть ей под горячую руку.

— Плакать? Как это? Зачем? Воду надо беречь, — тут же вставил он, заглядывая мне в лицо. — Без воды нет жизни.

— Я совсем не думала о Кестере, — пыталась оправдаться я, рассказав, что снова вспомнила о детстве в приюте. Но Ванда лишь отмахнулась, а я решила не спорить и молча взяла Ле Шатона на руки. — Плакать мы не будем. Иногда, когда нам грустно, случается, люди плачут, но всё это ненадолго. Потом снова улыбнёмся, и всё наладится.

— Тогда можно сразу перейти к улыбкам? — поднял ушки алхим, и я опустила его к себе на колени.

Мурлыкнув пару раз, он свернулся клубком и засопел. До самого Нортингса больше разговоров о Кестере мы не вели.

Город встретил нас позолоченным сиянием храмовых комплексов и унылым перезвоном часовен. Мне не понравились его строгие белокаменные дома и чистые, вымощенные булыжниками улицы, по которым быстрым шагом спешили укутанные в плащи прохожие.

Было такое ощущение, что они стремятся как можно скорее уйти с улицы и спрятаться за толстыми дубовыми дверьми своих домов

— Что-то мне здесь уже не нравится, — сказала я, выглянув поутру из окна экипажа.

— Посмотрим, — глухо отозвалась Ванда. — Ох, я бы сейчас любой кровати была рада, не в моём возрасте уже такие путешествия.

Через час мы подкатили к богатому постоялому двору. Чистые большие окна, занавешенные настоящими портьерами, мягкие цвета в интерьере — такое я видела лишь на картинках в Аллее Торгового квартала. Говорили, так выглядят дома аристократов.

— Что мы здесь будем делать? — я опередила спутников и, прибавив шаг, поравнялась с Ленроком, рябым помощником Кестера.

Он как раз у стойки беседовал с хозяином двухэтажного дома, который любезно заверил, что наши покои готовы.

— Ждать, — был дан мне ответ. — Скоро всё закончится, не думаю, что мы задержимся здесь дольше, чем на две недели. А ты пока копи магический объём, он скоро понадобится.

Больше боевой Маг ничего не сказал, только посмотрел на меня так, будто я притворяюсь, что ничего не поняла. И расспросами его мучаю исключительно из вредности.

Похоже, все вокруг верили в мою Силу больше меня. Потому что не знали истинного положения дел.

Сила возросла, но не настолько, чтобы я могла раскидывать врагов направо и налево. Или чтобы яды могла творить такие, противоядия которым быстро не сыщешь, а если и найдёшь, то оно окажется не лучше яда.

Сказки всё это, нет у полукровок такой Силы. Да и у Магов нет.

— Ты не рассчитывай на долгий отдых, будем противоядие готовить. Такое, чтобы от большинства зелий спасло, — Ванда, переступив порог, просторной комнаты, сразу полезла в сумку, где хранила травы.

Я чуть от удивления на постель не села!

Алхим крутился под ногами, принохиваясь к сумкам.

— Вы же говорили, что такого не существует, — ответила я, быстро придя в себя, и по привычке принялась задёргивать шторы и зажигать свечи. От любопытных глаз не скроешься, да всё равно предосторожности лишними не бывают.

— Верно, травами такого не добиться, но у Рыси есть и другие игрушки.

— Вы об артефактах?

Мне сразу вспомнилась шкатулка, внутри которой на бархатной подушечке лежали три металлические пластины. От яда, для ближнего боя и для того, чтобы внешность подправить.

Вот, значит, как!

— Я готова.

Ванда быстро выкладывала на пустой письменный стол, застелив его перед этим чистой белой скатертью, пучки свежих трав и баночки с засушенными кореньями.

— Тогда мой руки и подходи. Настало время обучить тебя работе с мандрагорой.

В середину на круглое блюдо хозяйка выложила завернутый в тряпицу ведьмин корень.

Глава 9

— Что мне надо делать? — я застыла у стола, комкая край скатерти.

Вино, как велела Ванда, принесла, дверь затворила, выпихнув за неё Ле Шатона уговорами и обещанием купить дюжину сладких булочек, и вот теперь стояла, боясь дышать и смотрела на хозяйку в ожидании чуда.

О мандрагоре говорили всякое, писали не меньше: и мазь для полётов на метле можно из неё изготовить, любовь в сердце разжечь, клад опять-таки найти с её помощью можно.

Только в реальности мало кто работал с ведьминым корнем. Помню, спросила у Дорофеи Лекарки, матери Стефы, о нём, та только руками замахала.

«Чёрное это дело, противоестественное. Не работает в большинстве случаев».

И вот теперь я смогу научиться работать с мандрагорой.

— Знаешь, что ошибки этот корень не прощает? — спросила хозяйка, повязывая рабочий передник.

В её движениях, выражении лица не было заметно никакой нервозности, словно она работала с мандрагорой раз в неделю, и все слухи, ходящие вокруг этого растения, как голодные собаки вокруг выкинутой людьми кости, не заботят её вовсе.

Собаки, как бы голодны они ни были, место своё знают, к людям не сунутся. И слухи вокруг мандрагоры всего лишь домыслы.

Я кивнула.

— Всё верно, моя хозяйка в своё время страшила рассказами, что предсказатели прошлого пили настойку мандрагоры перед тем, как дать ответ на важный вопрос. Но я считаю, всё это глупости. Травы не растят магический объём, Сила либо есть либо нет.

— Алхим увеличил мой объём Силы, — робко вставила я, на что Ванда рассерженно хмыкнула:

— Никто не знает, чем ты за это расплатишься. Да и речь шла о травах, слушай внимательно, а не об артефактах и прочих магических сущностях!

Оставалось только согласиться и замолчать. Времени у меня было не так много, надо научиться как можно большему.

— Скажите, а если я, спустя какое-то время, вернусь в Плауполис, вы возьмёте меня обратно в помощницы?

Я не смотрела на хозяйку, рискованное это занятие — правду говорить, да хотелось знать заранее, что меня ждёт, если уеду из Нортингса.

— Сбежать от своего счастья надумала? — вскоре ответила Ванда и, погладив меня по голове, впервые с того момента, как я поступила к ней в услужение, ответила: — Возьму, конечно. Только подумай хорошенько, от денег так просто не отказывайся.

На этом все разговоры закончились, и закипела работа. Ванда взяла в руки корень, я лила сверху на него красное вино, оно стекало в миску, поставленную на стол, и казалось кровью маленького человечка.

— Это мужской корень, он крупнее женского, поэтому нужен для работы по заказу Рыси. На женщину мужской корень не сработает. Вопросы есть?

— Да. А правда, если ошибёшься в работе с мандрагорой, то больше её корня никогда не сыщешь. В руки не дастся...

— Говорят, — на губах Ванды промелькнула самодовольная улыбка. — Я не знаю, не поверяла. Работу надо делать хорошо, не уверена, что справишься — не берись.

Сразу после этих слов хозяйка взяла заранее приготовленный тонкий нож, похожий на те, которыми в гостиницах разрезают страницы книг или вскрывают письма, и принялась вырезать на корне лицо.

Человечек оживал под её руками, я видела, как у него появляются глаза, рот, вот взлетели вверх брови, словно он хмурился.

— И никаких слов не надо? — ахнула я, когда за пару минут всё было закончено. Обрезаны лишние нити корня, теперь он походил на живое существо, весьма недовольное тем, что его пробудили ото сна.

Мне казалось, что сейчас он закричит на нас, и от этого крика, как говорилось в книгах, мы лишимся разума.

— В по-настоящему важных вещах слова не нужны, София. А теперь иди, отнеси корень к нему. Да заверни его в красный бархат.

Корень-то, — Ванда снова улыбнулась. — Я тут сама приберу. Иди-иди!

Выполнив наскоро всё, что приказали, я выскользнула в дверь и направилась в комнату Кестера, провожаемая сальными взглядами мужчин из отряда Рыси и не только. Мне было всё равно, что про меня думают, тем более что это правда. Я стала любовницей Кестера и не собиралась пока менять своего положения.

Постучав коротко, как он учил меня, и не дожидаясь ответа, я вошла. Как бы я ни старалась быть выше людской молвы, осуждающие взгляды неприятны.

— Я ждал тебя, проходи, — Кестер был в одной белой рубашке с закатанными до локтей рукавами и брюках. На письменном столе стояла шкатулка с артефактами, которую я уже видела раньше, ещё в первый визит к Рыси. — Присядь, София.

Кестер отбросил прочь полотенце и взял меня за руку. Его прикосновение, улыбка, как всегда, успокоили меня, ввели в состояния радостной покорности.

— Может, хватит применять на мне свою Силу? — выдохнула я, присев на край стула. Его рука по-прежнему сжимала мою. — Я и так в полной твоей власти.

— Если ты о моём умении вызвать в человека нужную эмоцию, то знай, что я могу делать это, только испытывая к нему нечто подобное. И нет, София, сейчас я не большой Маг, чем ты или Ванда.

Наши руки разъединились, и я ощутила себя маленькой девочкой, заблудившейся в тумане предрассветного леса. А где-то рядом был его голос, и я шла на него в надежде найти родное плечо, уткнуться в него и больше никогда не отпускать. Не размыкать объятий, хотя это невозможно.

Мы были из разных миров, потом наши пути пересеклись, и вот сейчас, если я и вправду стану дочерью господина Визатиса, они разойдутся навсегда.

— Я не хочу, Кестер, пожалуйста! — шептала я, сама не заметив, как начала всхлипывать. — Я, наверное, тебе не нужна, но прекрати играть со мной. Я не буду дочерью господина Визатиса, потому что это ложь.

— Тш-ш-ш! Я не знаю. София, может, и правда. Его дочь примерно твоего возраста, точно известно, что она попала в тот же

приют, что и ты. И что она могла слышать голоса трав, это их семейная черта, не в каждом поколении проявляется, и всё же.

Он стоял передо мной на коленях, целовал руки и гладил по щеке. Я тонула в синих глазах, видела только его, слышала голос и мне хотелось со всем соглашаться.

Возможность найти настоящую семью — об этом мечтает каждая в приюте. И вот я стою в шаге от её исполнения у приоткрытой двери, готовая повернуть обратно и убежать без оглядки, только чтобы не менять свою жизнь.

Некоторые мечты сбываются слишком поздно.

— Что мне надо сейчас сделать? Я принесла то, что ты просил, — я вытерла слёзы и встала, чтобы сесть на другой стул. Бесполезно молить о любви и пытаться её заслужить. Я переживу это и начну другую жизнь, но по своему выбору.

— Не сердись, я обещаю, что у тебя всё будет хорошо, — Кестер поднялся с колен и взял со стола закрытую шкатулку. Поставил её передо мной и жестом показал, чтобы я откинула крышку.

— Я дал тебе алхима, чтобы он расширил твой магический объём, мой артефакт, который попал к тебе по ошибке, он запустил этот процесс. Теперь, работая вместе, мы направим свои Силы на одну цель. И зарядим принесённый тобой корень, он станет отгонять яды и холодное оружие.

— Я всё сделаю, — сухо ответила я и попыталась отстраниться от его навязчивого прикосновения. Он подошёл к стулу, на котором я сидела, и попытался положить свою ладонь поверх моей.

Кестер был везде, он окутывал меня, словно облако, успокаивал тревоги и сомнения, но я ещё могла противостоять ему. Мне помогала злость.

— И я всё сделаю, София, чтобы ты была счастлива и богата.

В какой-то момент он заключил меня в объятия и поцеловал в шею. Я вздохнула и закрыла глаза, пообещав себе, что всё равно сделаю так, как хочу.

Пусть Кестер обучит меня работе с артефактами, пусть увеличит мой магический объём, а там я сама разберусь, где и с кем мне жить, и чем заниматься!

Глава 10

— Смотри на меня, София, — повторял Кестер, поглаживая мою шею. Его пальцы очерчивали подбородок, а глаза молили о смирении. — Поверь мне, это сделает тебя сильнее.

— Или убьёт, — качала я головой, но взгляда не отводила и не отстранялась. — Такая Сила не по мне, я играю в опасную игру.

— Я тоже, весь удар придётся по мне, я отражу его.

— Что мне надо делать? — спросила я таким тоном, будто ещё не приняла решения, но в глубине души знала, что это не так.

— Просто дыши ровно и смотри на меня.

Пока он глядит вот так, открыто и с просьбой о помощи, я пойду за этим мужчиной хоть на край света. Но это не было единственной причиной, по которой я согласилась помогать ему с артефактами.

Сила, которую я получила с тех пор, как взяла в руки серебряную «пудреницу» манила и дурманила, как изысканное вино.

Я больше не могла представить себя без неё и жаждала большего, хотя и знала, что скоро наполнюсь ею до краёв, как кувшин, оставленный на празднество.

И больше не впитаю ни капли. Магический объём нельзя растить бесконечно.

— Вот так, София, всё правильно. Пропусти эту Силу через себя, не сопротивляйся, тогда она не причинит тебе вреда.

Кестер гладил меня по щеке, проводил рукой по волосам, и страх уходил. Даже если мой мужчина сделает что-то не так, и я погибну, то не стану жалеть о том доверии, которое подарила ему.

Лучше умереть, открывшись и отдавшись полностью, по доброй воле, чем жить букашкой с мизерной Силой в ожидании милостей сильных мира сего.

А они даже не заметят меня и раздавят при случае, не поняв, что натворили.

Кестер вложил в мои ладони медную пластину, а сам взял корень мандрагоры, похожий на маленького человечка. Я смотрела на него и совсем не удивилась, когда его корни-руки дрогнули и попытались схватить Кестера за большой палец. Через мгновение всё это исчезло: и шум в ушах, и видение, и ощущение Силы, связывающей двух людей.

— Выпей вина!

Я приняла бокал и залпом осушила его, не почувствовав вкуса.

— Всё?

— Да, София, ты справилась. Я в тебе не сомневался.

Кестер отошёл к столу и принялся заворачивать корень мандрагоры в красный бархат.

— Что теперь будешь делать? — не выдержав, спросила я, имея в виду не артефакт или талисман, а будущее, которое ждало нас в Нортингсе.

— Познакомлю тебя с отцом. Тянуть дальше смысла нет. Будешь готова к вечеру?

Он повернулся ко мне и протянул руку, а я вложила в неё ладонь безо всяких колебаний. Хорошо бы скорее всё это закончилось!

— А два других артефакта? — лишь спросила я, косясь на открытую шкатулку с пластинами.

Медная светилась, словно раскалённая открытым огнём, я заметила, как на ней проявились письмена, похожие на забавных человечков. Давно забытый язык Магов прошлых веков.

— Вечером мы используем серебряный. Надо будет подправить внешность мне и тебе.

— И мне?!

От неожиданности я выдернула руку и отшатнулась. Одно дело — помогать Магу, совсем иное — позволить ему изменить себя.

— Нет. Я не согласна. Зачем это? Поверенный господина Визатиса уже видел меня в Тиждане.

— Да, я знаю, — Кестер отошёл к окну и встал ко мне спиной, заложив руки за спину. — Кстати, я так и не дал ответа на письмо твоего отца. Оно лежит на секретере нераспечатанным, прочти его вслух и скажи, что именно мне надо на него ответить.

Я чувствовала, что обидела Кестера своим недоверием. Он рассчитывал, что получил меня с потрохами, а влюблённая без памяти и потерявшая честь девица не станет перечить объекту своего обожания.

Пусть так обычно и бывает, но у меня был хороший учитель. Ванда всегда повторяла, что как бы ни сложились обстоятельства, надо извлечь из них выгоду. И вот теперь я не собиралась из ложной скромности делать вид, что доверяю решить судьбу моего имени Королю мошенников.

Даже если он тот, к кому тянется сердце и летит душа.

Молча я прошла к секретеру и не колеблясь разорвала письмо.
— Читай вслух! — последовал короткий приказ, но я и сама собиралась это сделать.

«Милостивый господин!

Я с нетерпением жду встречи с вашей подопечной, но, да простите меня вы оба, испытываю определённого рода сомнения в её происхождении. Мне докладывали, что внешностью она похожа на мою покойную супругу, впрочем, это ещё ни о чём не говорит.

Поэтому прошу вас учесть одну особенность, которая была у моей дочери, когда я держал её на руках. Последствия родовой травмы могли пройти бесследно, однако я позволю себе и в этом усомниться.

Вы не знаете, о чём я говорю. и это к лучшему.

Слышал, вы хотите подсунуть мне первую попавшуюся миловидную девицу, согласную на всё ради того положения, которым я смогу её обеспечить. Некоторые уже пытались провернуть этот фокус, но, смею вас уверить, были неприятно удивлены.

Я не Маг, как вы могли выяснить, и не наложу проклятий на обманщиков, но в моих силах подпортить внешность очередной охотницы за моим богатством. Хотелось бы, чтобы девица об этом знала.

Вы скажите, что я блефую, но тогда вам ничего не стоит обратиться к вашим предшественникам. Их имена и места проживания легко выяснить: моё положение в Нортингсе известно многим, вам без труда подскажут, где можно найти незадачливых дельцов.

Итак, скажите, прежде всего самому себе: готовы ли вы к риску? И готова ли к нему та, кто согласилась приехать в город под именем моей давно потерянной и оплаканной дочери?

Кстати, передайте ей, что я не планирую выдать дочь замуж. Я слишком долго ждал этой встречи, чтобы так просто расстаться с моей плотью и кровью.

Деньги не проблема, все иные просьбы девушки будет немедленно исполнены, но супруга у неё не будет. Равно как и любовника.

Я давно смирился, что мой род окончится с моей смертью. Боги не дали нам с женой сына, поэтому всё наследство перейдёт моему племяннику, который и вручит вам это письмо.

Конечно, дочь будет обеспечена им до самой своей смерти.

Если вы всё взвесили, и девушка согласна на мои условия, то я приглашаю вас обоих посетить мой дом.

Всегда к вашим услугам, милорд Трон Визатис».

Едва я прочла последние строки, как подняла глаза на Кестера, безмолвной фигурой застывшего у окна и высматривающего что-то на улице, и громко спросила:

— Так что ты собрался менять в моей внешности?

— Я нашёл повитуху, принимавшую роду у госпожи Визатис. Мне известна особая примета дочери этого напыщенного индюка.

Кестер обернулся и посмотрел мне в глаза:

— Опасно считать себя самым хитрым и умным. Ты получишь его деньги, София. Я обещаю. Не ради них самих, а потому что ты достойна их больше, чем все жители этого городка!

Глава 11

— Это ты всё затеял только потому, что хочешь получить жирную долю!

В последнее время я то и дело, мысленно и вслух, обвиняла Кестера в меркантильных интересах. Он этого не отрицал, хотя я бы предпочла заверения в том, что всё не так просто.

Мол, не только деньги имеют значения для Короля мошенников, но он молчал и улыбался, чуть прищурившись, смотря так, словно хотел сказать: «Разве ты сама не понимаешь, что происходит между нами? Нет? Так и говорить не о чем!»

Вечером, как было условленно, я снова появилась на пороге его комнаты.

Кестер был одет в чёрный смокинг, в котором он выглядел так естественно, будто родился для того, чтобы блистать на балах и в курильне, где в цветочных горшках стоят ароматические палочки, а лорды, вальяжно сидящие на диване и в креслах, спорят о политике и обсуждают последние приказы короля.

— Ты совсем не выглядишь, как несчастная сирота, вынужденная браться за любую работу, — произнёс он, окинув меня придирчивым взглядом. В глубине его синих глаз, похожих на сумеречное небо, что-то вспыхнуло, и в моей груди зазвенела натянутая струна.

Я, как скрипка или виолончель, отзывалась на любое его прикосновение или взгляд. В Городском саду Плауполиса я видела, как музыканты играют на инструментах.

Иной скрипач едва дотрагивается до струн, а музыка уже звучит, льётся по мановению взмаху руки, рассеянно держащей смычок. И мне казалось, что скрипка -- продолжение души музыканта.

После концерта он любовно поглаживал её, благодарил за работу и убирал в красивый резной футляр, но рано или поздно она ломалась, струна, натянутая до предела, издавала прощальный стон и лопалась, а музыкант, вздохнув по скрипке, нёс её к мастеру. Или покупал другую.

Жизнь шла дальше, скрипка всего лишь часть этой жизни, приятное воспоминание. Музыкант купит себе другую.

— Это будет выглядеть явной попыткой разжалобить господина Визатиса. Пусть знает, что я не ищу его милости, я хочу выяснить, отец он мне или нет. Остальные девушки, должно быть, как раз и одевались нищенками, чтобы вызвать сочувствие.

Я произнесла это, вскинув подбородок и глядя Кестеру в глаза, ожидая услышать отповедь, потому как указания он ранее дал мне чёткие и однозначные, но у моему удивлению он только хмыкнул и усмехнулся:

— Иногда я думаю, что твоё настоящее призвание отнюдь не травницкое ремесло. Ты умеешь нравиться людям, легко завоёвываешь их расположение, мы бы вместе с тобой провернули много удачных дел.

— Так давай начнём.

Я держалась от него на расстоянии, так мне было легче. Наши пути вот-вот разойдутся, так что незачем поддерживать ту связь, которую я чувствовала между нами.

Кестер молча указал на стул, и я села, мысленно пообещав, что не стану думать о посторонних вещах. Сосредоточусь на артефакте и работе с ним, стану идеальным посохом Мага. Ванда права: никогда не знаешь, какое умение пригодится и, возможно, спасёт однажды жизнь.

Работа с артефактом, меняющим внешность, далась не так сложно, как я себе представляла. Наверное, мой магический объём по сравнению с изначальным вырос раза в три, и теперь Сила сама просилась наружу, а иначе грозила выжечь меня изнутри.

— Её надо уметь сбрасывать, но не распылять, — голос Кестера звучал над моей головой, обволакивал меня мягким пледом, даря ложное ощущение безопасности. Нет, София, ты у себя одна!

А Кестер всё говорил и говорил о том, как надо направлять Силу, гладил мои раскрытые ладони и был так близко, что я чувствовала запах его одеколона. Обычно Рысь не любил терпкие запахи, предпочитая им лёгкую отдушку, чтобы не быть замеченным раньше времени.

— Сначала я, зажми в кулаке артефакт. Да не бойся! И положи вторую руку вот сюда.

Под пальцами я ощущала биение его сердца, и это рушило мою тщательно выстроенную защиту, которой я мысленно оградила себя, как частоколом. И вот ограда пала, и моя крепость снова была взята.

— Закрой глаза! — услышала я его приказ и безоговорочно подчинилась. Какая разница, чем мне это грозит, хоть бы и смертью, хуже то, что я не знаю, как без него жить. Надо будет склеивать себя как разбитую чашку и делать вид, что она почти новая, а трещины никому не заметны.

По пальцам полилась Сила, в момент наивысшей отдачи, когда рука, лежащая на его груди, начала дрожать, я открыла глаза и чуть было не отпрянула. Кестер, хотя теперь уже ни за что не поручусь, выглядел совсем иначе: брови нависали над маленькими глазами, придавая им угрюмое выражение, тонкость черт размазалась, и вместо точёных скул я видела одутловатые щёки.

— Меня ты тоже так изменишь? — прошептала я, втайне опасаясь, что потом не смогу вернуть прежнюю внешность.

— Не так. Помнишь, я говорил о родовой травме дочери Визатиса?

У Кестера даже голос поменялся, куда только подевались вкрадчивые интонации, откуда этот грубоватый присвист в конце каждой фразы?!

Но вскоре мне стало совсем не до того, чтобы думать о чём-то, кроме боли в руке. Я ойкнула, хотела было отстраниться, но рука, лежавшая на груди Рыси, будто прилипла к его рубашку.

— София, потерпи! — он заключил меня в объятия и прижал к себе, продолжая гладить по волосам, спине, шептать ласковые слова, но я почти не слышала их, изнемогая от раздирающей боли.

Кисть горела огнём, словно её опустили в кипяток.

— Всё, уже всё! — услышала я Кестера. Его голос достучался до меня сквозь пелену, висевшую перед глазами, и боль сразу отступила.

Я наконец открыла глаза.

— Это не навсегда, Ванда приготовила настой, который будет поддерживать этот эффект, — Кестер продолжал увещевать меня, а я смотрела на искривлённые пальцы, атрофированную левую кисть, и в голове билась одна мысль:

— Но ведь я не смогу быть такой всегда. Он поймёт! — выпалила я и снова пристально посмотрела на того, кому доверила бы десять жизней, будь они у меня.

Он усадил меня за стол, и когда я уже начала терять терпение, произнёс, по-прежнему смотря мне в глаза:

— Тебе и не надо. Глупо, но если ты согласна, я увезу тебя оттуда, как только всё уляжется. Не спрашивай пока ни о чём, скоро я сам всё тебе расскажу. Согласна?

— На что согласна? Ждать разъяснений или уехать? Скажи, Кестер, — я сглотнула вязкую слюну и снова посмотрела на свою искорёженную руку. — Ты зовёшь меня с собой или просто? Каждый будет сам за себя? Вместо ответа он наклонился и легонько, почти невесомо коснулся губами моих губ.

Глава 12

Мы приехали в белокаменный особняк, стоящий отдельно в тупике на городской окраине, почти на пустыре.

— Не бойся, София, мы пройдем это вместе. А потом уедем, — повторил Кестер и посмотрел на меня с такой уверенностью, что захотелось заплакать от радости. — Месяц, ты останешься здесь на месяц, не более. Может, на два.

— Или на всю жизнь.

Мне хотелось верить его глазам, но привычка сомневаться в добрых намерениях других взяла вверх.

Слишком долго я слышала, будучи ребёнком, от умных и серьезных взрослых, что никому сироты не нужны. Кроме мошенников. И, конечно, их Короля.

Спорить мой покровитель не стал. Наверное, не хотел терять время и вызывать подозрения у важного дворецкого, открывшего ворота сада и впустившего нас внутрь.

— Рад вас видеть, господа, — к нам уже спешил Велемир, тот самый щеделушный молодой человек, с которым я познакомилась ещё в Тиждане.

На этот раз он не был столь безупречным, каким предстал передо мной в первый раз. В мужчине появилась деловая суетность, которая, если верить несчастному выражению его тонкого лица, причиняла ему столько же неудобства, сколько может причинять расстроенный музыкальный инструмент тонкому слуху.

— Господин Визатис просил извинить его, он будет с минуты на минуты. Я Велемир, его поверенный во всех делах. Мы тут живём уединённо.

— Вы не похожи настряпчего, — сухо заметил Кестер, опираясь на золочёную трость. Сейчас он больше всех из нашей разношёрстной компании походил на человека, привыкшего иметь дело с земными делами.

— Действительно так, господин...

— Кришвиль, — недовольно поморщился Кестер, всё больше припадая на левую ногу. — Я уже писал господину Визатису, кто я и откуда. И каков мой интерес в этом деле, тоже.

Мы шли по дорожке, усыпанной гравием, и я невольно за время нашей неспешной прогулки, потому как Кестер разыгрывал из себя человека, страдающего от старой травмы, разглядывала небольшой сад, разбитый возле дома. В основном здесь были зелёные растения, несвойственные Северу.

Я угадала корделину и восковидный плющ, обвивающий молодой вяз. Цветов, напротив, почти не было.

— Господин Визатис не любит цветы с тех пор, как остался один. Говорит, что без женщин в доме они вянут, как за ними не ухаживай. Потому что для того, кто дарит красоту, она необходима как воздух.

— Это очень поэтично, — заметила я, улыбнувшись уже пришедшему в себя и справившемуся с волнением Велемиру. — Не думала, что господин Визатис настолько тонко чувствует мир вокруг.

Кестер держался позади нас и не вступал в разговор. Сейчас он напоминал заботливого дядюшку, надеющегося удачно выдать замуж сироту-подопечную и боящегося спугнуть взаимный интерес жениха и невесты.

Не знаю, почему мне пришло в голову такое сравнение, наверное, я боялась этого сильнее всех прочих возможных несчастий.

Того, что Рысь отступится. Откажется от меня так просто, словно и не было наших ночей и пылких обещаний.

— Господин Визатис когда-то был таким, но я служу у него уже более пятнадцати лет, а в дом попал и того больше. Он очень изменился, боюсь, не в лучшую сторону.

— Что вы имеете в виду?

Мой интерес подстегнул Велемира, и он принялся рассказывать так просто, словно уже заранее решил, что мне можно доверять всецело.

— Стал замкнутым, нелюдимым, подозрительным. Боюсь, София, вам предстоит долгая работа, если вы всерьёз намерены растопить его сердце.

И мужчина посмотрел на меня с живым интересом. «Ждёт моей первой реакции, хочет увидеть, стану ли я врать и пытаться казаться лучше, чем есть», — догадалась я, а вслух произнесла:

— Я уже говорила, что не знаю пока, останусь ли здесь. Боюсь, господин Визатис совсем не мой отец. Это было бы невероятным везением для меня, сироты без имени, но я не верю в удачу, простите за эту откровенность.

Я старалась говорить то, что чувствовала. И понимала, что интуитивно нащупала самый верный путь к сердцу обитателей этого светлого дома. Велемир слушал меня внимательно, иногда рассеянно кивал, а из его внимательных серых глаз совсем пропала настороженность, которая сквозила в них при первой встрече.

— Вот сюда, пожалуйста, в гостиную. Сейчас нам подадут чай.

Внутри обстановка оказалась гораздо мрачнее, чем можно было подумать, увидев дом с улицы. Тёмные стены, заострённые светильники и подсвечники, более уместные в склепе, чем в жилом доме, всё это произвело на меня удручающее впечатление.

Здесь было неуютно, даже несмотря на обилие света. Казалось, в тёмных углах, коих здесь было бессчётное множество, притаились чудовища, жаждущие моей крови. Лишь присутствие Кестера, всё так же держащегося позади, придавало мне сил и смелости идти дальше.

Гостиная была столь просторной, что впору было устраивать здесь балы. И такой же мрачно-холодной, как и прихожая.

— Знаете, София, а я понимаю вас, — продолжил прерванный разговор поверенный господина Визатиса, едва мы расселись на диване. Кестер устроился поодаль в кресле с высокой спинкой. Я подозревала, что в нём любил сидеть хозяин дома.

— Я тоже потерял родителей в таком далёком детстве, что почти не помню их. Только голос матери. Она любила петь, аккомпанируя себе на пианино.

— И у вас не сохранилось даже их портретов?

— Нет, — поморщился Велемир, словно ему было неприятно говорить об этом. — Когда мне было лет пять, в доме, мы жили тогда, не здесь, случился пожар, и они сгорели. Так я потерял родителей повторно.

— Как печально! — вздохнула я, стараясь не замечать увлажнившихся глаз собеседника. Впрочем, мне могло показаться, наверное, блик стёкол очков создал эту иллюзию.

— Однако моя судьба совсем не такая печальная, как ваша, София. Поэтому это мне жаль, что господин Визатис нашёл вас так поздно. Мы могли бы расти вместе, я научил бы вас музицировать.

Велемир был обворожительным собеседником. Его мягкие интонации успокаивали и дарили ощущение чего-то уютного и одновременно напоминали мне о собственной бесприютности.

Возвращали в то время, когда, сидя по вечерам в приюте у замызанного окна, я смотрела на падающие осенние листья и думала о том, что лучше бы и мне заснуть навеки, чем жить так, как я сейчас. Без надежды и радости.

Тогда я и сдружилась с Виноной. Она тоже слышала голоса трав, и мы развлекались тем, что ночи напролёт сидели на холодном подоконнике и соревновались в том, кто первая уловит шёпот умирающих листьев. «Нам жаль, что мы не прожили дольше», — чаще всего сетовали они.

— Простите, я совсем заговорил вас, — вернул меня к действительности Велемир, и я ощутила, как снова начинаю краснеть. Нашла время предаваться воспоминаниям!

Почувствовав взгляд Кестера, я искоса взглянула в его сторону и увидела, как он смотрит: я ещё никогда не видела у него такой растерянно-нежный взгляд, и меня снова бросило в жар. На этот раз от смущения и радости.

— Ты совсем утомил наших гостей, — раздался за спиной густой бас хозяина, и я усилием воли заставила себя остаться на месте, а не бежать прочь без оглядки. — Господин Кришвиль, госпожа Габелл, рад с вами познакомиться.

И хозяин, а это был именно он, прошёл через гостиную, чтобы устроиться в кресле напротив меня.

Глава 13

— Почему вам, госпожа, дали такую фамилию? — вопросы от хозяина дома сыпались, грозя похоронить меня под ложью, если бы я хотела сказать неправду.

Но я старалась отвечать прямо и без утайки. Будет лучше, если этот худой и бледный господин, одетый во всё чёрное, словно только что вернулся с похорон, сразу укажет мне на дверь. И не придётся больше притворяться.

Может, когда Кестер поймёт, что вся затея не удалась, и вовсе откажется от неё?

— Мне сказали, что детей называют по очередности букв в алфавите. Или по фамилии последнего пожертвовавшего средства на содержания приюта. И больше я не спрашивала.

— Отчего же? — живо заинтересовался Велемир, поправил очки на носу. — Разве вам было не интересно происхождение фамилии? Вдруг она ключ к вашему роду?

— Нет, господин, — покачала я головой с грустной улыбкой. — Вы так говорите, потому что не знаете наших порядков. В приюте никому не интересно, отчего тот или иной младенец оказался у порога. Раз дело сделано, значит, он никому не нужен.

Тут я бросила взгляд на господина Визатиса, он сидел, откинувшись в кресле и хмурился, смотря через открытое окно в сад.

— С чего вы взяли, что ваши корни следует искать на Севере? Да ещё в моём доме? — наконец хозяин посмотрел мне в глаза, и я вздрогнула. Его тон не оставлял сомнений: он совсем так не думает.

— Не знаю. Господин Кришвиль нашёл меня и рассказал, что это может быть правдой. Я и сама сомневаюсь. Приютские редко находят семью. Почти никогда.

Я говорила спокойно и смотрела в водянистые, холодные, ничего не выражающие глаза хозяина дома и ловила себя на мысли, что хочу обратно на постоянный двор. Вернуться бы с Вандой в Плауполис, заниматься травницким делом, к которому у меня лежала душа.

А Кестер, пусть он сам теперь выпутывается и объясняет, почему решил привезти меня сюда. А то сидит, нога на ногу и делает вид, что

всё происходящее его не касается. Сделал своё дело и спешит откланяться.

Теперь же, когда все взоры обратились к нему, Кестер вздохнул и опираясь на золочёную трость, произнёс сухим, каркающим голосом:

— Я думаю, пора нам всем объясниться, господа. София права, это я предложил ей приехать. Более того, пока мы не пересекли Непроторенный Лес, ничего не говорил ей о цели путешествия. Дело в том, что я зарабатываю на жизнь тем, что оказываю людям небольшие услуги. Решаю проблемы деликатного свойства. Как ваши, например, господин Визатис.

— Вы сами вышли на меня, я давно не искал дочь. Сомневаюсь, что она жива, — тут хозяин дома бросил недовольный взгляд на мою изуродованную кисть, будто заметил, что всё это не по-настоящему. — Раз уж мы все здесь, хочу сразу сказать: похитители требовали не деньги, а бумаги. Я тогда занимал видную должность при правителе округа. Я не сказал свой жене об этом. И не поступился честью, потому что принёс клятву верности долгу. Бумаги преступники не получили, и я больше не видел свою дочь. Долго носил в себе это бремя, пока жена обо всём не догадалась. С тех пор её не стало. Вы считаете меня чудовищем, госпожа Габелл?

— Не знаю, господин, — ответила я сразу, чтобы не задумываться. По велению души, так сказать. — С одной стороны, вы поступили как государственный человек. Но при этом совершенно лишённый чувства семейственности. С другой, я понимаю вашу жену.

— Я никогда не утверждал, что хороший и добрый. В том числе и когда предлагал Марше выйти за меня. Это не оправдание и не самолюбование, госпожа Габелл. Просто хочу, чтобы вы знали, с кем имеете дело.

— С тем, кто хочет казаться суровее, чем он есть.

— Вы говорите, как моя покойная жена.

Мы перекидывались репликами, забыв об остальных. Велемир и Кестер благообразно не вмешивались, хотя обстановка накалялась.

— Все женщины одинаковые: сами придумаете образ, а потом пытаетесь напялить его на реальное лицо. Чужое, заметьте.

— Однако вы согласились меня принять, господин Визатис. Если бы, как утверждаете, давно смирились со смертью дочери, и на порог

бы меня не пустили. И не стали бы отправлять к моей хозяйке, ещё там, в Плауполисе, своего человека.

Я встала, чувствуя, как пылают щёки. Этот господин решительно мне не нравился. Возможно, раньше он был иным, но годы затворничества взяли своё. Теперь с ним было крайне неприятно общаться.

— Сядьте! — рявкнул он. — Я вас не отпускал. Вы останетесь жить здесь, пока я не решу обратное. За вашими вещами на постоялом дворе приедут, я распоряжусь.

— Простите, господин Визатис, но так мы не договаривались, — вмешался Кестер. — София заплатила мне за услуги, верно, но я привык делать работу добросовестно. Незамужней девице, пока она не является официально вашей дочерью, не следует жить под одной крышей с мужчиной. Это её репутация.

— Вам-то какое дело, господин хороший? — Визатис обернулся к Кестеру и спросил таким тоном, абсолютно спокойным, но он вызвал у меня гораздо больше тревоги, чем самые громкие крики. — Вы своё дело сделали, денег я вам заплачу, предоставьте нам с госпожой Габелл самим разобраться в родственных связях. Вы свободны, Велемир, проводи назойливого господина

Тут я испугалась не на шутку. А если Кестер сейчас уйдёт, и я останусь заложницей в этом доме?

— София, позволь мне опереться на твою руку, — как ни в чём ни бывало обратился ко мне Кестер. — Ты хочешь остаться? Помни, говори искренне, как я тебя учил.

— Нет! — выпалила я и, чуть было не упав, потому как наступила на нижнюю юбку платья так, что ткань треснула, встала рядом с ним.

— Тогда мы уходим. Возможно, я ошибался, София, но мы продолжим поиски твоих родителей.

Кестер незаметно пожал мне руку.

— Пока у этой дурочки не кончатся деньги, — ухмыльнулся вслед и махнул рукой Визатис, продолжавший сидеть в кресле. — Не стоит, Велемир, пусть идут. Не пройдёт и месяца, как на пороге окажется новая «потерянная дочь».

Я хотела уйти с гордо поднятой головой и с радостью в душе, но что-то в словах этого человека заставило обернуться. Наверное, это было отчаяние.

Кестер дёрнул меня за руку, и я покорно пошла за ним, чувствуя как нас провожают взглядом.

— Вот и всё, — вздохнула я полной грудью и посмотрела в вечно пасмурное небо, когда снова оказалась в открытой коляске, медленно двинувшейся к постоялому двору.

— Нет, — откликнулся Кестер и посмотрел на меня с той противной улыбкой, которая словно говорила: «я тебя обыграл». — Вот увидишь, он пришлёт тебе письмо с просьбой вернуться. Ваш с ним диалог только начался. И пока ты ведёшь в этой игре, София.

Я не хотела ему верить, но, увы, Кестер оказался прав.

Глава 14

— Что там такое, женщина? — спросил Ле Шатон, в один миг спрыгнувший с диванчика, стоило мне открыть письмо господина Визатиса.

Ванда тоже была здесь, но делала вид, что всё её внимание поглощено только размалыванием листьев кислицы в каменной ступке.

— Это просьба вернуться, — догадалась я ещё до того, как прочитала содержание письма. Да и письмом его называть можно было с трудом:

«Возвращайтесь, нам стоит больше узнать друг друга. Например, я буду ждать вас сегодня вечером к семи. Экипаж пришлю».

От растерянности я даже сразу не нашла что предпринять. С одной стороны, надо бежать к Кестеру и показать ему письмо, а с другой, торопиться не стоило. Он лицо заинтересованное.

Позовёт к себе — скажу.

— Можно с вами посоветоваться? — робко спросила я, предчувствуя недовольство хозяйки. Ванда не любила, когда её тревожили по чужим делам, её не касающимся.

— Если по травам, то спрашивай. А в любви я тебе не советчица.

— Да какой любви?! — нарочито беспечно спросила я, но сама слышала, что фальшивлю, как расстроенное пианино. — Тут советов не надо, я решила ни к кому не привязываться. Буду как вы.

Какое-то время Ванда молча толкла траву, и я слышала лишь чавканье Ле Шатона, любопытство которого было ослаблено очередной сдобной булочкой, и сердитое постукивание каменного пестика о дно ступки.

Потом, устав от моих настырных поглядываний в её сторону, хозяйка неторопливо вытерла руки свежим полотенцем, им же отёрла пот со лба и села за стол, жестом показав, чтобы я поставила чайник.

— Будем булочки есть? — оживился Ле Шатон. Последние недели он ни на шаг от нас с Вандой не отходил. Как утверждал алхим, не только по заданию создателя, но и из чистой симпатии.

— Ты уже свою умял. Будет с тебя, а то лопнешь. Ух, бока какие стали, не ухватишь, — хозяйка делала вид, что сердится, но я-то видела, что ей приятно общество зверя.

Она даже перестала видеть в нём только алхима, магическую сущность, на время принявшую физический облик, а стала относиться, как к прибившемуся к дому щенку. Неказист, бестолков, а выгнать жалко. Пусть хоть долгими вечерами развлекает.

Когда я вернулась из кухни с дымящимся чайником, они оба сидели за столом. Ванда ворчала на Ле Шатона, вздумавшего было поставить лапы на стол и стащить кусок капустного пирога. Это, конечно, не булочка хозяйки и не змея, но тоже пойдёт.

— Стара я, видно, становлюсь, — продолжала бурчать Ванда, когда уже угомонила алхима, шлёпнув его по наглой рыжей морде полотенцем. — Раньше, увидев такое, давно бы тебя за шкурку взяла — и за порог! И больше бы ты, разбойник, носу сюда не сунул.

— Что ты, женщина, разве ты не видела стариков?! Ты совсем ещё юна по сравнению с этими сгорбленными людьми, — Ле Шатон сказал это с таким искренним возмущением, что Ванда захохотала, а потом, порывшись в сумке, достала одну сладкую булочку, припасённую с домашних запасов, и положила в тарелку перед зверем.

Подумала немного и, вздохнув, добавила к его трапезе ещё одну.

— Давай чай пить, София, и рассказывай, что тебя тревожит.

— Вот, этот от господин прислал, к которому мы с Рысью ездили накануне. Я не хочу ему лгать. Да и тип он крайне неприятный. Можно, я с вами в Плауполис вернусь?

Начала я бодро, чётко очерчивая свою позицию искренней, хоть и безродной девицы, а закончила чуть ли не с молящими интонациями, снова почувствовав себя маленькой девочкой, с отчаянием смотрящей вслед очередным усыновителям.

Иногда бездетные господа приходили в приют, желая облагодетельствовать сироту, но либо они хотели девочку помладше да

с хорошим магическим объёмом (будто здесь водятся такие!), либо смотрели так, будто выбирают не воспитанницу, а собаку, которую посадят на цепь возле дома.

И всё же до десяти лет я надеялась, что однажды в приют вернутся за мной настоящие родители. И я всё им прошу.

Они заберут меня домой, где в шкафу моей комнаты будут висеть красивые наряды с розовыми и белыми бантиками, а на туалетном столике стоять флаконы с детской карамельной водой. Но никто не пришёл.

Теперь уже поздно. Я понимала, что, даже если встречу настоящего отца, не смогу сдержать горечь, изъевшую мою душу за столько лет!

А вот к Ванде бы в услужение вернулась с удовольствием. Мне ещё столько предстоит узнать о её, нет, не ремесле, а даре, что и нескольких лет не хватит.

— Никогда не думала, что скажу это кому-нибудь, но я была бы этому рада. Отвыкла уже сама на рынок за травами ходить, да и глаз у тебя зоркий, замечаешь в нашем лесу разные редкости. Травы, опять-таки, с тобой говорят, большой травницей бы могла стать, кабы не этот сверху.

Хозяйка скривила губы и выразительно посмотрела на потолок.

— Да он мечтает от меня избавиться! — фыркнула я не хуже Ле Шатона и принялась быстро убирать со стола, чтобы никто не заметил, как дрожат мои губы. — Всё в прошло, разошлись наши пути-дороги. Сколько у него таких дурочек было, имена всех и не помнит, наверное!

— Почему и имя не помнит? Он во сне часто тебя зовёт, — Ле Шатон походил на сытого котяру, съевшего миску сметаны. А когда я пристально на него посмотрела, стал непонимающе тарашиться по сторонам. — Ну, он же мой создатель. Призвал меня в этот мир, вот я его и чую. И слышу иногда, когда он спит.

— Это магическое поле. Днём Рысь его контролирует, а ночью, видимо, нет, — вставила Ванда и приказала алхиму продолжать.

— Да я и всё уже сказал. Больше не знаю.

Я схватила опешившего от такой ласки алхима и прижала его к груди так сильно, что он сердито запыхтел.

— Прости, Ле Шатон, это я от избытка чувств. Пойду, покажу Кестеру записку господина Визатиса. Всё равно узнает, что он мне

написал.

Всё это я проговорила скороговоркой, избегая пронизательного взгляда Ванды, и как можно медленнее, будто прогулочным шагом направилась к двери комнаты.

Уходя, я слышала, как Ле Шатон, которому за ценные сведения досталась лишняя булочка, спросил хозяйку:

— А что это такое — избыток чувств? Это когда человека вот-вот разорвёт от голода?

— Почти, — хмыкнула Ванда. — От голода или жажды. Как пойдёт.

Дальше я уже не слушала, потому что быстрым шагом направилась в комнату Рыси. Постучала и, дождавшись ответа, проскользнула внутрь.

— Иди сюда, София, помоги мне, только не шуми! — услышала я шёпот Кестера, а когда сделала пару шагов, поняла причину его слов: на правой руке до локтя зияла рваная рана, которую он кое-как перевязал полотенцами.

Я почувствовала, что хочу запричитать и кинуться к нему, чтобы начать осматривать рану. Правда, я ничего в них не понимаю, да и от вида крови мне сразу плохо становится, но вместо того, чтобы разводить панику, я собралась с духом и спокойно произнесла:

— Говори, что надо делать.

Глава 15

— Возьми спиртное и чистый бинт, — голос Кестера был слабее обычного, но довольно бодрым. Присмотревшись, я поняла, что рана выглядит страшнее, чем есть на самом деле.

Я старалась не показывать виду, как мне не терпится начать его расспрашивать, что, собственно, случилось, и тщательно выполняла указания Кестера, пока бинт не скрыл от моего взора глубокие порезы.

— Это из-за нашего вчерашнего визита? — догадалась я.

— Да, — кивнул Кестер и протянул руку, чтобы я отдала ему свёрнутую вчетверо записку господина Визатиса. — Он приглашает тебя снова. Познакомиться ближе.

— Откуда ты знаешь? Неужели, читал?

— Ты так мало узнала меня, София? — в его синих глазах, ясных, как свет звёзд, мне почудилась горечь разочарования. — Ты всё-таки не веришь мне. Вот что ранит меня сильнее, чем все эти царапины!

Здоровой рукой он дотронулся до моей раскрытой ладони и осторожно погладил её, не решаясь сжать. Как бы говорил: «Не хочу принуждать тебя, выбирай сама, на чьей стороне будешь».

— Прочти. Я хочу поехать к нему.

Он взял письмо, бросая на меня внимательные взгляды, и бегло пробежал глазами его содержимое.

— Зачем, София? Неужели ты веришь, что он расчувствовался и поверил в ваше родство? Хочу сказать, это сделали его люди. Маги, такие же как я, Ленрок и Робинсон. Знаешь, почему Визатис захотел избавить тебя от моего внимания? Чтобы ты осталась одна, и никто не смог бы тебя ни защитить, ни предостеречь.

— Думаешь, он задумал что-то худое?

— Нет, просто не привык иметь дело сразу с несколькими людьми. Видел, что ты делаешь то, что я тебе советую. Значит, сломить тебя, заставить говорить правду, будет сложнее. Налей мне вина, да не скупись, мне сейчас необходима ясная голова.

— Вино не делает голову ясной, — ухмыльнулась я, но просьбу выполнила. Кестер не раз удивлял меня, я мало знала о Магах, не подозревала о силах, которыми они владеют.

Может, он и прав. Боль отступит, и можно будет принять взвешенное решение.

— Я последний раз попрошу тебя активировать для меня артефакт. Тот самый, боевой. Была бы со мной сегодня его сила, я бы не позволил так просто себя ранить. Кто знает, какие ещё битвы ждут нас!

Я ничего не ответила, но это «нас» отозвалось в душе лёгкой песней. Я выполнила всё, что говорил Кестер. Взяла в руку золотую пластину, наши руки соединились, и я почувствовала, как через меня течёт Сила гораздо большая, чем я бы могла вместить.

Вскоре всё было кончено. Кестер снова хлебнул вина из бокала и, чуть морщась, принялся разматывать повязку на руке.

— Не говори, смотри! — коротко ответил он на мой встревоженный взгляд.

Когда он показал мне руку, я ахнула от удивления. Раны затянулись и хоть по-прежнему выглядели свежими багровыми рубцами, краснота вокруг почти исчезла.

— Собирайся и будь готова к вечеру. Поедем вместе, не отпущу тебя одну.

— Но ты ведь собрался меня там оставить, — я не могла удержаться от иронии. Очень уж не по себе было от этой предстоящей неизбежной разлуки!

— Не сейчас. Когда буду уверен, что это лучшее из того, что я могу тебе предложить. И только тогда. А если нет, — Кестер подошёл близко и на этот раз крепко сжал мою руку и посмотрел в глаза. — Тогда я не оставлю тебя вовсе. Ты видела, кто я, София. Незаконный сын лорда, но никогда не стану его преемником. Я бы мог вечно добиваться признания там, где никто мне его не выскажет, но я выбрал иную судьбу. Хорошо или плохо, но я сделал так и не жалею. Я могу предложить тебе только разделить со мной эту ношу, но это не лучшая стезя для такой талантливой девушки, как ты. Со временем ты захочешь детей, но и им я не смогу дать ни титула, ни уважения в высшем свете. Визатис предлагает тебе спокойную жизнь вдали от таких плутов, как я.

— Ты помнишь, с чего началось наше знакомство? — улыбнулась я и погладила его свободной рукой по щеке. — Я пришла к тебе за обманом. Поддельной лицензией на право находиться в гильдии травников.

— Но обман претит тебе.

— Верно. И я скажу господину Визатису правду. Я не его дочь, почти уверена, что это так. Пожелаю от всего сердца найти ему ту, кого потерял, и отправлюсь в обратный путь. Ванда согласна принять меня обратно в помощницы. И я буду ждать тебя, Кестер. Если захочешь, ты будешь знать, где меня найти.

Он коснулся губами моих губ, и до вечера мы провели время вместе.

— Ты обещал, что увезёшь меня, если я захочу. Помни, Кестер, о своём слове.

Я одевалась и смотрела на себя в большое зеркало, висевшее на стене. Где бы Кестер ни останавливался, он всегда просил себе такое. Привычка аристократа выглядеть безупречно нравилась мне.

Сейчас, смотря на себя, я совсем не узнавала ту Софию, которая когда-то пришла к Королю Мошенников просить о милости.

— Я готова.

— Возьми это. Я купил их для тебя, — он подошёл сзади и вложил мне в руки коробку песочного цвета, перехваченную атласной лентой.

Я потянула за её конец и раскрыла шуршащую бумагу, вытащив белоснежные перчатки из такой нежной и мягкой кожи, что впору носить их только особе королевской крови.

— Надень. В память обо мне и о моей любви к тебе, София.

Я обернулась.

— Ты говоришь так, словно прощаешься. Я тоже люблю тебя, Кестер, и ты это давно понял.

— Ну всё, не плачь. Нам пора. Поговорим после того, как ты скажешь ему обо всём.

Я лишь улыбнулась. Он всё ещё сомневался, что в решительный миг я смогу отказаться от приличного положения дочери уважаемого человека.

Приютские так сильно мечтают стать частью семьи, настоящей, имеющей историю, что готовы ради этого на всё. Даже на обман.

Но со временем, выжив самостоятельно и пройдя через много испытаний, незаметных для большинства, но ранящих душу того, кто ступает по ковру ежедневных лишений, как по полю, полному репея, вышедший из приюта думает, что он слишком далеко ушёл от своих корней. От своего рода, давно отказавшегося от маленького беспомощного человечка.

Настала пора не оглядываться на прошлое.

— Едем, Кестер, — произнесла я, надев перчатки.

Как и предполагал мой любимый, господин Визатис прислал за нами экипаж к половине шестого.

— Время вечернего чая в шесть часов. На Севере ещё чтут эту традицию, — улыбнулся он, устроившись напротив. — На самом деле, я пока не знаю, дочь ты Визатису или нет. Предположительно его дочь подбросили в твой приют именно тогда, когда в нём появилась ты. Так что, всё возможно.

Глава 16

— Прошу вас, госпожа Габелл, останьтесь у меня на неделю. Проводите здесь целый день, разумеется, с вашим покровителем, а на ночь уезжайте на постоялый двор, — на этот раз господин Визатис

пытался быть вежливым, но я видела, что он давно отвык просить, и поэтому делал над собой усилие, не оставшееся незамеченным.

Впрочем, мрачный вид Визатиса оставался при нём, равно как и манера говорить в приказном тоне. Так, будто собеседник не мог бы даже подумать, чтобы послушаться.

— Три или четыре дня, — мягко заметил Кестер, снова нацепивший маску хромого господина, ещё вчера бывшего громилой в заведении мадам Фик. — Чтобы не порочить честь девушки, Софию будет сопровождать старшая наставница. Ваш стряпчий уже имел честь быть ей представленной.

Судя по туче, набежавшей на лицо Велемира, эта ноша была ему не по силам. Кестер, как обычно, оказался прав: Ванда слишком проникательна, чтобы позволить себя одурачить. И меня заодно.

— А сегодня мы удовольствуемся чаем, — закончил Кестер и притворно вздохнул, дотронувшись до израненной руки. — Нортингс - - опасный город. Сегодня утром на меня напали какие-то люди аккурат тогда, когда я возвращался от портного.

— Бродяги с Юга, должно быть — бросил Визатис и поморщился. Тема явно его нервировала.

— Странно, однако, что эта шайка приبلудных псов сплошь состояла из Магов. Признаюсь, я еле с ними справился, — как ни в чём ни бывало продолжил Кестер, не обращая внимания ни на Велемира, который то и дело поправлял оправу очков, ни на самого Визатиса, сидевшего с таким видом, будто его так и подмывало спросить: «Вы смените наконец тему, господин хороший?»

— Так вы Маг?! — воскликнул Велемир, и в его больших серых глазах промелькнула догадка.

— Да, есть такое дело. Но не боевой, как видите.

— А вы, госпожа Габелл, каков ваш магический объём? — прервал разглагольствования Кестера Визатис, пристально посмотрев на меня.

— Очень скромный, господин, — ответила я с достоинством особы, знающей своё место и не пытающейся казаться лучше, чем есть.

Даже наоборот, я слегка преуменьшала действительные способности, чтобы у Визатиса не возникло желание узнать меня ближе.

Пусть чаепитие пройдёт мирно, я пробуду следующие три дня в этом доме и найду подходящий момент для разговора по душам с его хозяином.

— Мне повезло, что не отправили в приют для лишённых всяких способностей.

— И всё-таки вы слишком скромны, моё дитя, — произнёс Визатис с неожиданной теплотой. — Я сам далеко не Маг, но чувствую в вас хороший объём Силы.

— Он начал развиваться, когда я попала в услужение к травнице, — ответила я почти правду.

Опустила глаза, чтобы не выдать всё, что собиралась сказать позже, прямо сейчас. Мол, не дочь я вам, господин, дайте мне уйти. Не по душе мне всё это.

— Бабка моей жены тоже не сразу обнаружила в себе Силу, — настаивал Визатис, всё больше поглядывая в мою сторону. Он старался заполнить собой всю гостиную: вопросы должны были исходить только от него, предложения — немедленно приниматься, а просьбы — выполняться. — Она слышала голоса трав в раннем детстве, но развила этот дар много позже. Редкая практика, не находите?

— Обычно магический объём остаётся таким, каким был дан при рождении, — поддакнул Велемир, но его господин посмотрел на него, и молодой человек смущённо закашлялся.

Этот вечер тянулся бесконечно долго. Визатис был не из тех людей, из дома которых можно уйти, сославшись на головную боль. Он продолжал терзать меня вопросами, пока Кестер не поднялся с видом человека, готового силой вырвать меня из плена хозяина.

— Тебе не следует оставаться в этом доме дольше, чем на три дня. Ванда не даст удержать тебя силой, меня он больше сюда не пустит, это ясно, — Кестер делился со мной планами и был неожиданно весел.

— Что тебе дадут эти три дня? Зачем они? Давай уедем! — просила я, но он только смеялся над моими страхами и прижимал к себе, не стесняясь редких прохожих.

Чаепитие затянулось и закончилось в девятом часу, в Нортингсе, как в любом провинциальном городке, с наступлением сумерек приличные граждане старались не появляться на улицах, тем более на окраине города.

— Я тут подумал, что должен взять с этого нахального господина плату за его снобизм и попытку физически устранить меня. Мне понадобится три дня, София, а ты пока отвлечёшь его внимание.

— Ты хочешь его ограбить?!

От одной подобной мысли я пришла в ужас. Мне Визатис тоже был несимпатичен, но сегодня я увидела в нём человека, возрождённого ещё слабой, но надеждой. Как он приглядывался ко мне, боясь поверить, что я реальна, с какой брезгливостью и одновременно нежностью смотрел на мою изуродованную руку.

— Нет, скажем так. Немного пощипать. Я не разбойник с большой дороги, София, неужели ты и этого во мне не поняла?!

Он провёл рукой по моим волосам, заправив за ухо непослушную прядь, и наклонился к шее, опалив кожу горячим дыханием. Кестер был мастером провокаций. Он мог заставить меня, да и любого другого, думать так, как ему выгодно.

И умел воздействовать на объект своих желаний, чтобы сделать его податливым и покорным. И всё же моя Сила выросла настолько, что я могла ему сопротивляться. Но не хотела.

Свежую утром, едва мы с Вандой успели позавтракать, как господин Визатис прислал за нами экипаж — роскошную открытую коляску, не чету той, что он выделил для меня накануне.

— Жди нас, любезный, — сказала Ванда кучеру, постучавшему в дверь нашего номера и передававшему пожелание своего господина видеть меня немедленно. — Приличные дамы не собираются быстрее, чем за час.

И захлопнула перед его ухмыляющейся физиономией дверь. Ле Шатон, возлежавший на диване как настоящий король, одобрительно фыркнул.

— Он же видел или узнал, что у нас нет горничных, — робко заметила я. — Понял, что к приличным дамам из благородного общества мы не относимся.

— Тем более, пусть ждёт. Мне ещё пару отваров с собой уложить требуется. Жаль они в сумочку не влезут. Придётся ехать с плетёнкой! — досадовала Ванда, приводя себя в порядок и охорашиваясь, словно приглашение касалось в первую очередь её. — Как себя поставишь, София, так тебя и повезут.

— Возьми меня, — внезапно заскулил алхим, спрыгнув с насиженного места и устроившегося прямо у меня под ногами. Львёнок с рысьими ушками-кисточками так забавно и в то же время жалобно ими повадил, что у меня сердце кровью обливалось.

Конечно, ребёнку или львёнку будет скучно без нас целый день!

— А и возьмём, — внезапно поддержала идею хозяйка и тут же принялась говорить, словно убеждая саму себя. — Прыгай в плетёнку, заодно внимание от отваров отвлечёшь. Скажу, что я эксцентричная дама, которая и шагу без скотинки ступить не может! А не нравится, пусть прячутся по углам. Нам же польза. И безопаснее так.

Ле Шатона дважды упрашивать не пришлось. Он быстро закрутился на месте, как собака, гоняющаяся за своим хвостом, уменьшившись тем самым почти вдвое и, мяукнув для остратки, прыгнул в плетёную сумочку Ванды. Обычно с такими ходят на рынок за новой порцией чужеземных трав.

— Думаете, нам есть кого бояться? — тихо спросила я Ванду уже на пороге комнаты. Хозяйка ничего не ответила, лишь указала глазами на два прозрачных флакончика с мутным содержимым, уложенным на дне плетёнки.

Экстракт белладонны и «лавандовый сон». Отводит глаза и нагоняет морок. Идеальный способ уйти незамеченными. Если это понадобится.

Глава 17

Первый день в доме господина Визатиса прошёл гладко.

Я гуляла по саду с Велемиром, который рассказывал о своём детстве и о том, как его патрон благородно взял на себя заботу о сироте, внезапно оставшемся без родителей и прочих родственников.

Даже усыновил, как того требовал закон.

Ванда с Ле Шатоном следовали неподалёку, на шесть шагов позади нас, не мешая разговору и не подслушивая, но и не выпуская нас из виду.

— Вы ему никто? Тогда почему он захотел помочь именно вам? — спросила я, глядя зелёные листья кошачьей мяты. В саду господина Визатиса выращивались самые разные травы, я заметила даже куст с красными ягодами омелы.

Над порогом дома были прикреплены ветки можжевельника. Так поступали те, кто хотел защитить жилище от незваных и злокозненных

гостей. Похоже, Визатис и сам немного осваивал травницкое дело.

— Вы не слушаете, София? Простите, я, должно быть, вас утомил. Давайте поговорим о чём-то другом.

— Нет, нет, — мне стало настолько неловко, что я была готова провалиться сквозь землю. Задумалась в неподходящий момент. — Так, вы говорите, что были однокашником племянника господина Визатиса?

— Именно так, — кивнул Велемир с самым серьёзным видом. Он производил впечатление нервного молодого человека с изысканными манерами, но абсолютно не умеющего скрывать тайные намерения. Ни свои, ни своего патрона. — Он хороший человек.

— Вы про племянника или про самого Визатиса? — резко спросила я, остановившись у края вымощенной дорожки, чтобы сорвать лист приворот-травы. — Я смотрю, в этом доме кому-то снятся злые сны? Это же росница, я читала о её свойствах. Или ваш хозяин одержим поиском «Камня вечной жизни»?

— Надо же, манжетка. А ну, разбойник, брысь! — Ванда подросла к нам, едва заметив, что я держу в руках, и сейчас обращалась к алхиму, принявшемуся пробовать траву на вкус.

— Это не росница и не манжетка, глупые вы люди! — с достоинством фыркнул Ле Шатон и так посмотрел на Велемира, что тот с опаской отшатнулся. — Это альхимелла, она таким, как я, силы даёт.

Словом, в первой половине дня мы с Вандой были заняты исследованием сада, выкапывали кое-какие корни, немного, всё для дела, Велемир лишь смотрел на меня с жалостью. Мол, ничего-то ты ещё не видела, поэтому и ковыряешься в земле с таким упоением.

— У вас будут грязные руки, — заметил он, поправляя тонкую оправу очков. Я заметила, что он так делал всякий раз, как нервничал.

А нервничал этот худой и звонкий молодой человек часто. Натура такая у людей с тонким музыкальным слухом, чувствительная.

— Главное, чтобы душа оставалась чистой. Намерений в ней чёрных не было, — откликнулась Ванда, распрямив спину и притворно охая, схватившись за бок. — Я вот, к слову, не только травы читать умею, но и помыслы людей вижу. И Софию этому обучила.

Ванда так напирала на беднягу стряпчего, что тот начал покашливать и пытаться перевести разговор в более мирное русло,

бросая на меня выразительные взгляды.

Когда хотела, моя хозяйка умела произвести впечатление настойчивой женщины, которую ничто не может остановить!

— София, пойдёмте в дом, становится холодно. Осень в наших краях наступает рано.

На небе, надо сказать, не было ни облачка, а день выдался на удивление жарким и душным.

— Ты что, человек, маковых зёрен объелся?! — алхим повернул кругленькую мордочку и так посмотрел на Велемира, что мне стало жаль этого беднягу, и я пришла ему на помощь.

— Вы правы, — мягко произнесла я, беря его под руку. — Сыграйте нас что-нибудь на том прекрасном белом пианино, которое я видела в Тиждане. Вы же говорили, что инструмент уже настроен.

— Да-да, я буду учить вас на нём играть не хуже всяких проходимцев, не способных читать нотную тетрадь, — бледные щёки Велемира покраснели от радости и он чуть не вприпрыжку устремился к дому, увлекая меня за собой.

Я оглянулась и увидела, что Ванда сразу забыла о боли в спине и, сделав знак Ле Шатону, обгрызшему почти все листья манжетки, последовала за нами.

— Простите, Велемир, но не думаю, что задержусь здесь настолько, что смогу запомнить хотя бы азы, — мягко возразила я, прерывая излишние разговоры молодого человека, уже настроившего пианино на год.

В ответ он не сказал ничего, лишь так странно посмотрел, что несмотря на жаркий день, по спине пробежал холодок. Мне захотелось немедленно покинуть этот странный холодный, долго лишённый радости, дом, чтобы больше никогда сюда не возвращаться.

Но я обещала его хозяину и Кестеру побыть здесь три дня, значит, так тому и суждено.

— Что бы вы хотели послушать? Хотите, сыграю танцевальную мелодию? — и снова не дождавшись ответа, он сел за пианино в пустом, ещё вчера не обжитом зале и поднял лакированную крышку инструмента.

Сразу полилась музыка, такая чистая и бодрящая, что я присела на диванчик неподалёку, чтобы не пуститься в пляс. Такое играли на

ярмарках и городских праздниках для простого люда, чтобы на время дать ему забыть все тяготы жизни.

Ванда устроилась рядом, ко мне на колени запрыгнул алхим и, наклонив голову, стал помахивать хвостом в такт мелодии.

Я же смотрела только на преобразившееся лицо Велемира. Оно дышало музыкой и светом, большие серые глаза блестели за стёклами очков выражая всю гамму чувств, начиная от высшего наслаждения до эйфории и полного забвения текущего момента.

Мелодия стихла, а мы все ещё находились под её пьянящим действием. И молчали, боясь разрушить волшебные чары.

— Хорошо как! А теперь ещё сыграй, человек, я прям переполнился Силой! — первым нарушил тишину алхим, гордо выпятив грудь, будто сам имел отношения к этой музыке, и мы с Вандой присоединились к просьбам.

Велемир играл нам почти до обеда и продолжил после трапезы, пока с наступлением сумерек на пороге не возник хозяин дома.

— Можно поговорить с вами, София? — отрывисто и слишком резко спросил он, заставив всё внутри сжаться в предвкушении неприятностей.

— Я буду присутствовать при разговоре, — заявила Ванда, по выражению лица которой было заметно, что она готова отстаивать свою позицию.

— Разумеется, — хмуро кивнул Визатис, даже не повернув голову в её сторону, и указал мне на дверь.

Мы прошли в большой кабинет, совмещавший рабочую часть и библиотеку со стеллажами, запомненными книгами. Здесь было гораздо уютнее, чем в остальных комнатах дома, в которых я уже успела побывать.

— Присаживайтесь, пожалуйста!

Хозяин пытался быть радушным, он словно выглянул из своей скорлупы отчуждённости, и это меня тронуло.

Я села в предложенное кресло, Ванда с алхимом на руках устроились на стуле в отдалении, но так, чтобы не пропустить ни слова.

— Как вам мой помощник, София, не слишком утомил? — спросил хозяин, сев за стол из красного дерева. На нём лежали аккуратные ряды папок.

— Нет, что вы, господин, он был очень учтив и обходителен.

Я снова почувствовала себя воспитанницей приюта в кабинете у директрисы. И хоть она никогда не сказала мне ничего дурного, я всё же безумно её боялась, аж поджилки тряслись.

— Вы читали моё письмо о тех условиях, на которых я согласен признать вас своей дочерью? Не говорите пока ничего, только да или нет?

Я кивнула.

— Тогда я скажу вам, что оно немного не соответствует истине, — Визатис откинулся в кресле и посмотрел на меня так пристально, что я не выдержала и опустила глаза. — На самом деле, я вовсе не тиран, София, и не оставлю вас одну — одинёшеньку, когда покину этот мир. Вы в скором времени выйдете замуж за моего воспитанника, Велемира Визатиса. И даже фамилию не смените. Не благодарите, я знаю, это очень щедрое предложение. Но, соблюдая приличия, я позволю вам дать ответ, скажем, послезавтра.

Глава 18

— Больше ты туда не поедешь, — с напором произнёс Кестер и схватил меня за руку.

Дело происходило вечером того дня, когда мы вернулись от господина Визатиса.

Не успела я переступить порог постоянного двора, как Рысь уже вышел в коридор и так громко позвал меня, что все бывшие в холле оглянулись и посмотрели так, как обычно смотрят на девочек из борделя.

— Ты же сам убеждал, что надо выдержать три дня. Что у тебя дела, которые ты не можешь отменить из-за моей прихоти. Потому что у тебя есть обязательства перед своими людьми.

— Ты говоришь так, будто это плохо — иметь перед кем-то обязательства. Вся жизнь из них состоит!

Я впервые видела Кестера таким насмешливо-обидчивым. Он с горечью бросал мне обвинения, словно хотел этим сказать: «Ты добилась того, чего я для тебя хотел. Я же говорил, что тебе понравится! А ты ещё спорила!»

— Меня сосватали, — тихо сказала я и опустила голову. Мне многое надо было ему сказать, но я и вправду чувствовала себя предательницей. Наверное, дала повод хозяину белокаменного дома

думать, что сирота из приюта будет осчастливлена таким предложением.

— Я понимаю, почему господин Визатис предложил это. Чтобы привязать меня к его дому. Наверное, устал от одиночества, — я лепетала, будто оправдывалась и корила себя за это, но ничего не могла поделать. Мне хотелось, чтобы Кестер понял, что я не виновата и не сердился.

Тем временем он отошёл к окну, я видела только широкую спину, к которой прижималась столько раз с надеждой на новую встречу и добрые слова. И Кестер был на них щедр, но всё равно говорил, что желает мне лучшей доли, чем та, которую он может предложить.

— Странно, что ты сразу не согласилась.

— И не соглашусь, — упрямо ответила я, надеясь, что он сейчас повернётся и скажет, что скоро всё закончится. Что он обещал меня увезти обратно в Плауполис или на край света, только бы не делить ни с кем.

Но Кестер не поворачивался.

— Соглашайся, София. Будешь богатой наследницей и при респектабельном молодом муже, который, уверен, уже от тебя без ума.

— Ты только и ждёшь, что я соглашусь, чтобы получить приличный куш вознаграждения? — его сарказм задевал меня. Кестер сейчас упрекал меня в том, в чём только вчера пытался убедить.

Кто их поймёт, этих мужчин?!

— Ты и сама теперь видишь, что так будет лучше, верно?

Он посмотрел на меня через плечо с такой насмешкой, что стало больно.

— Посмотрим, — процедила я сквозь зубы и выскочила вон.

Ванда ничего расспрашивать не стала, только приказала рано лечь спать, чтобы, не дай боги, не заболела. Под бок ко мне сразу запрыгнул Ле Шатон. Наверное, только благодаря ему я сразу погрузилась в сон и встала отдохнувшей и свежей.

С самого утра, ещё до завтрака, господин Визатис снова прислал за мной экипаж. Я нарочно одевалась медленнее обычного, всё ждала, что Кестер пришлёт весточку, но когда все сроки приличия вышли, пришлось оставить эту надежду.

Садясь в открытый экипаж, я случайно подняла глаза на окна второго этажа, где располагались его комнаты. Почувствовала его

взгляд и, клянусь, если бы он тогда позвал меня, то ни о какой поездке и речи быть не могло, но Кестер лишь отступил вглубь и пропал из виду.

— На, выпей это. Твоя спаригическая настойка, — Ванда, устроившаяся на скамейке напротив, протянула мне пузырёк с тёмной жидкостью. — Ты давно её не принимала, вот и ослабла духом.

Я слабо улыбнулась, но сделала пару глотков. Деликатность хозяйки всегда поражала меня: вроде бы она из простой семьи, но каким-то внутренним чутьём угадывала, когда и как что надо сказать, а каких тем касаться не стоит. Я была очень благодарна ей за всё.

— Так мне можно будет вернуться в Плауполис и продолжить служить у вас? — снова спросила я.

— Конечно, только взвесь всё хорошенько. Дом у этого странного господина весьма добротный, — вздохнула хозяйка, и больше мы этой темы не касались. -- Но я буду тебе рада.

Ле Шатон, напитавший меня Силой за ночь, дрых без задних лап у меня на коленях.

Господина Визатиса, к моему облегчению, снова не было дома. Велемир встретил меня и уже по-дружески взял за руку, а потом, смутившись моего взгляда, извинился так горячо, что даже покраснели кончики ушей.

— Сколько вам лет? — спросила я, чтобы сгладить неловкость, но оказалось, что зря это сделала.

— Почти двадцать восемь, София.

И он снова завладел моей рукой.

На этот раз на правах хозяина он показал мне дом и начал говорить о нём так, будто я уже завтра была готова сюда переехать. Ванда с алхимом на руках, продолжавшем спать, следовала за нами, как немой страж, и от её присутствия мне становилось легче. Будто воздух очищался, и сохранялась иллюзия, что я могу уйти в любой момент.

— Здесь можно сделать большую спальню, — снова начал планировать Велемир, и на этот раз я решила помешать его фантазиям.

— Послушайте, я не смогу жить здесь, — как обычно, по своей дурацкой привычке, я начала разговор издалека. Это не раз подводило меня в приюте, но избавиться от неё и начать говорить с самого

главного не позволял такт. Боялась обидеть человека, хотя по итогу обычно всё выходило ещё хуже.

Так получилось и на этот раз.

— Необязательно нам жить здесь, я понимаю, муж должен привести жену в свой дом, не в родительский. Я смогу арендовать нам небольшой домик в центре, у меня есть накопления. И в одной из комнат поставил белое пианино, когда я буду возвращаться с работы, то загодя услышу вашу игру, и это придаст мне сил.

— Я нравлюсь вам, Велемир? — спросила я излишне резко, но поняла, что тянуть больше нельзя.

Мы остановились на пороге маленькой комнаты, вся мебель в которой была покрыта чехлами, даже картины на стенах и те были занавешены.

— Очень, София. Я думаю, что смогу полюбить вас, — на этот раз молодой человек посерьёзней и пристально посмотрел мне в лицо.

— Я люблю другого, — выдохнула я, чувствуя себя героиней глупой трехмонетной пьесы, которые обычно ставят бродячие труппы.

В них всё не взаправду, всё избыточно. Не по-настоящему.

— Вам придётся о нём забыть, — тон голоса Велемира изменился, что заставило меня лишь пристальнее приглядеться к нему.

Куда-то исчезла юношеская застенчивость, неловкость движений длинных худых рук, а в лице появилось жёсткое выражение, более присущее дельцу, нежели музыкально одарённому интеллигенту.

— Думаю, выбора у вас больше нет, — сказал он и, щёлкнув перед моими глазами пальцами, оградил от всего остального мира.

Я оказалась с ним один на один. В пустой комнате с занавешенными картинами и пыльными мебельными чехлами.

Глава 19

— Что происходит, Велемир? Куда делась Ванда и Ле Шатон? — я спрашивала и оборачивалась, чтобы наконец убедиться, что всё это сон. Вот сейчас проморгаюсь — и всё станет как прежде.

Это всё от переутомления, после беспокойно ночи ещё и не такое привидеться!

— София Габелл, так, кажется, тебя зовут? Или это твоё ненастоящее имя? — Велемир принялся говорить с несвойственной ему ранее насмешкой. Вмиг сделался выше ростом, расправил худые плечи и скрестил руки на груди.

— Ты готова меня выслушать?

— Что произошло? Кто вы? На самом деле? — я отступила на шаг, и спина упёрлась в стену. Пошарив рукой, я убедилась, что дверь и вовсе исчезла.

Выход остался только через окно, но между ним и мною стоял Велемир. Молодой человек медленно снял очки и, сложив их в футляр из дорогой кожи, засунул в карман брюк.

— Вижу, ты не совсем готова, но ждать у меня нет времени. Визатис скоро придёт, и мы объявим ему о помолвке.

— Стой, где стоишь! Не приближайся! — выкрикнула я, уловив попытку Велемира приблизиться. Он даже протянул мне руку, но я посмотрела на неё с таким нескрываемым ужасом, что собеседник только усмехнулся.

— Я уеду отсюда, и вы меня больше не увидите, — лепетала я, готовая заплакать, но держалась из последних сил. — Зачем я вам? Я не его дочь.

— Конечно, нет, дурочка, но это совсем неважно. Он и не заметит подмены. Поэтому так легко поддался на мои... манипуляции.

— Он ведь воспитал вас! — я попыталась воззвать к совести говорившего, хотя что-то внутри, должно быть, голос разума говорил: не выйдет. У человека, скрывающего злые умыслы под личиной рассеянности и робости, совесть давно почила.

Велемир рассмеялся тем горьким смехом, каким раздражаются довольные собой и удавшейся шуткой люди. Сейчас он ничем не напоминал того молодого человека, с которым я познакомилась в Тиждане. Который говорил о пианино, будто о живом существе с ранимой душой.

— Ты и впрямь приютская дурочка с минимальным магическим объёмом! Впрочем, — он повёл носом, словно принюхивался, — я чую иное. Вздумала меня дурить?!

— Не понимаю, — качала я головой, посматривая в сторону приоткрытого окна. Это была моя единственная надежда.

Падать со второго этажа, наверное, больно, но кустарник, плотно растущий под окнами, смягчит падение. Я выживу и вернусь к Кестору. Ах, если бы я его послушала и не приезжала больше в этот дом!

— Не получится! — хмыкнул Велемир и, не сводя с меня больших серых глаз, захлопнул створку. А потом достал из кармана маленький восковой шарик и кинул, не глядя в сторону окна.

Прозрачное стекло вмиг покрылось жёлтой паутиной.

— Вы Маг?! — ахнула я, поняв, что он только что поставил затвор. Запечатал ещё один, последний, выход.

Кестер рассказывал мне о таком приёме, равно как и то, что такое слабое заклятие обычно ставят...

— ... Маг-Перевертыш!

Услышав позади невозмутимый голос Ванды, я чуть не взвизгнула от радости. Во-первых, Маг-перевертыш — самая слабая каста среди них, во-вторых, моей хозяйке удалось пробить один из затворов и проникнуть к нам, значит, с Силой Велемира справится даже травница!

— И вы здесь?! Да ещё с алхимом! Впрочем, так даже лучше, напитаюсь потом его Силой. Вы не учли, благородная госпожа, что войти сюда гораздо проще, чем выйти, — хохотнул Велемир и снова бросил восковой шарик за мою спину.

Я обернулась и успела только схватиться за руку хозяйки, по-прежнему державшей на руках полусонного Ле Шатона, и мир окрасился в ярко-жёлтый цвет.

Следующие минуты он почти поглотил меня, сделав своей частью. Я ослепла, оглохла, одеревенела, но продолжала сжимать ладонь Ванды в своей.

Очнулась, когда почувствовала боль в запястьях, и поняла, что сижу на стуле, а руки связаны невидимой магической верёвкой. Её ощущаешь, когда пробуешь развести их в стороны.

Мы с Вандой сидели рядом в двух шагах от стены с занавешенными портретами.

— Брр! — тряс головой и яростно фыркал Ле Шатон, опутанный тонкой леской с ног до кончика хвоста с кисточкой. Алхим сидел на полу неподалёку от нас и пытался яростно клацать зубами, но и тут у малыша ничего не выходило.

Не такой уж и простак этот Велемир!

— Итак, на чём мы остановились, когда нас так бесцеремонно прервали? — послышался голос Велемира, и прищурившись я наконец разглядела его в углу комнаты.

— Что тебе от нас надо?

— То же, что и вам от Визатиса. Его деньги. Но не только.

Велемир взял стул и сел напротив. После вспышки света я почти не видела его лица, но чувствовала: он жадно смотрит на меня. Как на бабочку, которой надо оторвать крылья.

Не по злобе, а в лечебных целях. По нужде.

Один умрёт — второй исцелится.

— Он был одержим надеждой, я учуял её, только приехав в город. Это моя любимая эмоция. Почти как твой страх.

— Не бойся его, — подала голос Ванда. — Он не может причинить вреда, если ты не чувствуешь ничего.

— Верно, — кивнул Велемир. Я скорее увидела это внутренним зрением, чем глазами. Боль в них ещё не прошла. — Но мне достаточно и того, что дал мне Визатис. А я создал для него иллюзию. Это так благородно с его стороны — усыновить сироту. Это об этом он мечтал, но не представилось случая, а я дал ему другое прошлое. И он стал надеяться ещё больше. И тут появилась ты, София.

— Зачем тебе я? — снова спросила я, поняв, что надо тянуть время. Нам Мага не одолеть, но, возможно, помощь придёт.

— Чтобы укрепить надежду Визатиса, превратив её в уверенность. А я стану подпитываться этим, пока вы оба живы. Потом отправлюсь в столицу, там обо мне, должно быть, забыли.

Зрение возвращалось, но в доме стояла такая тишина, что сначала я подумала, что снова оглохла.

— Плакун-трава, — застонала Ванда, и в её голосе мне почудилась злость на себя, а не слабость.

Вот, значит, как, опоил. И господина Визатиса, чтобы настроить его на нужную эмоцию, и нас, чтобы мы не сбежали раньше положенного.

А потом стал питаться и моим чувством вины, которое я испытывала за обман хозяина дома. И ревностью. И любовью к Кестеру.

— Надежда, София. Она не покинет тебя, пока ты жива, — услышала я снова.

— Я не его дочь! Я скажу ему об этом!

— А он не поверит, да ты и не скажешь, — Маг подошёл совсем близко и, обхватив меня за плечи, заставил встать на ноги. — Смотри,

это портрет его жены. Вы немного похожи, не находишь?

Велемир протянул руку, и простыня, покрывающая одну из центральных картин на стене, упала на пол.

С портрета на меня смотрела молодая женщина в светлом платье. Изящная, хрупкая и прелестная. Но поразила меня не это.

Её глаза. Большие, тёмные, как у оленёнка. Я видела их в прошлом. И слишком хорошо помнила тот миг, когда они навсегда закрылись.

С портрета на меня смотрела Винона. Та самая, повзрослевшая, какой она могла бы стать. Но никогда не станет!

Глава 20

— Не находишь фамильное сходство? А по мне так, похожи, — голос Велемира звучал насмешливо. Он и сам не понимал, насколько близок к истине.

Они похожи. Мать и дочь. Только вот я не помню у Виноны искорёженной руки. Она была чуть неуклюжей, совсем как я, но не более того.

Додумать эту мысль я не успела.

— Эй, ты что крутишься?! — крикнул похититель и толкнул меня вперёд с такой силой, что я упала и ударилась о золочёную раму портрета. Рассекла бровь, должно быть, но даже кровь, заливающая глаза, не помешала видеть происходящее.

Алхим вдруг справился с леской и давай крутиться на месте, словно волчок. Как собака, гоняющаяся за хвостом.

— Да как ты смог выбраться?! — бормотал Маг, на что Ванда хвастливо заявила:

— Я надела ему на шею амулет из клевера. Вот и пригодился! Знала, что добра здесь не жди! — с гордостью сказала Ванда.

Маг злобно фыркнул, я услышала, как упал стул, и Велемир направился к моей хозяйке, я уже приготовилась было кричать, но сделать Маг ничего не успел.

В противоположной стене открылась дверь, и из неё на нас выскочил Кестер. Всё произошло настолько быстро и неожиданно, что мне показалось, будто я выдаю желаемое за действительное.

— Держи! — крикнул Кестер непонятно кому и бросил Велемиру золотую молнию.

Сноп света, снова лишивший меня способности видеть и чувствовать, пронзил воздух. Я могла лишь сидеть, прислонившись к холодной стене и уповать на то, что на голову не свалится тяжеленный портрет.

Что-то шарахнуло совсем рядом, и в грохоте я расслышала жалобный писк алхима. Поползла на звук на четвереньках, чтобы защититься. Ле Шатон маленький, так и придавят в драке ненароком, наверняка на лапу уже наступили.

— Куда ты?! — Потянула меня за край платья Ванда и заставила сесть рядом. — Маги дерутся, а ты не встревай. Пришибут ненароком и не заметят.

Свет вокруг начал гаснуть, я увидела, что мы с Вандой сидим за баррикадой из поваленных на пол стульев. Кестер и Ленкок со сдвинутой на затылок шляпой стояли у двери, время от времени бросая в сторону Велемира заклинания в виде золотых молний. Тот умело укорачивался, всё дальше отходя к окну, затянутому жёлтой паутиной.

— Где Ле Шатон? — спросила я Ванду, но она только покачала головой, и у меня сердце ухнуло в живот. Неужели?!

— Держи его! — крикнул Кестер, и я посмотрела в сторону окна. Теперь в жёлтой паутине зияла дыра, а самого Велемира не было нигде видно.

— Сидите обе здесь и не высовывайтесь, пока не вернусь, — бросил мне Кестер, торопливо пожав руку, и кинулся в дверь за Ленкоком, продолжившим преследовать сбежавшего.

На какое-то время в комнате с поломанной, ещё дымящейся мебелью, воцарилась тишина. Всё в ней было разбито и искорёжено так, что уже и не починить. Разбитый горшок с землёй валялся там, где ещё минуту назад стоял Велемир. Картины на стене были пробиты молниями или полусожжены.

Лишь портрет госпожи Визатис чудом не пострадал.

— Давай обождём, — начала было Ванда, вставая с колен и отряхивая подол. Вид у неё был грустный, но решительный. — Что так смотришь? Я сразу поняла, что ты узнала эту женщину. Неужели и вправду ты дочь Визатиса?

— Нет. Но я её знаю. Знала.

Спросить Ванда у меня ничего не успела, потому как с улицы донёлся крик, в котором я узнала голос хозяина дома.

— Нам надо туда, — упрямо сказала я и в поисках поддержки взглянула на Ванду. — Скорее, вы идёте?

— А куда же деваться-то? — бурчала хозяйка позади меня, стараясь не отстать. Я же уже мчалась вниз по лестнице, чтобы скорее оказаться в саду.

Велемир держал руку на плече Визатиса, а Рысь и Ленкок стояли в отдалении по обе стороны полукругом, чтобы Маг-Перевёртыш в случае чего не посмел сбежать.

— Это враги, они хотели вас обокрасть. И настроили против вас вашу дочь, — голос Велемира снова стал таким, каким я его помнила: застенчивым, робким, заискивающим.

Господин Визатис стоял рядом, как зачарованный, и кивал.

— Я так и подумал, — пробасил он наконец, смотря перед собой невидящим взглядом. — Вызови полицию.

— Конечно, господин, всё сделаю, только позже. Давайте отпустим их с миром, а они взамен оставят вашу дочь с нами. Бедная девушка и так настрадалась!

Велемир взглянул на меня с усмешкой. Он рассчитал всё верно.

Дернется кто — Визатису конец, а потом исчезнет и Велемир. Обвинят во всём приезжих, это они ради наживы убили одиноко живущего господина и его секретаря, а потом сбежали. Возможно, Кестер найдёт способ избежать прямого обвинения и преследования, но для этого потребуется много времени и денег.

И когда вернётся к делам, его место будет занято.

Всё это промелькнуло в голове за мгновения, пока я смотрела в глаза господина Визатиса. При виде меня он немного очнулся от забытья и даже хотел что-то сказать, но Велемир только сильнее надавил ладонью на его плечо.

Тут-то, несмотря на знаки, которые подавала мне Ванда, чтобы я немедленно отошла на безопасное расстояние, и на взгляды Кестера, говорящие о том же самом, я поняла, что именно от меня зависит, чем закончится это противостояние.

— Идите прочь, медленно, а ты ко мне, — скомандовал Велемир, и я сделала шаг в его сторону. Так будет легче.

— Я знаю, где ваша дочь, — тихо произнесла я, смотря в глаза хозяину дома. Вначале мне показалось, что ничего в них не изменилось. Всё та же недоброжелательность и настороженность, с которыми я уже сталкивалась в этом доме.

— Он тебя не услышит, дурочка!

— Она была со мной в приюте, мы одного возраста, — продолжила я, облизав пересохшие губы. И когда Велемир попытался схватить меня за руку, а Кестер с Ленкоком пустили в него молнии, которые обожгли моё бедро и попали в грудь Визатиса, задев и Велемира, который прикрывался бывшим хозяином как щитом, я выдохнула Визатису в лицо:

— Она умерла в одиннадцать лет.

И в его глазах наконец появилась жизнь. Он услышал меня, хотел что-то спросить, но тут же рухнул в траву, как подкошенный, а из раны потекла кровь. Я не видела уже ни боевых Магов, ни Ванды, обнявшей меня за плечи и пытавшейся отвести в сторону от тяжело раненного.

Не заметила, как в сторону выхода поковылял Велемир, не видела, как он не успел достичь калитки и упал навзничь, сражённый боевым заклятием.

Мир вокруг словно сузился до размеров дорожки, на которой лежал господин Визатис, а рядом сидела я и держала его за руку.

И говорила. О Виноне, о том, как хорошо она умела слушать травы, как она была похожа на его жену. Наверное, он слышал не всё. Вокруг было шумно.

Но я говорила, потому что видела, что он понимает меня и благодарен за то, что я рассказываю о ней. Пусть и сейчас.

Потому что, кто знает, в следующий момент может быть слишком поздно. Даже для разговоров о погибших.

Глава 21

— Так как Велемиру удалось обмануть не только господина Визатиса, но и соседей? Ведь он появился пару месяцев назад, а все были уверены, что он был воспитанником хозяина с юных лет? — спрашивала я Кестера, когда спустя неделю после обозначенных событий, мы сидели в гостиной Визатиса и пили чай после сытного обеда.

Жизнь в белокаменном доме налаживалась, господин Визатис хоть и был ещё слаб, но уже сидел с нами за столом и с интересом

слушал обсуждение последних событий. Его выписали из госпиталя только вчера, и он сразу пригласил нас на обед.

Теперь он казался мне совершенно обычным, немного усталым, отстранённым, холодным по своей натуре, а не из недоверия. Он больше слушал и курил трубку на пару с моей хозяйкой, которая добавила в табак перетёртые веточки руты.

— Помогает снять остатки негативной энергии, — пояснила она на слегка удивлённый взгляд Визатиса, тот не стал уточнять и только кивнул. — Пусть весь дом очистится дымом.

Через час дышать здесь и вправду стало легче.

— Он зачаровал весь округ, гад? — фыркнула Ванда.

— Вовсе нет, — улыбнулся Кестер. Он сидел рядом и время от времени будто нечаянно касался моей руки. К еде так и не притронулся. — Ему не надо было накладывать чары на всю округу, это неразумная трата сил. Господин Визатис жил уединённо, для соседей всё выглядело так, будто он просто нанял секретаря.

— Я почти поверил в его иллюзию, — подал голос хозяин дома и поморщился, как от боли. — До сих пор тяжело думать, что всего этого не было.

— С Перевёртышами всегда так, — хмыкнул Ленкок, до этого молчаливо сидевший у еле тлеющего камина с бокалом горячительного. — А этот был довольно силён для своего уровня. Кроме Магии он явно пользовался чем-то ещё.

— Травником он был, — вздохнула Ванда. — Я ещё в Тиждане заметила, что он нам в чай плакун-траву добавил. Правда, дозу малую, не сработала она при моих амулетах. И ветви можжевельника над порогом, редкие травы в саду при полном отсутствии цветов.

— Моя жена очень любила цветы, особенно лилии. Я до недавнего времени видел их в саду повсюду, — Визатис снова помрачнел, а потом поймал мой взгляд, и что-то надломленное в нём отступило в тень. — София, вы расскажите мне какой была Винона, и где находится этот приют. Я бы хотел съездить на её могилу. Может, настало пора перебраться куда-то на Юг, ближе к столице?

— Конечно, господин Визатис, только я мало что могу добавить к тому, что уже рассказала, — слабо улыбнулась я и вспомнила о том, как Велемир играл для нас на пианино.

Он был подлецом и приспособленцем, как мне рассказал Кестер, тоже без роду и племени, приютским, перед которым были закрыты пути на сцену королевского театра, а в бродячих трупках много не заработаешь.

Я не оправдывала преступника, мне было лишь жаль, что в итоге не выжил ни он, ни его жертвы, ни Винона, имевшая для приюта слишком слабые лёгкие.

Тут и травы бессильны. Вот если бы была возможность позвать целителя и укрепить их магическими заклинаниями, а там, глядишь, и переросла бы!

— Нет, всё-таки мало этому Велемиру досталось! — тем временем негодовала Ванда. — Скольких он высасывал дотла, жертвы наверняка были!

— Конечно, чтобы достигнуть такой Силы, Перевертышу нужна регулярная практика и постоянный магический источник, — кивнул Кестер и прищурился. Чай остывал, кроме меня, его никто не пил, я же, напротив, приканчивала третью чашку и внимательно слушала. — Вряд ли он имел дело с настоящими Магами, слишком хлопотно и опасно.

— Не, явно, и близко к ним не приближался, — снова подал голос Ленкок, даже не повернувшись к нам. — Я покопался в его комнате и нашёл артефакт «сковывающие путы». На случай если перед концом разум жертвы очнулся.

— И скотинку маленькую даже не пожалел, — всхлипнула Ванда, утирая глаза краем головного платка, который всегда держала в корзинке под рукой, а в некоторых случаях использовала его и как носовой. Потом, конечно, он постирывался и сушился.

Все сочувственно замолчали, а господин Визатис даже налил моей хозяйке бокал горячительного, за что заслужил её скупую улыбку.

— Ле Шатон не рождается и не умирает, бросьте вы плакать по нему. Он и есть сама Сила. Вернее, её часть. Ему всё равно срок вышел, я и то боялся что вот-вот рванёт его, и кто-нибудь пострадает, — Кестер мимолётно посмотрел на меня и пожал мою руку под столом. — А тут такой случай представился. Если бы не Ле Шатон, Перевертыш бы не ослаб настолько, чтобы мы так быстро его

вычислили и подоспели вовремя. Он запутал следы так, что они вели за стены Нортингса. Хотел, чтобы мы время потеряли на ваши поиски.

— А скотинку скоро можно будет вернуть? — снова поинтересовалась Ванда и посмотрела на Кестера с такой надеждой, что тот только улыбнулся.

— Думаю, через месяц-другой. Но предупреждаю, он вернётся голодным до ваших булочек.

— Я напеку столько, что ещё и нас с Софией хватит! И на всех присутствующих останется, — рассмеялась Ванда и искоса посмотрела на Визатиса.

Разошлись мы, когда солнце уже село и на улице заметно похолодало. Всю дорогу обратно до постоянного двора я была молчалива, и Ванда не стала лезть с разговором.

Я вспоминала Винону, думала о её отце, но также и о Велемире, который получил столько боевых заклинаний в грудь, что весь почернел, будто кожа обожглась до оголённых костей. Умирал он недолго, в суматохе никто не обращал внимания на виновного, лежавшего среди розмариновых веток.

По иронии судьбы розмарин используют для оберега от воровства и лжи.

— Ну что? — спросила Лада, едва мы переступили порог постоянного двора. Она сообщила, что Робинсон предложил ей жить вместе и оставить работу.

Я была рада за неё, но от дальнейших расспросов отмахнулась, пообещав всё ей рассказать на обратном пути.

Выехали мы на следующий день рано утром, вещи собрали заранее.

Визатис накануне взял с меня обещание съездить вместе в приют на могилу его дочери, что позже я и выполнила.

— Если вам несложно, София, посещайте меня иногда, — произнёс он обычным тоном, но по его глазам и морщинкам, появившемся в уголке рта, я видела, что мой ответ очень важен. — Я ничего от вас не требую, не подумайте.

Я и не думала, поэтому обещала и это.

Дорога обратно заняла не больше недели.

— Как вы считаете, хозяйка, почему Велемир присылал за мной человека в Плауполис? Зачем разыскивал? — спросила я, когда мы

остались наедине.

Кестер на этот вопрос не ответил, обронив, что всё это пустое, и я слишком много думаю об этом Перевертыше, что это начинает уже раздражать. Мне же казалось, что это важно.

— Я могу сказать лишь свои предположения. — осторожно, словно ступала по болотной топи, ответила Ванда. — Он уже знал, кого Рысь привезёт в Нортингс, и хотел сделать это сам. Так ты бы попала под его влияние, и, кто знает, возможно, однажды расправилась бы с Визатисом раньше срока. Или с помощью трав приблизила его конец. А потом Маг избавился бы и от надоевшей жены тем же способом. Он не был хорошим человеком, София, не думай о нём больше.

Так я и поступила, да и думать о посторонних мне вскоре стало некогда.

Стоило вернуться в столицу, как Кестер сделал мне предложение, подчеркнув, что раз я не хочу становиться дочерью богатого человека, то придётся стать его женой. Супругой не слишком щепетильного и добропорядочного Мага, но вполне родовитого и богатого.

— Я не смогу вести жизнь светского человека, София, ты же понимаешь? — спросил он ещё раз, чтобы удостовериться, что я иду в брак с ним с открытыми глазами. — Но я буду тебе верен, это обещаю. И приложу усилия, чтобы ты никогда не пожалела о своём выборе. Если что, можно просто отвести тебе глаза. Теперь я знаю, как здорово это работает.

Я только стукнула наглеца кулаком в грудь и, в свою очередь, поклялась, что при случае опую его так, что он вечно будет видеть меня молодой и прекрасной. А если что напутаю, то пусть не взыщет!

— А любить меня обещаешь? Всегда-всегда? — засмеялась я и пристально посмотрела в синие глаза избранника.

— Не знаю, как насчёт всегда, но в ближайшие лет восемьдесят точно, — ответил он тем же полушутливым тоном, каким был задан вопрос и, подхватив меня на плечо, понёс в спальню.

Я жила у Ванды в услужении ещё три месяца, а с наступлением зимы мы с Кестером поженились в Городской Ратуше. Я переехала к

мужу, но травницкое дело не забыла, теперь уже помогая Ванде на равных. Иногда и вовсе подменяла её, когда та ездила отдыхать.

В последнее время её отлучки становились всё продолжительнее, пока Ле Шатон, вернувшийся и теперь вечно крутившейся возле Отравительницы, не сказал, что она отдыхает в компании человека с Севера, который перебрался в столицу совсем недавно.

— В моём возрасте жизнь менять поздно. Я не хочу быть хозяйкой в его доме, но почему бы не пообщаться с приятным, кто бы мог подумать, мужчиной?! — ответила она кокетливо на все мои расспросы.

Я тоже время от времени навещала Визатису по его приглашению и без него. Эти визиты меня не тяготили.

Прах Виноны он перезахоронил на городском кладбище, поставив небольшой склеп, в котором со временем хотел упокоиться сам. Супруга Визатиса наконец воссоединилась с дочерью, и теперь они лежали вместе, как и полагается близким.

Мы с Кестером жили дружно, хотя в первое время не без скандалов, очень уж оба ярко горели в споре и в любви. О детях совсем не задумывались, пока через пару лет я не решила, что пора. Сила моя благодаря Магу, находящемуся рядом, достигла расцвета, забеременела и родила я весьма удачно.

В середине лета у нас появился сын, а через три года он уже проявил первые магические способности, легко создав алхима в виде птицы, похожей на маленького снегиря, но такой же несносной и болтливой, как и Ле Шатон.

— Видишь, теперь ему не будет одиноко! — засмеялся Кестер, увидев плоды творения сына.

— Боюсь, однажды я с ним не справлюсь.

— Так и будет, София. Так и будет. Но для меня главное, чтобы с тобой справился я. А наш сын сам разберётся со своей Силой. Вот увидишь!

Муж снова оказался прав. Больше детей мы не захотели, слишком были поглощены друг другом.

Однажды Кестер отойдёт от дел, и мы отправимся в путешествие по большой воде. Туда, где, говорят, растут диковинные травы ростом с человека.

Туда, где никогда не заходит солнце и туда, где оно садится. А пока я всем довольна.

Для исполнения желания я иногда растирала девять красных цветков дикой гвоздики и настаивала отвар на тлеющих углях, пока он не начинал благоухать на всю комнату. Так что вскоре всё непременно сбудется.

Или уже сбылось с того момента, как я получила лицензию гильдии травников. София Габелл осталась в прошлом, теперь у меня было родовое имя по мужу.

А сыну, когда он подрастёт, я обязательно скажу, что в этом мире возможно все. Надо лишь сильно захотеть и идти к цели, отбросив все сомнения.

Конец